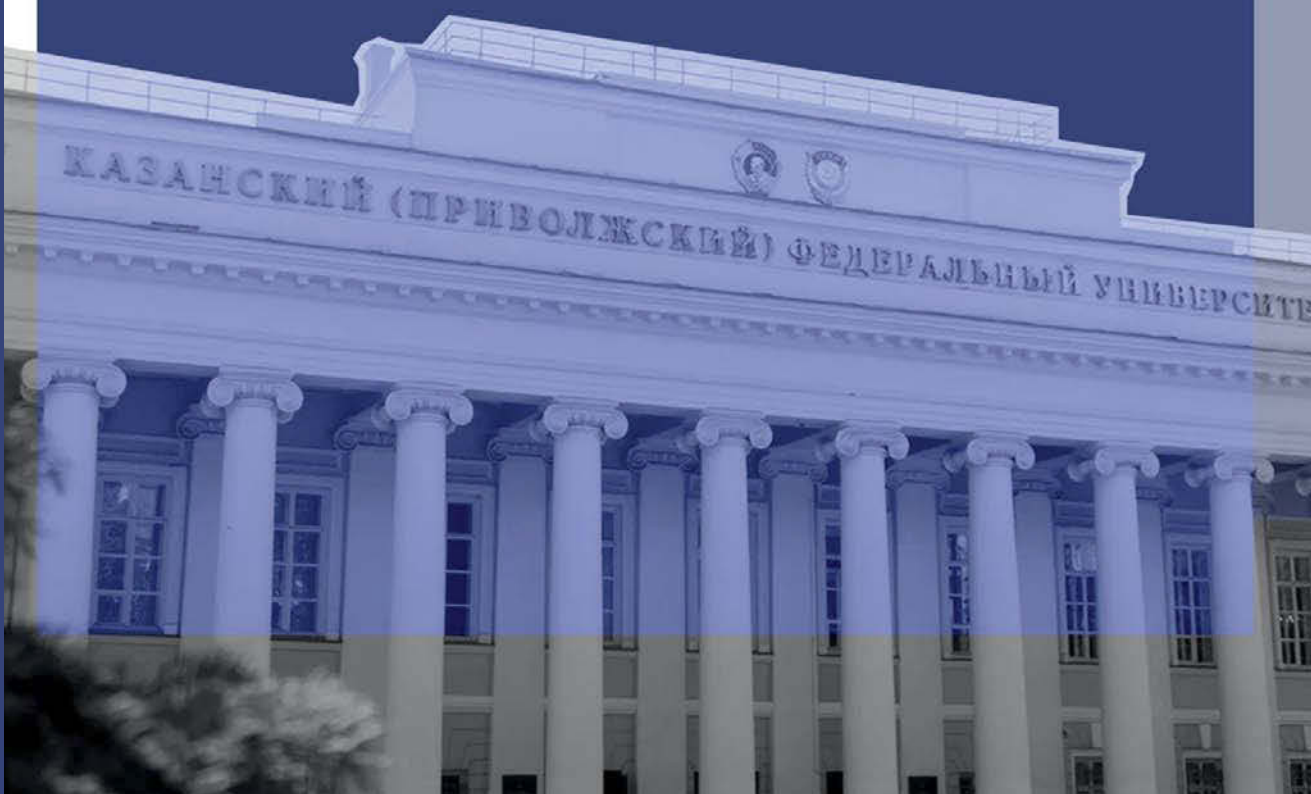

ISSN 2079-5912

№2 2025 (69)

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
THE KAZAN SOCIALLY-HUMANITARIAN BULLETIN

Социологические науки
Философские науки

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

ISSN 2079-5912

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2025, № 2 (69)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатаулович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Российская Федерация, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Ильясия Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Российская Федерация, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, РФ.

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки. г. Казань, РФ.

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. И.о. директора Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ КХТИ, г. Казань, РФ.

Хайрулина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Г. Казань, РФ.

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 30.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 6,41. Тираж 300 экз. Заказ № 46/6.

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Агапова Э.И., Шамсутдинова Р.Р., Шамсутдинова И.И.
К вопросу о реализации полилингвального образования
в Республике Татарстан (по результатам социологического исследования)4

Горохов Д.С. Осмысление якутского регионального кино с позиций
социальной теории: символическое производство
и воображаемое сообщество 19

Гуденкова О.И. Восприятие тюменцами социокультурных традиций цыган
(по материалам анкетных опросов) 28

Савельева Ж.В., Соколова Е.А. Интернет-эстетика как (пост) субкультура:
идентичность, стиль и картина мира представителей core 37

Сорокин Г.Г., Проботюк В.В. Трансформации социальной сущности
образования пожилых граждан в официальных документах
стратегического планирования государственной политики РФ..... 46

Хурамшина А.З., Гневашева В.А., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т.
Демографическое состояние Республики Татарстан:
динамика показателей и основные тенденции 55

ФИЛОСОФИЯ

Бабанова А.И. Проект идеологии как трансформация реальности
и ложного сознания 63

Васюков Р.В. Патерналистская модель помощи: проблемы и перспективы
(социально–философский анализ)..... 73

Марданова А.Д., Муртазин С.Р. Философия медицинской коммуникации:
теоретические основания 81

Нигоматуллина Р. М. Управление кризисом: от ценности к гуманитарной
технологии 88

Тавобелов Д.Р. Постмодерн и путешествие героя. Как массовая культура
переписала мифы 96

Токранов А.В. Оправдание творчества в софиологии С.Н. Булгакова..... 102

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Абдульязнов А.Р. Транспортная система как гибридная реальность:
акторно-сетевой подход к анализу взаимодействия между
техничко-технологическими и социальными процессами города 108

CONTENTS

SOCIOLOGY

- Agapova E.I., Shamsutdinova R.R., Shamsutdinova I.I.** On the issue of the implementation of multilingual education in the Republic of Tatarstan (based on the results of a sociological study)4
- Gorokhov D.S.** Understanding Yakut regional cinema from the perspective of social theory: symbolic production and imagined community 19
- Gudenkova O.I.** Perception of Tyumen residents of the socio-cultural traditions of the Gypsies (based on questionnaire surveys) 28
- Saveleva Zh. V., Sokolova E. A.** Internet Aesthetics as a (post) Subculture: identity, Style, and Worldview of core representatives 37
- Sorokin G.G., Probotyuk V.V.** Social essence transformations of the senior citizens education in official strategic planning documents of the Russian Federation State policy46
- Khuramshina A.Z., Gnevasheva V.A., Khayrullina Y.R., Talibova F.T.** Demographic state of the Republic of Tatarstan: dynamics of indicators and main trends..... 55

PHILOSOPHY

- Babanova A.I.** The project of ideology as a transformation of reality and false consciousness 63
- Vasyukov R.V.** The Paternalistic Model of Assistance: Problems and Prospects (A Socio-Philosophical Analysis)..... 73
- Mardanov A.D., Murtazin S.R.** Philosophy of medical communication: theoretical foundations 81
- Nigmatullina R.M.** Crisis management: from values to humanitarian technology 88
- Tavobellov D.R.** Postmodernity and the hero's journey. How mass culture has rewritten myths..... 96
- Tokranov A.V.** The justification of creative activity in S. Bulgakov's sophiology. 102

REVIEW ARTICLES

- Abdulzyanov A.R.** The transport system as a hybrid reality: an actor-network approach to the analysis of the interaction between the technical, technological and social processes of the city 108

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.4–18>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**К вопросу о реализации
полилингвального образования в Республике Татарстан
(по результатам социологического исследования)**

Агапова Э.И.

*Институт развития образования,
420015, Казань, Большая Красная улица, 68 Российская Федерация*

Шамсутдинова Р.Р.

*Институт развития образования,
420015, Казань, Большая Красная улица, 68 Российская Федерация
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Шамсутдинова И.И.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена теме реализации полилингвизма в Республике Татарстан, которая зарекомендовала себя флагманом осуществления инноваций во многих отраслях, в том числе и в образовании. В качестве эмпирических данных выступают результаты научно-прикладного исследования «Татарский язык в системе полилингвального образования Республики Татарстан», проведённого в 2024 году. В данной статье рассматриваются вопросы реализации билингвального и полилингвального образования в Татарстане через описание видения учителями татарского языка полилингвальных и неполилингвальных образовательных организаций различных аспектов внедрения идей полилингвизма в систему образования, степени его актуальности для сохранения и развития татарского языка. Для формирования объективного представления о качестве реализации полилингвизма в Татарстане полученные в ходе научно-прикладного исследования результаты сопоставляются с ключевыми положениями Концепции полилингвального образовательного комплекса «Адымнар – путь к знаниям и согласию», утверждённой Министерством образования и науки Республики Татарстан в 2019 году [1].

Ключевые слова: полилингвизм, многоязычие, билингвизм полилингвальная система образования, полилингвальная школа, Адымнар, татарский язык, английский язык.

Для цитирования: Агапова Э.И., Шамсутдинова Р.Р., Шамсутдинова И.И. К вопросу о реализации полилингвального образования в Республике Татарстан (по результатам социологического исследования). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;2(69):4–18.

On the issue of the implementation of multilingual education in the Republic of Tatarstan (based on the results of a sociological study)

Agapova E.I.

*Institute of Educational Development, 68 Bolshaya Krasnaya Street, Kazan, 420015,
Russian Federation*

Shamsutdinova R.R.

*Institute of Educational Development, 68 Bolshaya Krasnaya Street,
Kazan, 420015, Russian Federation
Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya str., Building 1, 420008, Kazan, Russian Federation*

Shamsutdinova I.I.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya str., Building 1, 420008, Kazan, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the implementation of multilingualism in the Republic of Tatarstan, which has established itself as the flagship of innovation in many industries, including education. The empirical data are the results of the scientific and applied research "The Tatar language in the multilingual education system of the Republic of Tatarstan", conducted in 2024. This article examines the issues of the implementation of bilingual and multilingual education in Tatarstan through the description of the vision of teachers of the Tatar language of multilingual and non-multilingual educational organizations of various aspects of the introduction of ideas of polylingualism into the education system, the degree of its relevance for the preservation and development of the Tatar language. To form an objective idea of the quality of the implementation of multilingualism in Tatarstan, the results obtained in the course of scientific and applied research are compared with the key provisions of the Concept of the multilingual educational complex "Adymnar - the path to knowledge and harmony", approved by the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan in 2019 [1].

Keywords: multilingualism, multilingualism, bilingualism, multilingual education system, multilingual school, Adymnar, Tatar language, English.

For citation: Agapova E.I., Shamsutdinova R.R., Shamsutdinova I.I. On the Implementation of Multilingual Education in the Republic of Tatarstan (based on the results of a sociological study). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2(69)):4–18.

Введение

Динамика развития российского государства и общества в начале XXI века связана с формированием нового геополитического профиля и технологического уклада, что подразумевает пристальное внимание к образовательным стратегиям, позволяющим гражданам России сформировать необ-

ходимые профессиональные и общегражданские компетенции для устойчивого развития страны. Одной из таких образовательных стратегий, открывающих широкие перспективы для социализации российской молодёжи, выступает полилингвальное образование. Помимо общих федеральных программ по сохранению этнокультурного

и языкового многообразия народов России [2] и развитию полилингвальнойности каждый из субъектов Российской Федерации стремится создать свою линейку практик освоения языков. Республика Татарстан, начиная с 90-х гг. XX века, сделала ставку на инновационное развитие и смогла создать гибкую политическую и социокультурную модель. На сегодняшний день укрепление международных позиций Российской Федерации с мусульманскими государствами востребовали авторитет и связи Республики Татарстан в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии [3]. В этой связи овладение английским, китайским, турецким, фарси и иными иностранными языками позволяет татарстанцам активно выстраивать сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья, тогда как знание русского и татарского языков важно для межкультурного диалога внутри республики. Образование как социальный институт, в котором происходит передача и усвоение научного знания и накопленного опыта, а также формирование мировоззрения личности, пытается адекватно реагировать на новые вызовы и запросы рынка труда. Концепция развития полилингвального образования в Республике Татарстан подробно представлена д-р пед. наук, профессором Ф.Г. Ялаловым в одноименном труде, в котором раскрывается содержание термина «полилингвальное образование» и предлагается инвариантная линейка изучения языков [4].

Тема полилингвизма или многоязычия как практического овладения многими языками с конца прошлого столетия стала мейнстримом в области образования многих стран мира. Её актуальность в России подтверждается проведением за последние 20 лет большого количества международных научно-практических конференций, в которых приняли участие учёные разных областей: филологи, историки, лингвисты, политологи, социологи,

психологи, педагоги. Анализируя стратегии развития полилингвизма в образовательном пространстве России, они приводят в своих статьях и выступлениях аргументы его возрастающей актуализации и неизбежности. Описывая зарубежный опыт внедрения полилингвизма, представители системы высшего образования пришли к выводу, что полилингвизм является скорее требованием нашей эпохи, а не просто желанием отдельных социальных групп [5]. Зарубежные исследования последних шести лет, основанные на эмпирических данных регионов России и посвящённые изучению взаимосвязи между трилингвизмом, билингвизмом и образовательными достижениями школьников, пришли к выводу о том, что использование языков этнических меньшинств в семье или в качестве инструмента обучения не оказывает негативного влияния на образовательные результаты, в том числе и по русскому языку [6].

Реализация полилингвизма в субъектах Российской Федерации предполагала прежде всего сохранение и развитие родного языка в контексте укрепления межнациональных отношений и на сегодняшний день имеет свои первые результаты. В зависимости от исторических условий заселения тех или иных регионов представителями различных этносов и формирования национальной и языковой политики в республиках складываются различные модели поликультурного образования [7]. В Республике Татарстан достаточно долгое время реализовывалась политика билингвизма, предусматривающая обязательное изучение всеми учащимися общеобразовательных школ двух языков – татарского и русского. Ряд проведенных исследований показал, что реализация политики билингвизма по оценкам всех субъектов образовательного процесса носила противоречивый характер. С одной стороны, в рамках двух

государственных программ [8,9] было осуществлено много новых успешных проектов, направленных на изучение, сохранение и развитие татарского языка [10], с другой стороны, в системе школьного образования стали проявляться проблемы, требующие безотлагательного решения – прежде всего коррективка количества часов, отводимых на изучение русского языка в соответствии с федеральным законодательством и модернизация методики преподавания татарского языка в средней школе [11].

В 2017 году произошли изменения, в ходе которых республиканское руководство Татарстана подготовило новые стандарты образования, согласно которым татарский язык остался в качестве обязательного предмета для всех школьников республики с 1 по 9 класс, но количество часов на его преподавание сократилось. В 2019 году по инициативе Государственного Советника Республики Татарстан, Специального посланника ЮНЕСКО по межкультурному диалогу, председателя Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» М.Ш. Шаймиева, был запущен образовательный проект «Адымнар – путь к знаниям и согласию», включающий в себя строительство сети полилингвальных комплексов в городах республики. Основная идея заключалась в создании полилингвальной среды, в которой татарский и иностранный языки станут языками обучения, а не только предметами изучения. В том же году Приказом Министерства образования и науки Республики Татарстан был разработан и утверждён документ, определяющий общие положения, значимость и цели проекта, структуру образовательного комплекса, модель выпускника и базовые ценности полилингвальной школы – Концепция полилингвального образовательного комплекса «Адымнар – путь к знаниям и согласию» [1].

Структура полилингвального образовательного комплекса включает в себя образовательные учреждения начального, основного и среднего общего образования и имеет следующие структурные подразделения: начальная школа, билингвальная школа, полилингвальная школа, интернат и загородный центр дополнительного образования. С момента открытия в Татарстане первой полилингвальной школы прошло четыре года и появились исследования, описывающие и анализирующие практики внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в республике, включая учебно-методическое сопровождение и формы воспитательной работы с учащимися [12].

Цель данной статьи заключается в выявлении специфики реализации направлений полилингвального образования в Республике Татарстан на основе результатов социологического исследования «Татарский язык в системе полилингвального образования Республики Татарстан» [13], проведенного в 2024 году, в контексте основных положений Концепции полилингвального образовательного комплекса «Адымнар – путь к знаниям и согласию» (далее – Концепция).

Методология исследования

Исследование реализовано в рамках качественной методологии, что позволило выявить понимание учителями татарского языка цели и специфики реализации полилингвального образования в Татарстане, а также видение перспектив развития татарского языка в системе полилингвизма. В качестве объекта прикладного исследования выступили учителя татарского языка полилингвальных, билингвальных и общеобразовательных школ с углублённым изучением иностранных языков трех городов Республики Татарстан (Казань, Елабуга, Нижнекамск). Данные были собраны в ходе проведения

21 глубинных интервью, выборка целевая и ограничилась учителями городских школ. Возраст респондентов варьируется в интервале от 27 до 60 лет, педагогический стаж – от 6 до 28 лет.

Результаты исследования

В ходе исследования учителям татарского языка был предложен блок вопросов, раскрывающих понимание педагогами сущности полилингвального образования, его цели и специфики развития в Татарстане. Педагоги также представили своё видение портрета (модели) выпускника полилингвальной школы как результата образования, выделяя характерные черты и особенности, а также преимущества в сравнении с выпускниками неполилингвальных общеобразовательных организаций. Учителями были высказаны и возможные причины выбора родителями для своих детей школы, реализующей программу полилингвального образования.

Начиная с определения, которое было закреплено резолюцией ЮНЕСКО в 1999 году, остаётся неизменным ядро понятия мультиязычного образования, которое во многих педагогических трудах упоминается как поликультурное, а чаще полилингвальное, и подразумевает применение в образовании по меньшей мере трех языков, а именно родного языка, регионального либо национального языка и международного языка [14]. В отечественных педагогических исследованиях активно используется понятие полилингвального образования, под которым понимают «целенаправленный процесс приобщения подрастающего поколения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда каждый из изучаемых языков выступает в качестве способа постижения сферы специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных народов» [7]. В Концепции полилингвального образовательного

комплекса «Адымнар – путь к знанию и согласию» чётко прописано, что «это паритетное обучение на нескольких языках, приобщение детей средствами изучаемых языков к культурному богатству многонационального народа России, знакомство детей с достижениями мировой культуры, воспитание их в духе толерантности и межнационального согласия» [1]. В данном документе прописано три языка – русский, татарский и английский.

В ходе проведённого исследования учителя, определяя полилингвальное образование, делают акцент на том, что это прежде всего изучение языка как предмета и использование его в качестве средства обучения. Из интервью: *- Когда ты получаешь новое знание, используя разные языки. То есть предметы плюс языки (учитель полилингвальной школы); - Полилингвальное образование, я считаю, когда ребёнок, изучая разные языки, развивается и применяет вот эти языки по разным направлениям, например, по биологии. Биология в 5-6 классах на татарском или с элементами татарского, а уже седьмого класса с элементами английского. Применение языка при изучении предметов это и есть специфика полилингвальных школ (учитель полилингвальной школы).* Рассуждая о специфике полилингвизма в Татарстане, респонденты говорили о сохранении татарского языка через систему школьного образования: *- Это возможность получать образование на нескольких языках при сохранении своего родного татарского (учитель школы с углублённым изучением иностранных языков); ...- полилингвальная школа призвана сохранить именно татарский язык (учитель полилингвальной школы).*

В свою очередь учителя билингвальных школ и школ с углублённым изучением иностранных языков определяют полилингвальность как создание условий и среды с изучением нескольких языков и на нескольких языках,

не акцентируя при этом внимание на татарском языке. Из интервью: *Полилингвальное образование – это такая тенденция в мире, которая отражает желание сохранить национальные языки, но при этом знать и «ходовые» языки. Например, русский и английский – это популярные языки ... или тот же китайский (учитель школы с углублённым изучением иностранных языков); – Это образование, нацеленное на языковую составляющую образовательного процесса (учитель билингвальной школы); – Это прежде всего создание среды, где идёт преподавание на нескольких языках (учитель билингвальной школы).*

Формулируя цель полилингвального образования, учителя просили время подумать, чтобы дать более полный ответ. Мнение педагогов здесь единодушное независимо от места их педагогической деятельности. Большинство респондентов считают, что цель полилингвального образования заключается в сохранении татарского языка в республике как языка общения прежде всего для этнических татар, а также в повышении его статуса и сохранении татарской национальной культуры. Из интервью: *– Чтобы татарский язык не потерял свои корни вообще. Вся же речь об этом идёт, что татароязычные люди, которые называются татарами, они татарский же не знают. И, к сожалению, это большая проблема, и скорее всего, наверное, в республике, наша задача сохранить наш язык, нашу культуру и дальнейшим поколениям передать (учитель полилингвальной школы); – Для сохранения татарского языка как средства общения. Чтобы татарский язык не исчез совсем. Ведь сегодня старшее поколение и в основном деревенское население говорит и пишет на татарском языке, а молодые люди и городское население – нет (учитель школы с углублённым изучением иностранных языков); – Придать значимость татарскому языку, поднять его статус (учитель билингвальной школы).*

Некоторые респонденты, формулируя цель полилингвального обучения в регионе, связывают её с созданием полилингвальных комплексов и способами актуализации татарского языка. Из интервью: *– Для сохранения родного языка прежде всего. Думаю, что это ответ на проблемы с выбором родного языка и написанием заявления родителями. Если в Адымнар идёшь, ты уже знаешь, что ты будешь учить татарский язык и точка, и предметы на татарском языке тоже. То есть сознательно ведёшь ребёнка туда, понимая, что он будет изучать татарский язык как родной. Сейчас много татар, которые не владеют татарским (учитель полилингвальной школы).*

Педагоги, говоря о создании полилингвальных комплексов в Татарстане, отдельно подчёркивали роль республиканского руководства в решении вопроса популяризации татарского языка, выражая полное понимание и поддержку современной языковой политике. Из интервью: *– Сохранение татарского языка, культуры. В билингвальных школах тоже это делают, но тут подход другой, средства государство выделяет, привлекают родителей и учащихся новыми оборудованными комплексами с полным днём пребывания детей. И в коридоре вы будете слышать татарскую речь. То есть это попытка создать современную культурную среду, где превалирует татарский и английский языки (учитель билингвальной школы).*

Преподавание на татарском и английском языках в полилингвальной школе рассматривается учителями как эффективная стратегия популяризации татарского языка среди подрастающего поколения, когда, благодаря проникновению интернета во все сферы жизнедеятельности человека, знание английского языка воспринимается необходимым и естественным. Такое отношение, с точки зрения педагогов, поменяет и отношение к изу-

чению татарского языка. Из интервью: - *Популяризация татарского языка. Вот ведут предметы на татарском как раньше в деревенских национальных школах...и некоторые, даже те же родители учащихся, подумают – «О, это же прошлый век, зачем?». И в этих школах вводят английский как средство обучения, и отношение тихонько меняется, и к татарскому языку, потому что он наравне с иностранным языком применяется в школе. Думаю, это такой продуманный метод. Он сработал (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков).*

Профессор Ялалов Ф.Г., раскрывая вопрос понимания участниками образовательного процесса особенностей полилингвальной системы обучения, отмечал, что не только родители, но и сами педагоги порой не могут назвать ключевые преимущества полилингвального образования, отмечая лишь очевидные, часто внешние условия: «В их ответах в основном упоминаются количество изучаемых языков и классов с углубленным изучением иностранных языков, профильных предметов, возможности дополнительного образования и т.д. У большинства учителей представление о полилингвальной школе связано с внешними факторами, дополнительными возможностями для обучения и развития детей» [4]. И действительно, говоря о решающих факторах, влияющих на выбор родителями полилингвального образования для своих детей, учителя прежде всего называли созданную благоприятную атмосферу, наличие кружков, обеспеченность школы новым оборудованием и системой безопасности, возможность находиться ребёнку в школе полный день: - *Атмосфера, общая культура, возможность развивать свои способности, не выходя из школы (наличие кружков, бассейна, театра, КВН, радио) (учитель полилингвальной школы); - Родителей и детей всегда привлекает новое...здание, площадка, классы, нали-*

чие бассейна, кружков и секций внутри школы (учитель билингвальной школы); - В такой школе дети находятся до 5 вечера, а значит родители спокойны – их дети в безопасности, занимаются в кружках, не бездельничают, а все время заняты, развиваются, уроки делают (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков). При этом некоторые из опрошенных педагогов, чьи дети обучаются в школах Адымнар, говорили о факторах, влияющих на выбор школы, именно с позиции родителя.

В качестве причины выбора обучения в Адымнар педагоги обозначили воспитательную деятельность педагогического коллектива полилингвальных школ, отражающуюся в проведении мероприятий на татарском и английском языках: - *Воспитательная составляющая этих школ, проведение праздников на татарском, английском языках» (учитель билингвальной школы); - Прежде всего воспитательная среда, где идёт развитие английского и татарского языков» (учитель полилингвальной школы).* Выбор родителями татарского языка как средства обучения в качестве первопричины указал лишь один респондент: - *Конечно, возможность обучаться на татарском языке для родителей-татар и плюс изучение иностранного языка, нахождение ребёнка полный день в школе» (учитель билингвальной школы).* Обучение на английском языке в качестве приоритета при выборе родителями полилингвальной школы не назвал ни один респондент. Таким образом, в качестве преимущества выпускников Адымнар респондентами на первый план выдвигается знание иностранного (английского) языка и обучение на нём, и в тоже время оно не упоминается как причина, по которой родители выбирают полилингвальную школу местом обучения своих детей.

Одной из важных задач полилингвизма учителя считают формирование высоких стандартов качества под-

готовки выпускников в республике. Так, представители полилингвальных школ обучение на английском языке изначально рассматривают как дополнительную компетенцию, которую выпускники смогут в дальнейшем применить за пределами своей страны, а педагоги неполилингвальных школ не видят в этом необходимости, вероятно ввиду того, что прямая установка на изучение иностранного языка с последующим его применением за пределами своей страны в их школах не акцентирована. Из интервью: - *Я считаю, что, открывая такие школы, задумались о том, чтобы дети стали конкретно способными на многое. И не только дети могли жить в Татарстане, а в мире. Они в любую точку мира могут поехать, и с легкостью могут общаться, адаптироваться, жить там и работать (учитель полилингвальной школы); -Идея, наверное, была такая: чтобы подготовить качественно учащихся для поступления не только в свои вузы, но и в заграничные, при этом чтобы знали свои корни, не забывали язык. Только вот готовить кадры для других стран как-то странно...с другой стороны много говорилось и говорят до сих пор о том, что надо конкурентноспособного выпускника, чтобы он мог уехать за границу. Не понимаю этого стремления, особенно в свете последних событий в мире. Зачем мы будем отправлять наших детей за границу? (учитель билингвальной школы).*

Модель выпускника полилингвальной школы как образ ожидаемого результата образования в Концепции представлена следующим образом: «это гражданин России, воспитанный на глубоком уважении к культуре родной страны, бережно относящийся к этнокультурному наследию своей республики, **свободно владеющий русским, татарским, английским языками**, способный к личностному росту и развитию для блага и процветания нашего отечества» [1]. Согласно

данному описанию первостепенным является воспитание гражданина России, уважающего историю и культуру своей страны, наследие республики. Как неотъемлемый и необходимый инструмент указывается знание и свободное владение тремя языками. В ходе проведенного исследования, представляя портрет (модель) выпускника полилингвальной школы, учителя всех типов школ делали акцент на воспитательной составляющей образовательного процесса, и прежде всего называли такие качества как воспитанность, образованность, высокая культурна, что отражает повестку дня современной школы, опирающейся в своей деятельности на усиление воспитательной составляющей образования: - *Целеустремлённый, воспитанный, культурный (учитель полилингвальной школы); - Он конкурентоспособный, образованный, воспитанный (учитель билингвальной школы); - Порядочный, культурный, с широким кругозором (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков).* Педагоги также упомянули владение как минимум тремя языками – татарским, русским, английским: - *Знающий татарский, русский, английский языки (учитель полилингвальной школы); - Прекрасно владеющий языками: русским, татарским, английским (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков).*

Педагоги не рассматривают формирование толерантности в качестве цели полилингвального образования. Так, в ходе исследования ни один представитель полилингвальной школы не назвал в качестве цели воспитание детей в духе толерантности и межнационального согласия как это указано в качестве посыла полилингвального обучения в Концепции. Учителя считают, что формирование толерантности у учеников является прежде всего воспитательной задачей школы, при этом подчёркивают важность знания

и уважения выпускниками своей истории, культуры, уважительное отношение к традициям других народов, проживающих на территории республики. Из интервью: - *Мы эту модель уже создали, мы это приняли. Естественно, говорящий в совершенстве на трёх языках, знающие культуру, традиции именно этих народов и уважающие всех, все нации. Это обязательно* (учитель полилингвальной школы); - *Знающий свои корни и уважающий землю и людей, на которой живет* (учитель полилингвальной школы); - *Уважающий традиции своего народа, народов, проживающих с ним в одной республике, знающий историю своей страны* (учитель билингвальной школы). В ходе интервью из уст учителей неполилингвальной школы прозвучала и характеристика, указанная в Концепции первой – быть гражданином России: - *Уважающий традиции своего народа, народов, проживающих с ним в одной республике, знающий историю своей страны, настоящий патриот России* (учитель билингвальной школы); - *Настоящий гражданин, любящий Родину, уважающий историю и культуру своей страны* (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков).

В свою очередь учителя полилингвальных школ делают акцент на конкурентноспособности своих выпускников, их уверенности в собственных возможностях, которые формируются благодаря знанию английского языка, воспитанию ответственности и развитию инициативности. Из интервью: - *Наш выпускник понимает, что ему все двери открыты. Куда бы он не пошёл, он будет успешным* (учитель полилингвальной школы); - *Воспитываем их ответственными за собственные решения. Уверенные в своих знаниях, полученных навыках, они поступят в те вузы, в которые запланировали. Знание языков конечно является дополнительным плюсом* (учитель полилингвальной школы); - *Я вообще представляю эту*

картину так: мои дети выпустятся из этой школы и поступят не только, например, в наши татарстанские вузы, в российские, но и легко поступят в другие – в Великобритании, в Германии, в Америке (учитель полилингвальной школы).

Таким образом при сравнении своих выпускников с выпускниками общеобразовательной школы, учителя полилингвальных образовательных организаций делают акцент на их конкурентном преимуществе, которое достигается благодаря созданным условиям для полной самореализации в школе и формированию у школьников чувства уверенности в собственных силах: - *В отличие от выпускника общеобразовательной школы он более конкурентноспособный, потому что у нас очень много условий и спортом заниматься, и полностью себя реализовывать, хоть робототехникой заниматься, да чем угодно. То есть у нас возможностей больше, и, если ребёнок в течение 11 лет использует все эти возможности, значит он уже на выходе почти готовый к жизни должен быть;* - *Он обладает лидерскими качествами, умеет презентовать себя, свой проект, грамотно выступает перед аудиторией* (учителя полилингвальных школ).

Учителя неполилингвальных школ, опираясь на свой личный опыт общения с учащимися из полилингвальных школ (на конференциях, конкурсах), отмечают широту их кругозора, объясняя это прежде всего обучением на иностранном языке: - *Широта кругозора, благодаря изучению иностранного языка и обучению на другом языке, дает возможность таким детям видеть перспективу, умение логически мыслить, принимать ответственные решения, делать осознанный выбор* (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков); - *Они очень творческие, свободно мыслят, знают языки* (учитель билингвальной школы). При этом учителя озвучили и отри-

цательные моменты, проявляющиеся в общении детей полилингвальных школ со своими сверстниками из неполилингвальных общеобразовательных организаций: - *Они более уверены в себе, так как им с первого класса учителя говорят о том, что они – будущее своей республики, своей страны. Хорошо, что у них формируется широта взгляда, кругозора, нет зашоренности. Но есть и другая сторона – самоуверенность и излишняя гордыня. Я знаю ребят из полилингвальной школы, которые на детей из обычной школы смотрят сверху вниз – это неправильно, такое воспитание ничего хорошего не принесёт* (учитель билингвальной школы). Причину такого поведения и отношения учителя видят в акценте внимания педагогов полилингвальных школ на исключительности своих подопечных и, как следствие, формируемом в них чувстве превосходства. Это подтверждается высказываниями самих учителей полилингвальных школ: - *Мы воспитываем великое поколение. Я так и говорю детям: «Вы – великое поколение, вы – будущее нашей республики! Вы выбрали учёбу в Адымнар».*

В свою очередь учителя неполилингвальных школ отмечают, что не видят значимых различий между выпускниками, кроме знания дополнительного иностранного языка. Из интервью: - *Не вижу особой разницы, мы все стараемся воспитать порядочных граждан своей страны, которые будут успешными и счастливыми, смогут реализоваться в жизни* (учитель школы с углубленным изучением иностранных языков); - *В полилингвальной школе акцент делается на языках, поэтому знание иностранного на высоком уровне – это и есть отличие от наших выпускников. А в остальном мы, как и наши коллеги из полилингвальных школ, стараемся развивать таланты и способности детей, подготовить их к будущей жизни, дать им прочные знания* (учитель билингвальной школы).

Заключение

Концепция полилингвального образовательного комплекса «Адымнар – путь к знаниям и согласию», созданная в целях формирования позитивного имиджа полилингвального образовательного комплекса в Республике Татарстан[1] на сегодняшний день представляет собой основной документ, содержащий ключевые положения осуществления полилингвального образования в республике, а её реализация требует высокой теоретико-методологической культуры всего педагогического сообщества, включённого в образовательный процесс полилингвальных комплексов, охватывающих начальное, основное и среднее общее образование, а также базовые детские сады и центр дополнительного образования. Соотнесение результатов анализа мнений учителей татарского языка, раскрывающих понимание цели полилингвального образования, специфики его реализации в Республике Татарстан с основными положениями Концепции показало, что педагоги всех типов школ видят в создании комплексов Адымнар реальную возможность для развития и популяризации татарского языка среди школьников и их родителей, а целью развития полилингвального образования в республике и причиной создания полилингвальных комплексов Адымнар сохранение татарского языка. Тем не менее в качестве причины выбора родителями обучения своих детей в данных школах педагогами не указывается английский язык, а татарский язык упоминается лишь в единичном случае. Вместе с тем педагоги видят большой потенциал воспитательной составляющей введения обучения на татарском языке, выражая надежду на то, что учащиеся-татары по национальности будут знать свою культуру и разговаривать на родном языке. Учителя всех школ выражают единодушие в том, что использование татарского

языка в качестве официального языка обучения в системе образования предоставляет возможности поднять его статус и тем самым сохранить национальную культуру татарского народа для будущих поколений. Таким образом, выбор родного татарского языка обучения как инструмента усвоения национальной культуры в понимании педагогов является ключевым.

Интервью с педагогами полилингвальных школ показало, что администрации и педагогическим коллективам полилингвальных комплексов Адымнар удалось создать положительный имидж в республике и за её пределами, благодаря плодотворной, поступательной деятельности как с учащимися, так и с их родителями. Ссылаясь на продуманную образовательную и воспитательную концепцию своих школ, педагоги полилингвальных комплексов Адымнар прогнозируют повышение престижности полилингвального образования в республике.

Следует отметить, что для большинства опрошенных учителей тема формирования у школьников толерантности и духа межнационального согласия средствами обучения и воспитания проскальзывает при раскрытии темы о модели выпускника полилингвальной школы и его ключевых характеристиках, а не в ответах на вопросы о цели и специфике развития полилингвизма в системе образования республики. Тема межнационального согласия звучит в контексте организации

воспитательных мероприятий и проектов работы с родителями учащихся.

Отмеченная в Концепции способность к личностному росту и развитию для процветания своей страны у представителей полилингвальных школ выступает на первый план с оговоркой, что преимуществом выпускников является возможность учиться и работать за пределами своей страны, более того, это рассматривается в качестве приоритета: учителя полилингвальных школ рассуждают о формировании гражданственности у школьников в рамках республики, но при этом будущее своих выпускников видят далеко за её пределами. При этом акцент делается на конкурентноспособности, уверенности в собственных возможностях, которое формируется благодаря знанию английского языка, воспитанию ответственности и развитию инициативности. Таким образом, в качестве преимущества выпускников полилингвальных школ подчёркивается знание и хорошее владение английским языком как возможности дальнейшего обучения и трудоустройства на совместном предприятии в РФ или за рубежом. Владение татарским языком в качестве преимущества учителями полилингвальных школ не называется, поскольку педагоги рассматривают это в качестве необходимого базового навыка каждого жителя республики, особенно для татароязычного населения как носителя национального культурного кода татарского народа.

Список литературы / References

1. Приказ Министерства образования и науки РТ от 24 мая 2019 года N под-852/19 «Об утверждении Концепции полилингвального образовательного комплекса "Адымнар - путь к знаниям и согласию"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/578185488?ysclid=lyr1ein05j746991271> (дата обращения 03.09.2024)

2. Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan dated May 24, 2019 N pod-852/19 "On approval of the Concept of the multilingual educational complex "Adymnar - the path to knowledge and harmony" [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/578185488?ysclid=lyr1ein05j746991271> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

3. Ассамблея народов России. Общероссийская общественная организация. Проекты и программы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ассамблеянародов.рф/proekty-i-programmy-dejstvujushhie> (дата обращения 03.09.2024).

The Assembly of the Peoples of Russia. All-Russian public organization. Projects and programs. [electronic resource]. – Access mode: <http://ассамблеянародов.Russian Federation/proekty-i-programmy-dejstvujushhie> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

3. Тюрина Н.Е., Хусаинов З.Ф. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации: вопросы теории и современная практика Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 4. – С. 131–139. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-i-vneshneekonomicheskie-svyazi-subektov-rossiyskoy-federatsii-voprosy-teorii-i-sovremennaya-praktika-respubliki/viewer> (дата обращения 03.09.2024).

Tyurina N.E., Khusainov Z.F. International and foreign economic relations of the subjects of the Russian Federation: issues of theory and modern practice of the Republic of Tatarstan // Scientific Journal. The cauldron. University of the Humanities. science. – 2020. – Vol. 162, book 4. – pp. 131–139. [electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-i-vneshneekonomicheskie-svyazi-subektov-rossiyskoy-federatsii-voprosy-teorii-i-sovremennaya-praktika-respubliki/viewer> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

4. Ялалов Ф.Г. Концепция полилингвального образования в Республике Татарстан // Научный Татарстан. №3. С. 80–96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42358348> (дата обращения 25.07.2024).

Yalalov F.G. The concept of multilingual education in the Republic of Tatarstan // Scientific Tatarstan. No. 3. pp. 80–96 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42358348>

www.elibrary.ru/item.asp?id=42358348 (accessed 07/25/2024). (In Russ.)

5. Бушуева Е.В. Полилингвальное образование: зарубежный опыт внедрения многоязычия в процесс обучения // KANT. – 2021. №1(38). – С. 200–204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polilingvalnoe-obrazovanie-zarubezhnyy-opyt-vnedreniya-mnogoyazychiya-v-protsess-obucheniya/viewer> (дата обращения 03.09.2024).

Bushueva E.V. Multilingual education: foreign experience of introducing multilingualism into the learning process // KANT. 2021. №1(38). Pp. 200–204 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/polilingvalnoe-obrazovanie-zarubezhnyy-opyt-vnedreniya-mnogoyazychiya-v-protsess-obucheniya/viewer> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

6. Эктор А. Ф., Деметрио Т. Г. Э. Трилингвизм, билингвизм и образовательные достижения на примере чувашского и татарского языков в сельском регионе России // Вопросы образования. 2018. №. 3. С. 8–35 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trilingvizm-bilingvizm-i-obrazovatelnye-dostizheniya-na-primere-chuvashskogo-i-tatarskogo-yazykov-v-selskom-regione-rossii/viewer> (дата обращения 03.09.2024)

7. Иксанова Р. М. и др. Опыт внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Современные проблемы науки и образования. 2021. №. 6. С. 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47670030> (дата обращения 03.09.2024)

Iksanova R. M. et al. The experience of implementing a multilingual model of multicultural education in the subjects of the North Caucasus Federal District // Modern problems of science and education. 2021. No. 6. p. 81 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47670030> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

8. Постановление КМ РТ от 25 октября 2013 г. №794 «Об утверждении государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014-2022 годы» // Режим доступа: <https://base.garant.ru/22507746/> (дата обращения 03.09.2024)

Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tatarstan dated October 25, 2013 No. 794 "On approval of the State program "Preservation, Study and Development of the State languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2014-2022" // Access mode: <https://base.garant.ru/22507746/> / (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

9. Постановление КМ РТ от 18 декабря 2013 г. №1006 «Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» (с изменениями и дополнениями) // Режим доступа: <https://base.garant.ru/22506846/> (дата обращения 03.09.2024).

Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tatarstan dated December 18, 2013 No. 1006 "On approval of the State program "Implementation of the State National Policy in the Republic of Tatarstan for 2014-2020" (with amendments and additions) // Access mode: <https://base.garant.ru/22506846/> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

10. Поморцева Н.П., Авдеева В.В. Проблема реализации принципов билингвального образования в Республике Татарстан // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28. № 3. С. 67–75 // Режим доступа: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-3-67-75> (дата обращения 03.09.2024).

Pomortseva N.P., Avdeeva V.V. The problem of implementing the principles of bilingual education in the Republic of Tatarstan // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2022. Vol. 28.

No. 3. pp. 67-75 // Access mode: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-3-67-75> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

11. Лаукарт-Горбачева О. В., Максимова О. А. Билингвальное образование в оценке представителей различных поколений Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2017. №. 3. С. 142-145 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvalnoe-obrazovanie-v-otsenke-predstaviteley-razlichnyh-pokoleniy-respubliki-tatarstan/viewer> (дата обращения 03.09.2024)

Laukart-Gorbacheva O. V., Maksimova O. A. Bilingual education in the assessment of representatives of different generations of the Republic of Tatarstan // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. No. 3. pp. 142-145 // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvalnoe-obrazovanie-v-otsenke-predstaviteley-razlichnyh-pokoleniy-respubliki-tatarstan/viewer> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

12. Буркова Т. А. и др. Анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в Республике Татарстан // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. №. 4 (94). С. 34-51 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktik-vnedreniya-polilingvalnoy-modeli-polikulturnogo-obrazovaniya-v-respublike-tatarstan/viewer> (дата обращения 03.09.2024).

Burkova T. A. and others. Analysis of the implementation practices of the multilingual model of multicultural education in the Republic of Tatarstan // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2021. No. 4 (94). pp. 34-51 // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktik-vnedreniya-polilingvalnoy-modeli-polikulturnogo-obrazovaniya-v-respublike-tatarstan/viewer> (accessed 03.09.2024). (In Russ.)

13. Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 21 декабря 2023 года №под-2321/23 – ОД «Об утверждении Государственного задания учредителя для государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития

образования Республики Татарстан» на 2024 год».

Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan dated December 21, 2023 No.pod-2321/23 – OD "On approval of the State Assignment of the Founder for the State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education "Institute of Educational Development of the Republic of Tatarstan" for 2024".(In Russ.)

14. Языки в образовании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webarchive.unesco.org/10611/20190331014203/https://ru.unesco.org/themes/gced/languages>.

Languages in education. [electronic resource]. – Access mode: <https://webarchive.unesco.org/10611/20190331014203/https://ru.unesco.org/themes/gced/languages>. (In Russ.)

15. Хурамшина А.З., Давлетшина Л.А., Шамсутдинова Р.Р. Проблемы и перспективы институционального становления полилингвального образования в Татарстане. *Человек и образование*. 2023. № 2(75). С. 47-58. – DOI 10.54884/S181570410026373-5.

Khuramshina A.Z., Davletshina L.A., Shamsutdinova R.R. Problems and prospects of the institutional formation of multilingual education in Tatarstan. *People and education*. 2023. No. 2(75). pp. 47-58. – DOI 10.54884/S181570410026373-5. (In Russ.)

16. Хурамшина, А. З. Формирование социотипов личности общества качества жизни / А. З. Хурамшина // Евразия и глобальные социально-экономические изменения : VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов, Казань, 12–13 марта 2020 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – С. 208–211. – EDN JWLEPM. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44181156> (для авторизованных пользователей) (дата обращения: 16.11.2022).

Khuramshina, A. Z. Formation of sociotypes of the personality of the quality of life society / A. Z. Khuramshina // Eurasia and global socio-economic changes : The VII International Congress of Sociologists

of the Turkic World: collection of scientific papers, Kazan, March 12–13, 2020. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2020. pp. 208–211. EDN JWLEPM. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44181156> (for authorized users) (accessed: 11/16/2022). (In Russ.)

17. Минзаринов Р.Г., Шамсутдинова И.И. Цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных изменений. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023. № 4 (61) с. 41–44. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.41-44>

Minzaripov R.G., Shamsutdinova I.I. Digital competence of youth in the context of global changes. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023. № 4 (61) с. 41–44. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.41-44>. (In Russ.)

18. Шамсутдинова, И. И. Поликультурное образование в условиях многонациональной Республики / И. И. Шамсутдинова, Р. Р. Шамсутдинова // Современные тенденции и перспективы изучения родных языков и поликультурного воспитания детей и молодежи : Материалы межрегионального научно-практического симпозиума, Чита, 28 февраля 2019 года / Под общей редакцией Б.Б. Дамбаевой, С.З. Кимовой, Е.Д. Дугаржаповой. – Чита: Государственное учреждение дополнительного профессионального образования "Институт развития образования Забайкальского края", 2019. – С. 64–68.

Shamsutdinova, I. I. Multicultural education in a multinational Republic / I. I. Shamsutdinova, R. R. Shamsutdinova // Current trends and prospects of learning native languages and multicultural education of children and youth : Proceedings of the interregional Scientific and practical symposium, Chita, February 28, 2019 / Under the general editorship of B.B. Dambaeva, S.Z. Kimova, E.D. Dugarzhapova. Chita: State Institution of Additional Professional Education "Institute of Educational Development of the Trans-Baikal Territory", 2019, pp. 64–68. (In Russ.)

19. Шамсутдинова, Р. Р. Формирование языковой личности в полилингвальной среде / Р. Р. Шамсутдинова, И. И. Шамсутдинова // Правовые основы функциониро-

вания государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах): Сборник материалов международной научно-практической конференции, Казань, 11 декабря 2019 года. – Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, 2019. С. 222–225. EDN NLNOJG. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41720114> (для авторизованных пользователей) (дата обращения: 16.11.2022).

Shamsutdinova, R. R. Formation of linguistic personality in a multilingual

environment / R. R. Shamsutdinova, I. I. Shamsutdinova // The legal basis for the functioning of state and regional languages in the context of bilingualism and multilingualism (world experience in the implementation of language policy in federal states): Collection of materials of the international scientific and practical conference, Kazan, December 11, 2019. Kazan: G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, 2019. pp. 222-225. EDN NLNOJG. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41720114> (for authorized users) (accessed: 11/16/2022). (In Russ.)

Информация об авторах

Шамсутдинова Расима Равиловна, зав. кафедрой татарского языка и литературы Института развития образования Республики Татарстан, канд. филол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций. e-mail: tnd@rambler.ru

Агапова Элеонора Игоревна, ведущий научный сотрудник информационного отдела, канд. философ.наук. Институт развития образования Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Шамсутдинова Ильясия Ильдусовна, кан.соц.наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID 57192957595; ORCID ID0000-0003-4217-7405, e-mail: 89173914070@mail.ru

Information about authors

Shamsutdinova Rasima Ravilovna, Head of the Department of Tatar Language and Literature at the Institute of Educational Development of the Republic of Tatarstan, PhD in Philology. PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications. e-mail: tnd@rambler.ru

Agapova Eleonora Igorevna, Leading Researcher at the Information Department, Candidate of Philosophical Sciences. Institute of Education Development of the Republic of Tatarstan.

Shamsutdinova Ilsiya Ildusovna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID 57192957595; ORCID ID0000-0003-4217-7405, e-mail: 89173914070@mail.ru

Поступила в редакцию 23.05.2025; принята к публикации 18.06.2025.
Received 23.05.2025; Accepted 18.06.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.19–27>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Осмысление якутского регионального кино
с позиций социальной теории: символическое
производство и воображаемое сообщество**

Горохов Д.С.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева (Самарский университет),
443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается феномен якутского кинематографа как форма символического производства и механизм репрезентации культурной идентичности народа саха в постсоветский период. Рассматривая якутский «кинобум» как социокультурное явление, автор опирается на теоретические подходы Пьера Бурдьё (концепция символического капитала и культурного поля) и Бенедикта Андерсона (воображаемые сообщества). Уделяется внимание роли традиционного эпоса, звукового ландшафта и национального языка в формировании данного феномена. Якутское кино рассматривается как современный медиум коллективной памяти, способствующий сохранению и воспроизводству субъектности «воображаемого сообщества». Также анализируются институциональные условия становления якутского кино — в частности, независимый региональный прокат как механизм культурной автономии. Делается вывод о том, что региональный кинематограф способен выступать в роли автономного культурного поля, мобилизующего внутренние ресурсы сообщества, формировать коллективную память, поддерживать локальную идентичность.

Ключевые слова: региональный кинематограф, якутское кино, воображаемое сообщество, символическое производство, репрезентация, культурная идентичность, олонхо, саундскейп.

Для цитирования: Горохов Д.С. Осмысление якутского регионального кино с позиций социальной теории: символическое производство и воображаемое сообщество. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (2(69)):19–27.

Understanding Yakut regional cinema from the perspective of social theory: symbolic production and imagined community

Gorokhov D.S.

Samara University, Samara, 443086 Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of Yakut cinema as a form of symbolic production and a mechanism of representation of the cultural identity of the Sakha people in the post-Soviet period. Considering the Yakut film boom as a socio-cultural phenomenon, the author relies on the theoretical approaches of Pierre Bourdieu (the concept of symbolic capital and cultural field) and Benedict Anderson (imagined communities). Attention is paid to the role of traditional epic, soundscape and national language in the formation of this phenomenon. Yakut cinema is considered as a modern medium of collective memory, contributing to the preservation and reproduction of the subjectivity of the 'imagined community'. It also analyses the institutional conditions for the formation of Yakut cinema, in particular, independent regional distribution as a mechanism of cultural autonomy. It is concluded that regional cinema is capable of acting as an autonomous cultural field that mobilises the community's internal resources, forms collective memory, and supports local identity.

Keywords: regional cinema, Yakut cinema, imagined community, symbolic production, representation, cultural identity, olonkho, soundscape.

For citation: Gorokhov D.S.. Understanding Yakut regional cinema from the perspective of social theory: symbolic production and imagined community. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2(69)):19–27. (In Russ.)

Введение

Современная социология всё чаще обращается к региональным формам культурного производства как к пространствам альтернативной идентичности и символической автономии. Одним из наиболее ярких примеров последних лет является феномен якутского «кинобума», возникшего и развитого в условиях постсоветской трансформации. Этот региональный кинематограф не только приобрёл устойчивую институциональную структуру, но и стал выразителем этнокультурной субъектности народа саха. В условиях глобальной медиатизации и культурной гомогенизации якутское кино демонстрирует потенциал локального сообщества в стремлении к символическому выживанию и культурному самоопределению.

Несмотря на активное развитие и международное признание, феномен якутского кино пока недостаточно осмыслен с точки зрения социологии. Отсутствует системный анализ того, как региональная кинематография функционирует как форма символического производства и репрезентации идентичности. Как именно визуальные, звуковые и мифологические ресурсы превращаются в инструменты коллективной памяти и культурного сопротивления — остаётся вопросом, требующим социологического анализа.

Цель настоящей статьи — проанализировать якутский кинематограф как форму регионального символического производства.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1) обозначить социокультурные предпосылки формирования якутского кино в постсоветский период;

2) проанализировать роль эпоса олонхо и акустического ландшафта (саундскейпа) как источников репрезентации якутского «воображаемого сообщества»;

3) рассмотреть якутское кино с позиций социологических концепций Б. Андерсона и П. Бурдье.

Методологически статья основана на качественном кейс-стади в рамках интерпретативной традиции социологии. Анализ строится на соединении теоретических моделей символического производства (П. Бурдье) [1, 2] и концепции воображаемого сообщества (Б. Андерсон) [3]. В работе использован анализ публикаций отечественных исследователей, посвящённых феномену якутского кино и культуре саха – Ии Покатиловой [4], Татьяны Егоровой [5], Владимира Кочаряна [6], Татьяны Павловой-Борисовой [7]. Эти тексты рассматриваются как теоретико-эмпирические источники, содержащие интерпретации, которые соотносятся с теоретическими рамками статьи и уточняют социокультурный контекст изучаемого феномена.

Научная новизна исследования заключается в междисциплинарной интерпретации якутского кино как феномена культурной репрезентации на стыке локального и глобального. Статья предлагает рассматривать якутский кинематограф не только как художественную практику, но как самостоятельное культурное поле, мобилизующее ресурсы этнической памяти, языка и визуального кода для построения устойчивой идентичности.

Социокультурные предпосылки формирования якутского кино в постсоветский период

О кино из Якутии широкий зритель знает последнее десятилетие, однако путь якутских образов к большой

аудитории был долгим: от энтузиаста-любителя Василия Приютова, который в 1913 году пристроил к своему дому кирпичную киноаппаратную к пику якутской киносети в период СССР (28 кинотеатров и 740 киноустановок) и, наконец, к распаду Советского Союза в 1991 году. Вплоть до постсоветского времени о собственных якутских художественных фильмах речи пока не шло – основное внимание уделялось доминирующему советскому кинопрокату [7, с. 72, 77]. Распад СССР поставил под угрозу существование кинопроизводства в Якутии: кинотеатры закрывались, государственная поддержка исчезла. Однако это время стало отправной точкой для становления якутского национального кино как производителя собственных смыслов.

Владимир Кочарян, режиссер-документалист, пишет в предисловии к первому сборнику с действующими лицами якутского кинематографа: *«Кинематограф — это механизм, машина, состоящая из визуальных образов, звуков, драматургических решений и слепков с документальной реальности»* [6, с. 9]. Начиная с 1990-х якутская «машина кино» вступает в переходное состояние: от одного устойчивого существования в советских рамках к другому, более сложному и многогранному. В это время мощной силой для якутских деятелей искусств становится самосознание, возрождение национального: режиссеры и сценаристы обращаются к именам предков, мифологическим героям, к архетипам прошлого. Во многом, на взгляд исследователей, к этому приводит общее ощущение хаоса, который нарушает стабильность прежних ценностей и идеалов. В художественной культуре народа саха находится даже образ «халаануута» – *«полноводной реки, вышедшей из своих берегов»* [4, с. 148]. Этот образ с одной стороны, отражает возвращение якутской культуры к истокам, а с другой стороны, характеризует

чувство мощной преобразовательной энергии, долго накапливающейся в доминирующей советской парадигме.

С 2004 года в Якутии наблюдается этап активной институционализации локального кинопроизводства, часто обозначаемый исследователями и самими участниками процесса как «кинобум» [7, с. 81]. Производственный процесс на раннем этапе отличался высокой степенью самодеятельности и минимального технического обеспечения: съёмка осуществлялась на доступные бытовые камеры, проекционное оборудование было малобюджетным, а декорации и технические приспособления создавались вручную. Однако, как отмечают сами участники процесса, именно эти ограничения способствовали выработке нестандартных художественных решений и развитию авторского стиля, что согласуется с гипотезой о позитивной роли ограниченных ресурсов в условиях творческой мобилизации Пьера Бурдье [2, с. 47].

Одним из решающих факторов институционализации якутского кинематографа стало формирование региональной инфраструктуры кинопроката, независимой от федеральных сетей, который в регионе просто не было. Ключевым событием, которое положило начало устойчивому кинопроцессу, стал успех короткометражного фильма «Любовь моя...» (2004) Сергея Потапова. Несмотря на сверхмалый бюджет, фильм собрал в местном прокате сумму, вчетверо превышающую его производственные затраты. Этот кейс стал экономическим и символическим прецедентом, легитимизировавшим якутское кино как востребованный культурный продукт. С тех пор объём локального производства стал расти, достигнув в конце 2010-х годов стабильного показателя 10–15 фильмов в год, что эквивалентно 1–2 премьерам ежемесячно.

Это обстоятельство, на первый взгляд выглядящее как ограничение, в действительности дало возможность развивать альтернативную модель проката, основанную на внутреннем спросе. Как поясняет Пётр Чиряев, директор республиканской киносети, в большинстве российских регионов локальные фильмы не доходят до экрана из-за приоритетов федеральных прокатчиков [9]. В Якутии же, благодаря независимости сетей, местные фильмы получили прокатный доступ и стали конкурировать с голливудскими блокбастерами на равных условиях. На сегодняшний день в регионе функционирует 51 кинозал, полностью независимый от федеральных структур. Такая политика прямо способствует распространению локального кино даже в отдалённые населённые пункты, превращая кино в медиум культурной интеграции и солидарности. Так в регионе сложился уникальный для России случай — локальный кинематограф со своей экосистемой: производством, прокатом, аудиторией и устойчивым спросом [8].

С точки зрения социологии, сформировалось автономное поле культурного производства, где ключевую роль играют не внешние экономические ресурсы, а способность культурных агентов (режиссёров, продюсеров, прокатчиков) мобилизовать внутренние символические и институциональные ресурсы. Якутское кино оказывается не только художественным, но и социально-инфраструктурным проектом, основанным на перераспределении доступа к кинопросмотру и задающее вектор развития индустрии. Это подтверждает важнейшее положение Бурдье: автономия культурного поля возможна только при наличии независимых механизмов воспроизводства, среди которых локальный прокат становится не просто каналом распространения, но частью самого механизма символического производства [1].

Роль эпоса олонхо и акустического ландшафта (саундскейпа) как источников якутского киноязыка

Вместе с якутским языком именно олонхо становится тем самым «представляемым общим», что согласно подходу Б. Андерсона формирует воображаемое сообщество: *«нечто более интенсивное, чем любого рода «общество», нечто более глубоко укорененное, нежели исторически во многом случайные границы «нации-государства»»* [3, с. 13]. Якутский эпос – центральный источник символического и нарративного материала якутского кинематографа. Олонхо представляет собой сложный цикл мифологических сказаний, отражающих космогонические представления, систему ценностей, жизненные практики и ментальные коды, выработанные в условиях экстремального климата и исторической маргинальности. Как отмечает искусствовед Ия Покатилова, олонхо *«сконцентрировал в себе все существующие стороны народного и художественного творчества и оказал значительное влияние на формирование профессиональной художественной культуры Якутии в XX веке»* [4, с. 17].

Для якутского кино олонхо выполняет двойную функцию: с одной стороны, это репертуар визуальных и смысловых мотивов, с другой – структура восприятия и построения нарратива, которая выражается в презентации народа через кинообразы. В этом смысле уместна метафора, предложенная Андреем Борисовым, театральным и кинорежиссёром, который в одном из интервью утверждает: *«в якутском эпосе, как ни в одном эпосе мира, главное — это монтаж <...> наши режиссеры с детства находились под влиянием олонхо, слышали его в той или иной форме, и это повлияло на них подсознательно»* [6, с. 197]. Эпическая природа олонхо предполагает фрагментарность, ассоциативность и сме-

ну регистров — черты, которые легко адаптируются в аудиовизуальной медиаформе. Это делает олонхо своего рода «архитектоникой восприятия», глубоко встроенной в якутскую визуальную ментальность.

Феноменологическая природа олонхо, связанная с мифологическим мышлением, также формирует специфическую чувствительность к пространству и природе как действующим субъектам повествования. Якутские режиссёры нередко обращаются к традиции общения с духами местности, воспринимая кинопроизводство как своего рода ритуал. Так, режиссёр Степан Бурнашев в интервью Ксении Собчак сообщает о практике обращения к духам природы перед съёмками [10], что является продолжением архаической системы сакрализации пространства.

Важно подчеркнуть, что миф в якутском кино не является объектом дистанцированной эстетизации или экзотизации, но функционирует как активный элемент культурного самосознания. Через кино якутское общество возвращает мифу статус живой, работающей символической системы, способной интерпретировать современность. Таким образом, мифологическое в кино служит формой коллективной памяти и механизмом культурной идентификации в условиях глобализации. Актеры киноиндустрии, сформированные в фольклорной среде, выражают особую нарративную интуицию, в которой реальность и фантазия не противопоставляются, а сосуществуют как равноправные слои восприятия.

Одним из важнейших элементов кинематографической выразительности якутского кино становится звуковой ландшафт, или саундскейп. *«Ничто не связывает всех нас, кроме воображаемого звука»*, – пишет Бенедикт Андерсон [3, с. 241]. Татьяна Егорова, доктор искусствоведения, исследующая якутскую культуру, отмечает, что особенность якутского кинематографа

заключается в неразделимости элементов звукового ряда, что отличает его от традиционных российских и западных киношкол [5, с. 14]. В классическом определении Шейфера, саундскейп — это *«совокупность всех звуков, воспринимаемых индивидом в конкретный момент времени»* [11, с. 6]. В контексте якутского кино это означает включение в киноповествование не только речи и музыки, но и природных шумов, звуков традиционных инструментов, тишины как полноправного выразительного средства. Саундскейп здесь не сводится к фоновой функции, но становится активным элементом драматургии и репрезентации пространства и народности в целом, где значимой частью акустической стратегии якутского кинематографа является также отказ от дубляжа и выбор в пользу родного якутского языка. Этот выбор не только усиливает аутентичность изображения, но и выполняет культурную миссию — способствует сохранению языка и укреплению этнической идентичности.

Якутское кино с позиций социологических концепций Б. Андерсона и П. Бурдье

Бенедикт Андерсон рассматривал медиа (в первую очередь печатные, но и визуальные формы) как средства воображения нации — сообщества, не основанного на личных связях, но объединённого общей символической рамкой [3]. В этом контексте якутское кино выполняет функцию коллективного воображения этнического сообщества саха. Нация — это целостный способ связывать пространство, время и человеческую солидарность, который не может быть осуществлен *«без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же име-*

ют ценностный характер» [3, с. 18]. В современном мире медиа играют ключевую роль в производстве этого воображения. Якутский кинематограф становится таким мощным медиумом, который формирует символическую общность народа саха, преодолевающую территориальную и социальную фрагментацию.

Язык, визуальные образы природы, мифологические структуры олонхо, звуковая среда — всё это становится материалом, через который саха «воображают» себя как единое культурное тело (внутри Якутии и в диаспоре), формируют ощущение принадлежности и сопричастности. Просмотр фильма внутри этого «культурного кода» превращается в ритуал восстановления идентичности и закладывает основу в успех регионального проката. Якутское кино адресовано в первую очередь внутреннему зрителю. Это ключевая особенность, отличающая его от культурной продукции, ориентированной на внешнюю аудиторию, воспринимающую смыслы Другого как экзотику. Не нужно объяснять символы и адаптироваться под внешний взгляд — они говорят «своим» и «о своём». Такая внутренняя адресация и культурная автономия превращают кино в инструмент восстановления субъектности, особенно актуальной в постколониальных и постсоветских контекстах. Через экран саха не только видят себя, но и возвращают себе право быть увиденными на собственных условиях — не как «других», а как равноправных субъектов культуры. Якутские фильмы становятся пространством, где локальная история, мифология, язык и чувственное восприятие мира саха получают устойчивую форму визуального выражения и удовлетворяют, по меткому выражению кинорежиссёра Мартина Скорсезе, *«извечную потребность коллективного бессознательного — потребность людей в общих воспоминаниях»*.

Согласно теории Бурдье, любое культурное явление функционирует в поле, где действуют силы гегемонии, конкуренции и легитимации. Региональный кинематограф Якутии может быть рассмотрен как автономное поле культурного производства, сформированное в условиях маргинализации и институциональной слабости, но обладающее высоким внутренним символическим капиталом. Создание якутского кино стало возможным благодаря внутренней мобилизации агентов поля — энтузиастов, режиссёров, продюсеров, актёров и зрителей. Символический капитал здесь представлен не дипломами и ресурсами, а владеющим знанием культурного кода.

«Воображая» себя как единое культурное тело, несмотря на территориальную и социальную фрагментацию, позволяет якутскому кино нарушать гегемонические рамки культурного центра (Москва, Санкт-Петербург), деконструируя монополярную систему представлений. В этом смысле, якутское кино является формой культурного сопротивления и одновременно — способом восстановления субъектности в глобальном медиаполе.

Заключение

Феномен якутского кино позволяет по-новому взглянуть на региональное культурное производство в постсоветской России как на самостоятельную форму символического действия и идентификационного высказывания. Якутский «кинобум» не является исключительно художественным или индустриальным процессом: это, прежде всего, результат накопленной культурной энергии, которая, в условиях ослабления централизованного контроля и подъёма локального самосознания, была направлена на репрезентацию собственного образа мира и формирование локального «воображаемого сообщества».

Рассматривая якутский кинематограф через призму концепций П. Бурдье и Б. Андерсона, можно утверждать, что он выполняет сразу несколько критически важных функций. Во-первых, это создание автономного культурного поля, где символический капитал строится не на институциональных регалиях, а на знании фольклора, языке, мифе и ландшафте. Во-вторых, кино становится механизмом формирования коллективной памяти и солидарности: визуальные нарративы, звук, олонхо, родной язык объединяют зрителей в культурное сообщество, которое «воображает» себя через экран. В-третьих, якутский кинематограф выступает как инструмент постколониального самопредставления, противопоставляющийся гегемонии центра и создающий визуальные смыслы, ориентированные на внутреннего адресата.

Значительным условием успеха стал институциональный контекст — отсутствие федеральных сетей и развитие локального проката. Это позволило не просто распространить фильмы, но превратить кинопоказ в форму культурного ритуала. Кино стало не только образом, но и действием — медиатором между прошлым и настоящим, между индивидуальной и коллективной идентичностью.

В условиях глобальной медиатизации якутское кино демонстрирует модель локальной культурной автономии, в которой региональный субъект не только сохраняет свою уникальность, но и воспроизводит её в современных медиа-формах. Это делает якутский кинематограф не просто объектом анализа, но и своеобразным прецедентом: формой устойчивого и креативного символического производства, способного оспаривать культурную гегемонию, строить идентичность и выстраивать пространство памяти на собственных условиях.

Список литературы / References

1. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. (Серия «Gallicinium») Bourdieu P. Sociology of Social Space / Translated from French; ed. by N.A. Shmatko. — Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia, 2007. 288 с. — (Gallicinium series)
2. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-gabitus-praktika> (дата обращения: 24.05.2025). Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1998. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-gabitus-praktika> (date of address: 24.05.2025).
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V. Nikolaev; introductory article. C. P. Bankovskaya. — Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. — 416 с.
4. Покатилова И. Пластический фольклор в художественной культуре Якутии. — Новосибирск: Наука, 2013. — 184 с. Pokatilova I. Plastic folklore in the artistic culture of Yakutia. — Novosibirsk: Nauka, 2013. — 184 с.
5. Егорова Т. Звуковая ментальность современного якутского кино // Южно-Российский музыкальный альманах. 2023. №4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-mentalnost-sovremennogo-yakutskogo-kino-1> (дата обращения: 24.05.2025). Egorova T. Sound mentality of modern Yakut cinema // Yuzhno-Russian Musical Almanac. 2023. №4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-mentalnost-sovremennogo-yakutskogo-kino-1> (date of address: 24.05.2025).
6. Кочарян В. Якутское кино. Путь самоопределения. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024. — 275 с. Kocharyan V. Yakut cinema. The Path of Self-Determination. — Moscow: Garage Museum of Modern Art, 2024. — 275 с.
7. Павлова-Борисова Т. Этапы развития якутского кинематографа: от «немого кино» до национальной киноиндустрии // Философия и культура. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-yakutskogo-kinematografa-ot-nemogo-kino-do-natsionalnoy-kinoindustrii> (дата обращения: 24.05.2025). Pavlova-Borisova T. Stages of Yakut cinema development: from 'silent cinema' to the national film industry // Philosophy and Culture. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-yakutskogo-kinematografa-ot-nemogo-kino-do-natsionalnoy-kinoindustrii> (date of address: 24.05.2025).
8. Якутское кино: Как местным кинопродюсерам удалось обойти Голливуд в локальном прокате // Улус Медиа URL: <https://ulus.media/2023/02/18/yakutskoe-kino-kak-mestnym-kinoprodyuseram-udalos-obohti-gollivud-v-lokalnom-prokate/> (дата обращения: 25.05.2025). Yakut cinema: How local film producers managed to beat Hollywood in local distribution // Ulus Media URL: <https://ulus.media/2023/02/18/yakutskoe-kino-kak-mestnym-kinoprodyuseram-udalos-obohti-gollivud-v-lokalnom-prokate/> (accessed 25.05.2025).
9. «Сахавуд»: чем объясняется феномен якутского кино // РБК URL: <https://plus.rbc.ru/news/5fd744777a8aa93f2d379748> (дата обращения: 24.05.2025). 'Sakhawood': what explains the phenomenon of Yakut cinema // RBC URL: <https://plus.rbc.ru/news/5fd744777a8aa93f2d379748> (date of access: 24.05.2025).
10. Якутское кино: как снять фильм за 1,5 миллиона рублей и победить на Кинотавре // YouTube «Осторожно:

Собчак» URL: https://youtu.be/6mNCiB-0u4c?si=gbBtA8-wy6Q03Gc_ (дата обращения: 24.05.2025).

Yakut cinema: how to make a film for 1.5 million rubles and win at Kinotavr // YouTube 'Beware: Sobchak' URL: <https://>

youtu.be/6mNCiB-0u4c?si=gbBtA8-wy6Q03Gc_ (date of address: 24.05.2025).

11. Schafer R. M. The New Soundscape: A Handbook for the Modern Music Teacher. Scarborough: Berandol Music Ltd., 1969. 65 p.

Информация об авторе

Горохов Дмитрий Сергеевич, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самарский университет), Социально-гуманитарный институт, социологический факультет, кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований. Author ID: 1294737; ORCID ID0009-0006-9145-9993, e-mail: dgorokhov@ssau.ru

Information about author

Gorokhov Dmitry Sergeevich, PhD student, Samara National Research University named after S.P. Korolev (Samara University), Social and Humanitarian Institute, Faculty of Sociology, Department of Methodology of Sociological and Marketing Research. Author ID: 1294737; ORCID ID0009-0006-9145-9993, e-mail: dgorokhov@ssau.ru

Поступила в редакцию 03.05.2025; принята к публикации 11.06.2025.
Received 03.05.2025; Accepted 11.06.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 903.15

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.28–36>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Восприятие тюменцами
социокультурных традиций цыган
(по материалам анкетных опросов)**

Гуденкова О.И.

*Тюменский индустриальный университет,
625000, Тюмень, ул. Володарского, д.38, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрывается отношение горожан к представителям трех цыганских групп, проживающих в г. Тюмени, к их культуре и традициям. Представители цыганского этноса продолжают оставаться достаточно закрытыми и замкнутыми сообществами, что обусловлено сохраняющимися социокультурными традициями цыган, с одной стороны, а, с другой стороны, стереотипами, сложившимися под влиянием средств массовой информации. Эти и другие факторы не способствуют их интеграции в современный социум. В качестве метода исследования был определен количественный опрос по стандартизированной анкете, реализована схема квотной выборочной совокупности. Общий объем выборочной совокупности опроса составил 532 респондента в 2025 г. и 502 респондента в 2025 г. По результатам исследований выявлена неоднородность оценок по большинству вопросов, характеризующих отношение к представителям цыганских сообществ, в ближайшие годы можно ожидать увеличение позитивных оценок общественного мнения к представителям цыганского населения и их социокультурным традициям.

Ключевые слова: русские цыгане, молдавские цыгане, традиции, социальные нормы, социальные взаимодействия

Для цитирования: Гуденкова О.И. Восприятие тюменцами социокультурных традиций цыган (по материалам анкетных опросов). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2 (69)):28–36.

Perception of Tyumen residents of the socio-cultural traditions of the Gypsies (based on questionnaire surveys)

Gudenkova O.I.

*Tyumen Industrial University,
625000, Tyumen, Volodarsky st., 38, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the attitude of city residents to representatives of three Gypsy groups living in Tyumen, to their culture and traditions. Representatives of the Gypsy ethnic group continue to be quite closed and insular communities, which is due to the continuing socio-cultural traditions of the Gypsies, on the one hand, and, on the other hand, to stereotypes that have developed under the influence of the media. These and other factors do not contribute to their integration into modern society. A quantitative survey using a standardized questionnaire was defined as a research method; a quota sampling scheme was implemented. The total sample size of the survey was 532 respondents in 2025 and 502 respondents in 2025. The results of the research revealed heterogeneity of assessments on most questions characterizing the attitude towards representatives of Roma communities; in the coming years, an increase in positive assessments of public opinion towards representatives of the Roma population and their socio-cultural traditions can be expected.

Keywords: Russian Roma, Moldovan Roma, traditions, social norms, social interactions

For citation: Gudenkova O.I. Perception of Tyumen residents of socio-cultural traditions of Roma (based on questionnaire surveys). *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025; (2 (67)):28–36. (In Russ.)

Введение

Тюменская область является важным российским регионом, который на протяжении семидесяти лет остается ведущим производителем нефти и газа на внутренний и внешний рынки. Значительный рывок в социально-экономическом развитии области произошел за последние два десятилетия, когда регион попал в число лидеров рейтинга состояния инвестиционного климата, по комплексному жилищному строительству, по качеству жизни в целом, а сегодня является термальной столицей России. Эти и другие позитивные тренды привлекают в регион трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья - республик бывшего Советского Союза, что создает, одной стороны, потенциальные риски межнациональной и межрелигиоз-

ной напряженности, с другой стороны, подталкивает власти поддерживать этнокультурное и языковое многообразие регионального сообщества.

В области проживают представители более ста сорока национальностей, среди них наиболее малочисленными являются цыгане: по данным официальной статистики их насчитывается 1164 чел., а по оценкам главы молдавских цыган Тюмени Г.С. Виноградова – около полутора тысячи человек. Такие данные барон озвучил в ходе фокус-группы, проведенной автором статьи в 2023 г. (модератором выступила д.социол.н., проф. Хайруллина Н.Г.). По данным переписи 2021 года в России проживает 173,4 тыс. представителей цыганских сообществ (кэлдэрары, сэ-рвы, влахи, рома, пермские, крымские, молдавские цыгане и др.), в структуре

россиян они составляют 0,12 %, среди жителей Тюмени - 0,0015 % [1]. При относительной малочисленности цыганского населения, главной проблемой для изучения социокультурных традиций указанного этноса становится закрытость представителей цыганских сообществ: они редко вступают в контакты с людьми других национальностей, предпочитают жить таборами (молдавские цыгане), семейными кланами (русские и крымские цыгане), что способствует сохранению устойчивости культуры и родственных связей, но препятствует интеграции в современный социум.

Обладая богатой и самобытной культурой, цыгане не зависимо от региона их проживания, продолжают испытывать серьезные проблемы: высокая криминализация, безработица (скорее намеренное желание не работать), отсутствие образования у представителей старшего поколения и низкий его уровень среди подростков и молодежи, что негативно воспринимается большинством россиян. Деметер Н.Г. показывает в своих исследованиях, что негативные стереотипы к цыганам сложились и существуют не только в нашей стране, но и в европейских странах [2]. Одной из первых попыток насильственной интеграции цыган выступил Указ Николая I, изданный в 1839 г., который ужесточал передвижение цыган и принуждал к оседлому образу жизни. Если взрослые трудоспособные цыгане продолжали с семьями кочевать, мужчин призывали в армию, мальчиков, не достигших восьми лет, определяли в детские дома, старших в военные школы; крайней мерой являлась ссылка в Сибирь [3]. Безусловно, политика России в целом была направлена на их интеграцию в общество через переход на оседлость, при этом часть цыганских сообществ осела в различных российских регионах. Не является исключением и Тюмень. В обывательских книгах г. Тюмени за

1794-1813 гг. имеется запись, что глава рода Бушуевых И.А. мещанин из цыган к 1770 году проживал в нашем городе. Сторожил. Имел дом, купленный у мещанина И. Решетникова, занимался кузнечеством, колёсным ремеслом [4]. Но большая часть цыган продолжала вести кочевой образ жизни и не отказывалась от традиционных занятий, сохраняла традиционное сезонное кочевье до середины прошлого столетия.

В СССР первая попытка интеграции цыган была предпринята сто лет назад, когда стали создаваться школы на цыганском языке, но к середине 1930-х годов эти начинания остановили, поскольку в стране приступили к формированию единой идентичности – советский народ. Спустя двадцать лет вышел указ, принуждавший цыганское население перейти к оседлому образу жизни, трудовой повинности и получению всеобщего образования, что не привело к достижению поставленных задач, а отсутствие контроля со стороны государства только усугубило ситуацию, приведя к маргинализации цыганского населения, особенно в годы развала Советского Союза и постперестроечные годы.

Отношение тюменцев к цыганам (как и большинства россиян) негативно-нейтральное, поскольку в повседневной жизни сложился устойчивый образ людей, которые не хотят учиться, работать, женщины гадают и пытаются при этом «вытянуть» у доверчивых горожан деньги, среди них распространены кражи и торговля наркотиками. Ситуация усугубляется тем, что цыгане никогда не имели собственной территории, традиционно занимались ремесленничеством и гаданием, из-за низкого социального статуса они не задействованы в городских индустриальных отраслях, не продвинуты в сфере негосударственного бизнеса, не представлены в руководстве банков, крупных промышленных предприятий, компаний, среди инженерно-техни-

ческих работников предприятий и пр. Такое социальное неравенство самими цыганами воспринимается негативно. Средства массовой информации продолжают поддерживать устоявшийся образ цыган, поскольку представляют данные с негативной информацией от людей других национальностей. Например, последний год в Интернете активно обсуждается переселение части тюменских цыган в загородный поселок «Славянский». В статьях отмечается, что «тюменцы называют это тайной операцией», что это «экспансия цыган из заречной части города в элитный поселок», «переселение для жителей оказалось неожиданным и неприятным сюрпризом» [5]. Поэтому вопрос взаимоотношений цыганского населения с представителями других национальностей остается актуальным в Тюмени, поскольку на территории города на протяжении многих десятилетий проживают цыгане, входящие в несколько таборов (молдавские цыгане), а также русские и крымские цыгане, они живут отдельными семьями и расселены во всех административных районах города.

Предварительный анализ публикаций о различных сторонах жизнедеятельности цыганского этноса позволяет говорить о существующей информационной скудости сведений о представителях исследуемой этнической группы, чаще они основываются на слухах, суевериях или криминальных сводках. При этом изменить общественное мнение о цыганах возможно, если представлять полную и исчерпывающую информацию об этом народе, его многовековой самобытной и уникальной культуре, берущей начало в Индии.

Материалы и методы

Восприятие тюменцами представителей цыганских сообществ, проживающих в Тюмени, их социокультурных традиций оценивалось на основе

данных, полученных в ходе анкетных опросов. В исследовании использовался квотный тип выборки, которая формировалась на основе статистических сведений (параметров квот) о социально-демографических характеристиках элементов генеральной совокупности (в нашем случае пол и возраст). Поэтому в случае применения выборки квотной ее величина определяется на основании сложившегося десятилетиями опыта и составляет от 500 до 1000 единиц наблюдения в зависимости от сложности структуры исследуемого объекта. Объект исследования – население, проживающее в Тюмени. В январе 2023 г. было опрошено 532 тюменца, среди опрошенных 52,6 % составили женщины, 47,4 % мужчины. В зависимости от возраста респонденты распределились следующим образом: до 20 лет 20,7 %; от 21 до 30 лет 22,5 %; 31-40 лет – 16,7 %; 41-50 лет – 16,5 %; 51-60 лет – 11,3 % и от 61 года старше – 12,2 %. В марте 2025 г. был проведен повторный опрос жителей областного центра (n=502), позволивший провести мониторинг по заданным индикаторам и выявить динамику в ответах респондентов. В опросе приняли участие 502 тюменца, среди них 53,8 % составили женщины, 46,2 % мужчины. В зависимости от возраста респонденты распределились следующим образом: до 20 лет 17,9 %; от 21 до 30 лет 18,3 %; 31-40 лет – 17,3 %; 41-50 лет – 17,3 %; 51-60 лет – 17,9 % и от 61 года старше – 11,3 %.

Результаты и обсуждение

Различные аспекты жизнедеятельности цыганского населения, проживающего в российских регионах, исследовались социологами, историками, краеведами и др. специалистами с целью изучения их образа жизни и традиционной культуры. Так, обследование молдавских цыган-кэлдэраров, проживающих компактно в одном из районов Перми позволило Д.В. Черных

выявить проблемы, с которыми они сталкиваются в условиях урбанизации. Главный вызов – утрата традиционных занятий мужчинами и женщинами, например, изготовление котлов и гадание. При этом исследование показало, что сильно регламентированные свадебные обряды и похоронные ритуалы сохраняются [7]. Аналогичные результаты отмечаются и в исследовании Филимонова А. В., посвященном цыганам Псковского края. Ученый обращает внимание, что цыганская молодежь предпочитает жить в краевом центре, что усложняет передачу социокультурных традиций и языка от представителей старших поколений [8].

Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н. исследовали этносоциальные процессы в жизнедеятельности цыганских общин Западной Сибири и Урала, Оренбургской области [9]. Результаты исследований в указанных регионах показали наличие стереотипов со стороны местных сообществ по отношению к цыганам. Зачастую закрепившиеся стереотипы усложняют процесс интеграции, способствуют сохранению маргинального положения представителями цыганских сообществ. Такие же проблемы озвучивает Гуцалов А.А., Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., Манузин Е. В., Емельянов Ю. Н., Штымбалюк А. В., последние предлагают учитывать религиозный фактор в отношении цыган Краснодарского края [10, 11].

Новик А. А., Русаков А. Ю. выявили проблемы в процессах этнической консолидации цыган, проживающих в многочисленных российских регионах, для решения которых предлагают использовать комплексный подход. Он сочетает меры государственной поддержки в сфере образования, профессиональной подготовки, культурных инициатив и усилия самих цыганских сообществ – адаптация традиционных ценностей к условиям современной жизни с сохранением культурной идентичности [11]. Марушиакова Е.А. и Попов В.З. указывают, что важным социальным институтом в жизнедеятельности представителей цыган сегодня остается цыганский суд, регламентирующий социальные и правовые нормы поведения, разрешающий возникающие конфликты внутри сообществ и между сообществами. Исследования автора подтверждают, что цыганский суд продолжает функционировать в среде цыганских сообществ Тюмени и не утратил своего значения [12]. Ниже рассмотрим ответы жителей Тюмени, полученные в ходе анкетных опросов, характеризующие их отношение к представителям цыганской национальности. Так, в 2023 году каждый десятый участник опроса дал положительную оценку [13], в 2025 году их число сократилось на 3,7%, при этом увеличилось число жителей, высказавших нейтральную оценку (табл. 1).

Таблица 1

Динамика отношения респондентов к представителям цыганских сообществ Тюмени, в % (Dynamics of respondents' attitudes towards representatives of Tyumen's gypsy communities, in %)

Отношение	Год	
	2023	2025
Позитивное	10,8	7,1
Нейтральное	41,5	44,8
Негативное	28,7	27,4
Затрудняюсь ответить	19,0	20,8

Данные, представленные в табл. 1, позволяют сформулировать вывод о нейтральном отношении тюменцев к представителям цыганских сообществ. При этом число негативных оценок в два с лишним раза превышает число позитивных оценок. В пользу такого вывода можно и привести ответы респондентов на вопрос, хотели бы они узнать больше о традициях и культуре цыган. Более половины участников опроса (59,9 %) признались, что им данная тема не интересна, около трети респондентов проявили сомнение, выбрав вариант ответа «возможно, если источник информации будет достоверным» и 8,5 % опрошенных проявили желание узнать больше о традициях и культуре цыган.

Ниже рассмотрим другие индикаторы, характеризующие отношение тюменцев к представителям цыганских сообществ. Так, на вопрос об отношении к цыганской культуре чуть более четверти опрошенных (27,4 %) в 2023 году высказали негативное отношение, охарактеризовав ее чуждой и устаревшей. Каждый второй респондент не имеет сформированного представления о цыганской культуре, поэтому выбрал вариант ответа «отношусь нейтрально». Каждый пятый участник затруднился ответить на данный вопрос и только 7,1 % участников опроса положительно относятся к цыганской культуре, считают ее самобытной и интересной.

Что касается наиболее распространенных стереотипов о цыганах, то, три четверти респондентов назвали негативные стереотипы: воровство, торговля наркотиками, попрошайничество, гадание и ранние браки. Позитивные стереотипы (танцы, песни) отмечены половиной опрошенных, а кузнечество – только одним из десяти участников опроса. Многочисленные исследования, проведенные среди представителей цыганской национальности, подтверждают наличие

стереотипов, которые сформировались не в советское или постсоветское время, а еще в царские времена. Более того, в обществе существует латентная и зачастую открытая дискриминация по отношению к цыганам, об этом признался каждый третий участник опроса (33,0 %), о наличии определенных стереотипов указали четверть опрошенных (27,8 %). При этом 13,2 % респондентов отрицают наличие стереотипов, а каждый четвертый признался, что ему это безразлично (16,0 %) или он об этом никогда не задумывался (9,9 %). Выявленная поляризация ответов горожан говорит о неготовности воспринимать представителей цыганских сообществ как равноправных членов современного общества.

Неоднозначно отношение населения и к истории цыганского народа. Более половины участников опроса признались, что не знакомы с историей цыганского народа и никогда не проявляли интерес к ней (33,5 и 21,2 % соответственно). При этом каждый третий признался, что знает некоторые факты о ней и только 8,5 % респондентов хорошо информированы об истории цыганского народа.

На вопрос, нуждается ли цыганская культура в сохранении, развитии и поддержке на государственном уровне, более трети опрошенных респондентов (38,2 %) ответили отрицательно, они не видят в этом необходимости. Четверть опрошенных считают это возможным, но с оговоркой «в пределах их сообществ» и только один из десяти участников опроса ответил утвердительно на данный вопрос, назвав цыганскую культуру частью культурного многообразия России. Как видим, лояльное отношение к цыганской культуре присутствует в ответах почти каждого второго респондента. В пользу такого вывода могут выступать ассоциации горожан, которые возникают у них при упоминании цыган (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ответов респондентов об ассоциациях, возникающих при упоминании цыган, в % (Dynamics of respondents' answers about associations arising when mentioning gypsies, in %)

Ассоциации	Год	
	2023	2025
Кочевой образ жизни	72,2	69,3
Гадания	58,0	60,4
Традиционная одежда	45,2	41,6
Музыкальное и танцевальное искусство	48,0	45,5
Конокрадство	8,8	11,7
Традиционная кухня	9,2	9,9
Соблюдение семейных обычаев	36,6	37,6
Гипноз	24,8	21,0
Отсутствие образования	28,0	26,8
Другие	2,2	2,0

Среди других ассоциаций участники опроса называли свадебные и поминальные обряды, любовь к золоту, попрошайничество, цыганский суд.

Мнения жителей областного центра об интеграции цыган в современное российское общество также поляризованы: менее половины участников опроса (44,3 %) считают, что цыгане слабо интегрированы в социум и сталкиваются с изоляцией и дискриминацией со стороны людей других национальностей, проживающих в российских городах и самостоятельно сепарируются (1,5 %). О частичной интеграции указал каждый пятый респондент, по их оценкам, представители цыганских сообществ продолжают сохранять традиционный уклад жизни. О полной интеграции заявили восемь процентов опрошенных. Отсутствие информированности в данном вопросе проявил каждый четвертый респондент.

Выводы

По результатам исследований, проведенных среди жителей областного центра, выявлена неоднородность оценок по большинству вопросов, ха-

рактеризующих отношение к представителям цыганских сообществ. Это свидетельствует о несформированности общественного мнения относительно истории, социокультурных традиций цыганских сообществ (или скорее об отсутствии желания принимать культуру исследованного этноса), при этом каждый второй участник опроса показал знания элементов цыганской культуры, разделения ролей в цыганских семьях, каждый четвертый – этнографических групп цыган. При этом в 2025 году три четверти тюменцев на вопрос, возможны ли хорошие дружеские взаимоотношения представителей цыганских сообществ с людьми других национальностей, ответили положительно, противоположную оценку дали в десять раз меньшее число респондентов (6,7 %), остальные затруднились с ответом (17,6 %).

Заключение

На основании результатов, полученных в ходе анкетных опросов, проведенных среди жителей областного центра, в ближайшие годы можно ожидать изменения оценок общественного мнения к представителям цыганского

населения. По мнению респондентов, необходимо формировать позитивный образ цыган, цыганской культуры, разрушить стереотипы и мотивировать цыганское сообщество к большей интеграции через образование, трудоустройство и диалог с обществом. Этому будет способствовать рекламная кампания «Цыгане – мосты между культурами», которая позволит показать цыган как носителей уникальной культуры, способной обогатить современное общество, а самим цыганам сохранить свои традиции при интеграции в современный социум. Основными инструментами предлагаются *социальные ролики* (короткие документальные зарисовки на темы: «Цыган-

ский врач» – история врача-рома, который помогает людям; «Цыганский IT-специалист» – молодой программист из общины; «Бабушка-сказительница» – хранительница фольклора, которая учит детей в школе); *социальные проекты* (центры социализации (помощь с документами, языковые курсы); микрогранты для цыганских стартапов; «Дни цыганской культуры» в тюменских школах) и др. Реализация рекламной кампании не только в Тюмени, но и в других российских городах и поселениях позволит создать новую реальность, где представители цыганских сообществ будут восприниматься не как «кочевой народ», а равноправные члены общества.

Список литературы / References

1. Численность народов России по данным Росстата в 2021 г. // <https://nazaccent.ru/nations/> (дата обращения 16.05.2025 г.).

Chislennost' narodov Rossii po dannym Rosstata v 2021 g. // <https://nazaccent.ru/nations/> (data obrashhenija 16.05.2025 g.). (In Russ.)

2. Деметер Н.Г. Цыгане как этническое меньшинство в странах Восточной Европы // *Расы и народы*. 1997; (24): С. 290-294.

Demeter N.G. Gypsies as an Ethnic Minority in Eastern European Countries // *Races and Peoples*. 1997; (24): 290-294. (In Russ.)

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург, 1845. Стр. 486–487, 489–490.

Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Sankt-Peterburg, 1845. Str. 486–487, 489–490. (In Russ.)

4. ГАТО. Городская полиция г. Тюмени. Ф. И-3. Оп.1. Д.300. Л.15об., 16. (In Russ.)

GATO. Gorodskaja policija g. Tjumeni. F. I-Z. Op.1. D.300. L.15ob., 16.

5. Цыгане в «Славянском»: неуютное соседство // <https://72.ru/text/realty/2013/07/05/61002021/> (дата обращения 17.05.2025).

Cygane v «Slavjanskom»: neujutnoe sosledstvo // [realty/2013/07/05/61002021/ \(data obrashhenija 17.05.2025\). \(In Russ.\)](https://72.ru/text/</p>
</div>
<div data-bbox=)

6. Новик А. А., Русаков А. Ю. К проблеме процессов этнической консолидации цыган России // *Этнографическое обозрение*. 2021; (1): С. 196-201.

Novik A.A., Rusakov A.Yu. On the Problem of Ethnic Consolidation Processes of the Roma in Russia // *Ethnographic Review*. 2021; (1): 196-201. (In Russ.)

7. Черных А.В. Кочевое прошлое и современная мобильность цыган-кэлдэров России // *Уральский исторический вестник*. 2017; (2 (55)): С. 35-43.

Chernykh A. V. Nomadic past and modern mobility of the Kelderari Roma of Russia // *Ural Historical Bulletin*. 2017; (2 (55)): 35-43. (In Russ.)

8. Филимонов А. В. Цыгане в Псковском крае // *Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2019; (51): С. 124-160.

Filimonov A. V. Gypsies in the Pskov Region // *Scientific, practical, historical and local history journal*. 2019; (51):124-160. (In Russ.)

9. Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н. Антропология социокультурного развития цыганского населения России. – М.: *Федеральный институт развития образования*, 2011.

Smirnova-Seslavinskaya M. V., Tsvetkov G. N. Anthropology of socio-cultural development of the Roma population of Russia. – M.: Federal Institute for Education Development, 2011. (In Russ.)

10. Гуцалов А.А. Цыгане: традиционная культура и современный мир // *Наследие веков*. 2015; (4 (4)): С. 44-55.

Gutsalov A.A. Gypsies: Traditional Culture and the Modern World // *Heritage of the Centuries*. 2015; (4 (4)): 44-55. (In Russ.)

11. Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., Манузин Е. В., Емельянов Ю. Н., Штымбалюк А. В. Цыгане Краснодарского края: проблема учета религиозного фактора в национальной политике // *Успехи современной науки*. 2016; (9): С. 108-116.

Pismennaya T. G., Ryabikov A. N., Manuzin E. V., Emelianov Yu. N., Shtymbalyuk A. V. Gypsies of the Krasnodar Territory: the problem of taking into account the religious factor in national

policy // *Successes of modern science*. 2016; (9): 108-116. (In Russ.)

12. Марушиакова Е.А., Попов В.З. Цыганский суд в восточной Европе: исследования, мистификации, дискуссии // *Культура и искусство*. 2012; (6): С. 43-51.

Marushiakova E. A., Popov V. Z. Gypsy Court in Eastern Europe: Research, Hoaxes, Discussions // *Culture and Art*. 2012; (6): 43-51. (In Russ.)

13. Хайруллина Н.Г., Гуденкова О.И., Ребышева Л.В. Традиции и новации в культуре современных цыган: региональный подход // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2023; (1): С. 108-120.

Khairullina N. G., Gudenkova O. I., Rebysheva L. V. Traditions and innovations in the culture of modern Roma: a regional approach // *News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2023; (1): 108-120. (In Russ.)

Информация об авторе

Гуденково Олеся Ивановна, ассистент, Тюменский индустриальный университет, Институт высшей школы цифровых технологий, e-mail: olesya.gudenkova@yandex.ru

Information about author

Gudenkova Olesya Ivanovna, assistant, Tyumen Industrial University, Institute of Higher School of Digital Technologies, e-mail: olesya.gudenkova@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025; принята к публикации 15.06.2025.
Received 15.04.2025; Accepted 15.06.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.37-45>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Интернет-эстетика как (пост) субкультура:
идентичность, стиль и картина мира
представителей core**

Савельева Ж.В., Соколова Е.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются социологические интерпретации «субкультуры» с позиции постсубкультурного подхода. Даются характеристики интернет-эстетики core как социального феномена. Представлены результаты исследования посредством методов виртуальной этнографии и полуструктуризованных интервью с представителями интернет-эстетики core. Сделаны выводы, что сообщества core более соответствуют постсубкультурным моделям интерпретации.

Ключевые слова: core, интернет-эстетика, пост-субкультура, цифровизация, ценности, эстетические сообщества.

Для цитирования: Савельева Ж. В., Соколова Е. А. Интернет-эстетика как (пост) субкультура: идентичность, стиль и картина мира представителей core. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2 (69)):37–45.

**Internet Aesthetics as a (post) Subculture:
identity, Style, and Worldview of core representatives**

Saveleva Zh. V., Sokolova E. A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article examines sociological interpretations of "subculture" from the perspective of a post-subcultural approach. The characteristics of the core Internet aesthetics as a social phenomenon are given. The results of the research are presented using the methods of virtual ethnography and semi-formalized interviews with representatives of the Internet aesthetics core. It is concluded that core communities are more consistent with post-subcultural models of interpretation.

Keywords: core, internet aesthetics, post-subculture, digitalization, values, aesthetic communities.

For citation: Saveleva Zh. V., Sokolova E. A. Internet Aesthetics as a (post) Subculture: identity, Style, and Worldview of core representatives. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2 (69)):37–45. (In Russ.)

Введение

В современном социологическом дискурсе метанарратив «субкультура» подвергается критике со стороны представителей постсубкультурного подхода. С возникновением новых тенденций, связанных с атомизацией и консьюмеризацией общества, с рефлексивностью, гибкостью социальных акторов и новых субкультурных образований актуальным становится вопрос корректировки классического терминологического аппарата. В условиях *текущей современности*, постоянной изменчивости границ молодежных культур, категория «субкультура» по мнению некоторых теоретиков перестает быть релевантным [1]. В качестве альтернатив термина рассматриваются такие концепты, как «пост-субкультура», «неотрайбы (новые племена)», «сцены», «клубные культуры» и «жизненный стиль» [2].

В последние годы появляются новые сообщества, соотносящие себя в онлайн и офлайн пространстве с интернет-эстетиками. Это новый социальный феномен, включающий в себя стиль жизни, определенную картину мира участников, специфическую идентичность и набор символов, при-

дающих личному опыту людей тематическую окраску и репрезентирующих их окружающим. Среди интернет-эстетик можно выделить шесть направлений: wave (например, vaporwave), goth, kei (например, fairykei), punk, academia и core [3]. Самой многочисленной из перечисленных является core. Она включает в себя более 100 различных направлений. Согласно данным, полученным посредством сервиса “BrandMentions” [4], эстетика core является самой распространенной по упоминаемости в медиа, при этом упоминаемость направлений core неодинакова – можно наблюдать более и менее популярные (рисунок 1).

Отличительной особенностью онлайн-сообществ, соотносящих себя с данной интернет-эстетикой и использующих суффикс “core” (от англ. «ядро», «сердце», «основание»), является использование в реальных и дискурсивных практиках определенного символического набора: эстетических предпочтений в одежде, музыке, оформлении жилища, личных аккаунтов в социальных сетях, музыки, ценностях, паттернах поведения.

Е.М. Николаева и А. Ф. Якупова [5] определяют core как эстетические суб-

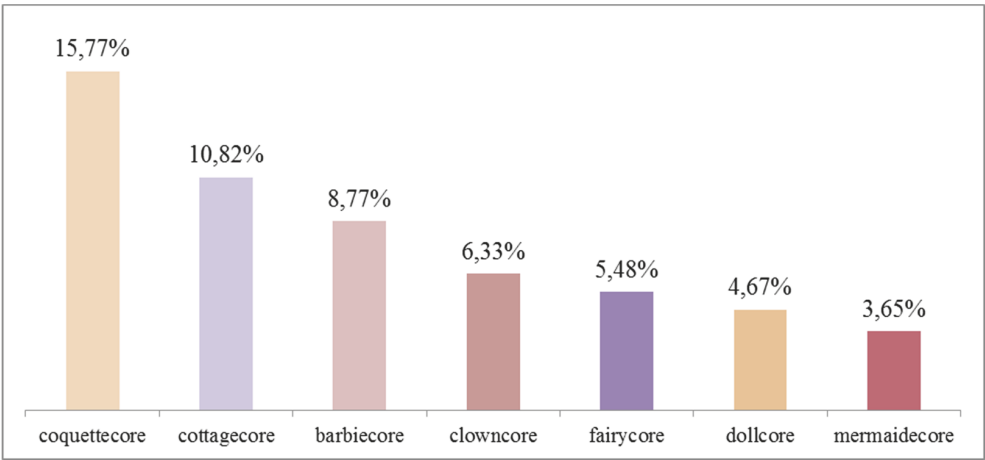

Рис. 1. Распределение самых распространённых видов core по частоте упоминаний с 17 апреля по 17 мая 2025 года (в %)

культуры, отличающиеся от традиционных субкультур отсутствием прочности складывающихся отношений, что, по нашему мнению, можно в большей или меньшей степени отнести и к другим интернет-эстетикам (исключением будут являться Academia). Согласимся с мнением выше указанных авторов, что интернет-эстетика в отличие от классических субкультур не носят деструктивный, радикальный характер. В качестве ключевых особенностей чаще выделяется инфантилизм, эскапизм и ностальгия в форме тоски по романтизированному образу прошлого. Особое внимание при рассмотрении интернет-эстетик уделяется отечественными авторами феномену ностальгии.

Отметим, что социологические дискуссии неоднозначно интерпретируют интернет-эстетики. В частности, Е. М. Николаева и А. Ф. Якупова относят интернет-эстетики к субкультурам, в то время как А.Э. Мишина [6] определяет их как фантазмы. В зарубежных источниках так же нет однозначного ответа на рассматриваемый вопрос. Бельгийские социологи Гильерме Гиоло (Gulherme Giolo) и Майкл Бергман (Michaël Berghman) проводят границу между интернет-эстетиками и субкультурами [7]. В то же время, Тори Ли (Tory F. Lee), анализируя эстетику Темной академии, однозначно относит ее к интернет-субкультурам [8].

Таким образом, необходимо констатировать, что интернет-эстетики в целом и core в частности недостаточно изученное социальное явление, важным исследовательским вопросом остается проблема выявления социальных черт интернет-эстетики core и ее представителей в российском социокультурном ландшафте для уточнения характеристик и идентификации данного постсубкультурного образования. С целью восполнения указанного пробела в январе-мае 2025 года было предпринято социологическое исследование.

Методы

Результаты исследования основаны на 25 полуформализованных интервью с представителями core-культуры (12 с мужчинами и 13 с женщинами). Отбор информантов осуществлялся с помощью «снежного кома» в рамках качественной модели определения выборочной совокупности по И. Штейнбергу. В качестве основных критериев отбора выступили – возраст (от 18 до 35 лет), наличие характерных стилевых профилей, представленных в социальных сетях и самоидентификация с одним или несколькими core. Поскольку место проживания не являлось одним из ключевых требований, выборочную совокупность составили люди из Финляндии, Казахстана и различных городов России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Барнаул, Псков и др. Интервью проводились в очном и дистанционном формате посредством социальных сетей «Telegram», «Вконтакте».

Интервьюирование было дополнено таким методом сбора информации, как виртуальная этнография, в рамках которого было проанализировано 4 Telegram-каналов, 3 ВК-сообщества представителей различных эстетических направлений, сайт Aesthetics Wiki (Википедия интернет-эстетик) [9] и несколько рекламных кампаний различных продуктов, в которых упоминались core. В фокусе внимания находились такие наблюдаемые характеристики как наиболее распространенная тематика публикаций, реакции (комментарии) участников групп на публикуемую информацию, характерные способы взаимодействия в каждом сообществе, критика эстетических направлений и использование категорий core в рекламе.

Результаты

Появление интернет-эстетики core можно связать со временем пандемии.

Большинство информантов отмечают, что впервые узнали об эстетических направлениях приблизительно в 2020 году: *«Я думаю ещё в двадцатом. В двадцатом, когда карантин ещё шёл, было много всяких эстетик.<...>Вот оттуда это началось для меня»* (Информант 9, женщина, 26 лет, Алматы, Blackcatcore, минимализм). Для некоторых информантов ключевой ассоциацией с интернет-эстетиками является период самоизоляции во время пандемии Covid-19: *«Но я определённо помню, с какого момента началось всё это движение с эстетиками, когда был ковид, вот, собственно, карантин»* (Информант 12, мужской, 20 лет, Псков, core постоянно меняется). Переход значительной части социальных взаимодействий в онлайн-пространство, усиливающийся эскапизм стали одним из факторов популяризации и распространения данного социального явления.

Однако периодом формирования и развития эстетических сообществ, по мнению представителей core-культуры, все же является 2014–2015 год: *«В году так, наверное, 2014–2015 подавляющее большинство, на это повлияли сообщества «ВКонтакте», которые формировали это всё, так сказать, эстетическое мировоззрение»* (Информант 6, мужской, 20 лет, Казань, normcore).

Результаты виртуальной этнографии демонстрируют, что онлайн-сообщества представителей интернет-эстетик появились примерно в 2016–2017 году, однако группы, посвященные конкретно эстетическим направлениям с суффиксом core начали формироваться примерно к 2020–2021 годам. Ресурс Aesthetics Wiki появился в 2018 году для систематизации информации о популярных в социальных сетях эстетических субкультурах. На сайте описываются история, ценности, хобби, цвета и ключевые особенности, характерные для каждого core.

Большинство Telegram-каналов и VK-сообществ публикует преимущественно изображения, однако встречаются и содержательные публикации с текстом, в котором подробно описываются ценности, характерные стилевые профили и образ жизни адептов той или иной интернет-эстетики. Обсуждения в сообществах встречаются редко, в некоторых группах комментарии и вовсе закрыты. Можно заметить, что коммуникация в эстетических сообществах обладает скорее односторонним характером: участники сообщества занимают позицию наблюдателя (потребляют информацию) и даже в тех группах, где есть возможность оставить комментарий, они остаются в роли реципиентов. Если же комментарии встречаются, то они представляют собой преимущественно визуальные образы (изображения, смайлики и стикеры).

Поскольку молодежь как социальная группа достаточно гетерогенна, в результате серии авторских полужурналистских интервью было выделено несколько групп информантов в зависимости от устойчивости их самоидентификации, совпадающих с категориями из качественной модели выборки по И. Штейнбергу:

1. Одномоментная гибкая идентичность (типичный представитель) – принадлежность к эстетическому направлению постоянно меняется: *«Мне раньше говорили, что я имею странный стиль в одежде, так как иногда я приходила фулл в строгом классическом, а на следующий день уже приходила в нечто архив фешн, на другой день вообще было бы милое платье»* (Информант 21, женский, 21 год, Казань, core постоянно меняется);

2. Множественная идентичность (специфический представитель) – информанты не идентифицируют себя с одной или несколькими эстетиками (или находятся в состоянии выбора): *«Наверное, это все-таки смесь, нет та-*

кой эстетики, которая бы преобладала над остальными. Можно сказать, что я еще в поисках» (Информант 18, женский, 22 года, Нижний Новгород, в поисках своего core);

3. Устойчивая идентичность (нетипичный представитель) – информанты выбрали один или несколько видов core и придерживаются их уже на протяжении нескольких лет: *«Мой стиль в одежде уже несколько лет сохраняется, изменяются лишь какие-то отдельные моменты вследствие роста насмотренности»* (Информант 8, мужской, 23 года, Москва, Dark academia, goblincore, cottagecore).

4. Анализ источников и интервью продемонстрировал, что в картине мира представителей core присутствует романтизация. *«И всё-таки, как бы на то не шло, я очень романтизирую какой-то летне-весенний период, когда есть какая-то зелень за окошком, какие-то цветочки. <...> Я становлюсь самым счастливым человеком на земле»* (Информант 12, мужской, 20 лет, Псков, постоянно меняется).

Ощущение «розовых очков» может возникать у информантов благодаря эстетизации деятельности (учебы или работы): *«Мне импонирует study aesthetics, потому что учиться на сложную профессию и добавлять немного романтики в свое поле деятельности бывает очень полезно. Это очень разгружает от сплошной физики и математики и дает возможность просто отдохнуть и вдохновиться»* (Информант 14, женский, 19 лет, Studycore). Кроме того, для представителей интернет-эстетики studycore учеба является одним из способов проведения досуга.

Романтизация некоторых сфер жизни, по мнению информантов, способствует увеличению мотивации: *«Я стараюсь видеть как раз-таки какую-то эстетику, что как будто бы в моей жизни она должна быть во всём, и меня это мотивирует двигаться дальше, что-то делать. Потому что, например, если*

вокруг меня будет какой-нибудь беспорядок, и я перестану романтизировать жизнь, то я просто не встану с кровати, а потом буду лежать весь день» (Информант 3, женский, 18 лет, Барнаул, Cleangirlcore, Y2K).

Помимо романтизации, важной составляющей картины мира core является ностальгия или тоска.

С одной стороны, как свидетельствуют результаты интервью, инфантилизм так же может проявляться у представителей core-культуры в виде потребления товаров из-за чувства ностальгии по детству. Данные практики особенно характерны для представителей эстетик вдохновленных 2000-2010 годами (такими как Y2K и gomsomcore) – периодом, когда нынешняя молодежь прибывала в детском возрасте ("Kidult").

С другой стороны, ностальгия может присутствовать по времени, в котором они не находились или которое не существовало. Формируется ностальгия в том числе вследствие увлечения культурой и искусством, музыкой определенного исторического периода или фильмами, сериалами, книгами какой-либо эпохи. Так, некоторые информанты восхищаются 1970-1990 годами, которые характеризуются появлением новых музыкальных направлений: *«Могу выделить это в рамках музыкальной эпохи – это примерно 70-80-90е годы, то есть время возникновения и становления любимых музыкальных групп, а также период активной деятельности и пик карьеры музыкантов и новых открытий в жанрах (поджанрах)»* (Информант 13, женский, 18 лет, Алматы, metalcore).

Исторические периоды могут так же привлекать представителей core-культуры предметами искусства, такими как картины, скульптуры, фрески: *«Хм, мне очень нравится Древняя Греция, я люблю эстетику и искусство того времени<...> Многие красивые произведения искусства относятся к тому времени,*

и я действительно вдохновляюсь ими» (Информант 1, женский, Хельсинки, Grungecore, studycore).

Некоторые информанты вдохновляются эпохами, представленными в кинематографе: «Любимый исторический период? Так, я смотрела сериал «Царство».<...>Мне очень нравился этот сериал. Мне очень нравится платье, как раньше одевали.<...>Это период, если я не ошибаюсь, XVIII века» (Информант 2, женский, 21 год, Казань, Old Money, Cleangirlcore).

В качестве причины увлечения историческим периодом могут выступать так же особенности складывающихся отношений между людьми того времени: «Наверное, таким периодом для меня являются 1990-е и 2000-е годы. С одной стороны, это были сложные и для многих тяжёлые времена, но с другой стороны – это время долгожданной свободы, когда люди стали говорить и делать то, что им действительно хотелось» (Информант 8, мужской, 23 года, Москва, Dark academia, goblincore, cottagecore).

Среди ключевых ценностей представителей core как специфической формы самоорганизации молодежи в теоретических источниках выделяют гедонистические ценности, которые отсылают не только к удовольствию и потреблению, но и к независимости и свободе, что демонстрирует цитата из интервью выше. Однако некоторые информанты отмечают, что для них гораздо важнее уверенность, нежели свобода и независимость, последние способны вызывать чувство тревоги: «Ну, как будто бы я стала более взрослая. И как будто бы, не знаю, сейчас в современном мире со свободой и независимостью очень сложно будет, во-первых, жить. Вот. И я как будто бы больше выбираю комфорт, стабильность и вот всё такое» (Информант 10, женский, 21 год, Казань, core постоянно меняется).

Эстетика как ценность – еще одна характеристика картины мира представителей core. Она может проявляться, например, в желании оформить окружающее пространство в соответствии с определенной эстетикой: «Это важно. Я украшаю свою комнату. У меня всегда плакаты, маленькие карточки. Для меня это важно. Для моего комфорта» (Информант 5, женщина, 25 лет, Grungecore, Blackcatcore).

Эстетические ценности проявляются так же во внешнем виде информантов. Принадлежность к интернет-эстетикам оказывает влияние на изменение стилевых профилей информантов: «Для меня проявление animescore это проявление во внешности, когда девушки носят короткую клетчатую юбку, чулки, а еще бантики милые. А просто любовь к аниме может не проявляться во внешних признаках. У меня много таких друзей, они вроде и анимешники, но они блин скрытые анимешники. Сразу не поймешь, пока не пообщаешься» (Информант 22, женский, 18 лет, Казань, animescore).

Самоидентификация с определенным core может демонстрироваться с помощью выбора определенного стиля одежды: «Да, я люблю классическую одежду, но в каком-то современном прочтении. Люблю брюки, пиджаки и свитеры, шарфы, массивную, но при этом классическую обувь.<...> Я люблю темные тёплые оттенки в одежде: бордовый, травянисто-зелёный, охристый. Мой стиль одежды очень перекликается с эстетикой Dark academia» (Информант 8, мужской, 23 года, Москва, Dark academia, goblincore, cottagecore). А так же с помощью макияжа: «Ну, вот, например, сейчас в тренде блески для губ.<...>Вот когда этот тренд настал, я думаю, ну всё, я теперь Clean Girl буду.<...>Условно раньше я тени там какие-то себе мазала на глаза, а сейчас там условно в эстетике вот этой Clean Girl типа нет там ни теней, ничего тако-

го особенного, мало макияжа» (Информант 10, женский, 21 год, Казань, core постоянно меняется).

Интересным фактом стало появление в 2024 году рекламных кампаний различных брендов, концепции которых отсылали к core и разновидностям данной интернет-эстетики. В ноябре 2024 года новые функции Яндекс Браузера – кешбек рублями за покупки и оплата частями в Сплит были преподнесены с помощью подборок вещей в стиле 5 разных core (рисунок 2): Bella Swan core; Сабрина Карпентер core; Николай Василенко core; Уставшая англичанка core (English Frazzled Woman) и Burtoncore. [10] Анализ описанной рекламной компании отразил, что необходимость потребления товаров преподносится как способ принадлежности эстетическому направлению. Можно заметить использование образов известных личностей как способ привлечения большего внимания аудитории.

Внешний вид, включая бодимодификацию, играет большое значение для самовыражения в классических субкультурах, однако в ходе интервью выяснилось, что бодимодификации в условиях гибкости и множествен-

ности идентичностей могут быть не связаны с интернет-эстетиками: «Есть татуировка и 4 прокола в мочках, до недавнего времени был пирсинг-смайл – уздечка под верхней губой. Татуировка была сделана в то время, когда я уже знала про эстетику, но никакого отношения они друг к другу не имеют. Планирую делать ещё пирсинги и татуировки, отчасти для того, чтобы быть ещё ближе к эстетике» (Информант 13, женский, 18 лет, Алматы, metalcore).

По результатам исследования core характеризуется большими возможностями для индивидуальных интерпретаций, интересующие информантов эстетики и эстетические сообщества, к которым они себя относят, часто не совпадают. В данном случае имеет место персонализация категорий: «Я беру из трендов, из эстетик, то, что мне нравится, то, что подходит в мою собственную эстетику, в мой стиль» (Информант 9, женщина, 26 лет, Алматы, Blackcatcore, минимализм).

Выводы

Были выявлены особенности представителей core-культуры, связанные с наличием разных по гибкости вариантов идентичности, специфического

Рис. 2. Рекламная кампания Яндекс Браузера (ноябрь 2024 года)

стиля и картины мира с ценностными ориентациями на инфантилизм, проявляющийся в тематике публикаций и способах преподнесения информации, ностальгию по романтизированному образу прошлого и эстетизацию, которая оказывает влияние не только на внешний вид информантов, но и на выбор способов организации досуга. Особую роль в поддержании специфического образа жизни играют потребительские практики, в тоже время посредством рекламы данные практики развиваются и поддерживаются. Приобретение товаров и услуг способствуют самовыражению в рамках той или иной интернет-эстетики. Слабые социальные связи в сообществах представителей и гибкие, изменчивые идентификации представителей core скорее соответствуют постсубкультуре в трактовке Д. Магглтона [11].

Заключение

Таким образом, core обладает некоторыми признаками субкультуры в традиционном понимании – интернет-эстетики представляют собой сообщества, возникшие в условиях цифровизации и получившие свое развитие в социальных сетях, демонстрирующие определенный стиль жизни, внешний вид, культурные предпочтения и характеризующиеся наличием специфических ценностных ориентаций.

При этом рассмотренные сообщества крайне гибкие и неустойчивые по силе социальных связей и могут рассматриваться как пост-субкультуры, за исключением нетипичных случаев.

Список литературы / References

1. Булатова Е. И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: Теория «Новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. №2. С. 26–30.

Bulatova E. I. Conceptualization of youth sociality in post-subcultural research: The Theory of "New Tribes" // Observatory of Culture. 2015. No. 2. pp. 26–30. (In Russ.)

2. Кудряшов М. А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований // Этнографическое обозрение. 2014. – С. 23–32.

Kudryashov M. A. Subculture and after it: the history of the fundamental concept of youth research // Ethnographic review. 2014. – pp. 23–32. (In Russ.)

3. Giolo G. The aesthetics of the self: The meaning-making of Internet aesthetics / G. Giolo, M. Berghman // Peer-reviewed journal on The Internet. –URL:https://www.researchgate.net/publication/369252566_The_aesthetics_of_the_self_The_meaning-making_of_Internet_aesthetics (accessed 27 November 2024).

4. BrandMentions. URL: <https://brandmentions.com/> (accessed 2 June 2025).

5. Николаева Е. М. Эстетические субкультуры как феномен цифрового общества / Е. М. Николаева, А. Ф. Якупова // Российская молодежь в условиях цифровых разрывов / М. Ю. Ефлова, Г. Ф. Габдрахманова, Р. Г. Минзаринов и др. Казань: Издательство Казанского университета. 2023. Кн. 1. С. 25–34.

Nikolaeva E. M. Aesthetic subcultures as a phenomenon of digital society / E. M. Nikolaeva, A. F. Yakupova // Russian youth in the context of digital gaps / M. Yu. Eflova, G. F. Gabdrakhmanova, R. G. Minzaripov et al. Kazan: Kazan University Press. 2023. Book 1. pp. 25–34. (In Russ.)

6. Доклад Алины Мишиной «Место ностальгии в Интернет-эстетике и субкультуре Dark Academia». – URL: <https://hum.hse.ru/transcendental/announcements/964716265.html> (дата обращения: 03.12.2024).

Alina Mishina's report "The place of nostalgia in the Internet aesthetics and subculture of Dark Academia". – URL: <https://hum.hse.ru/transcendental/announcements/964716265.html> (accessed 3 December 2024). (In Russ.)

7. Giolo G. The aesthetics of the self: The meaning-making of Internet aesthetics / G. Giolo, M. Berghman // Peer-reviewed journal on The Internet. – URL: https://www.researchgate.net/publication/369252566_The_aesthetics_of_the_self_The_meaning-making_of_Internet_aesthetics (accessed 27 November 2024).

8. Lee Tory F. The haunting of classics in the Dark Academia aesthetic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/384858691_The_haunting_of_classics_in_the_Dark_Academia_aesthetic (accessed 16 December 2024).

9. Aesthetics Wiki: [online]. URL: https://aesthetics.fandom.com/wiki/Aesthetics_Wiki (accessed 22 March 2025).

10. Подборка вещей в стиле разных core // ВПШ: [online]. URL: <https://t.me/pravdadirty/62794> (дата обращения: 22.03.2025).

A selection of things in the style of different core // Higher School of Economics: [online]. URL: <https://t.me/pravdadirty/62794> (accessed 22 March 2025). (In Russ.)

11. Muggleton D. The post-subcultures reader / D. Muggleton, R. Weinzierl // Berg – 1 st ed. 2003. 336p.

Информация об авторах

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. E-mail: gedier@mail.ru

Соколова Екатерина Алексеевна, бакалавр, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. E-mail: sokolova.kat2017@yandex.ru

Information about authors

Saveleva Zhanna Vladimirovna, doctor of sociological sciences, professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. E-mail: gedier@mail.ru

Sokolova Ekaterina Alekseevna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. E-mail: sokolova.kat2017@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.
Received 02.06.2025; Accepted 18.06.2025

5.4.4 – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.628-053.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.46–54>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Трансформации социальной сущности образования
пожилых граждан в официальных документах
стратегического планирования
государственной политики РФ**

Сорокин Г.Г., Проботюк В.В.

*Тюменский индустриальный университет,
625000, Тюмень, ул.Володарского, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблематике развития образования пожилых граждан в Российской Федерации, реализации специализированных образовательных практик как эффективного инструмента адаптации социума к последствиям демографического старения населения страны. Приводятся результаты контент-анализа документов стратегического планирования политики РФ в отношении представителей старшего поколения. На основе сопоставления пространственных характеристик текстов (физического места, отведённого под проблематику обучения в пожилом возрасте) и контекста упоминания проблем геронтообразования делаются выводы об интерпретации социальной сущности и роли образования пожилых граждан в рамках государственной политики Российской Федерации, их трансформации в период с 2016 по 2025 годы. Авторами констатируются проблемы и даются рекомендации по совершенствованию деятельности государственных институтов в направлении развития и поддержки образования старшего поколения в России.

Ключевые слова: социология образования, образование пожилых граждан, социальная политика.

Для цитирования: Сорокин Г.Г., Проботюк В.В. Трансформации социальной сущности образования пожилых граждан в официальных документах стратегического планирования государственной политики РФ. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):46–54.

Social essence transformations of the senior citizens education in official strategic planning documents of the Russian Federation State policy

Sorokin G.G., Probotyuk V.V.

*Tyumen Industrial University,
Volodarskogo str., h. 38, Tyumen, 625000, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the development of education for senior citizens in the Russian Federation, its implementation as an effective tool for adapting society to the consequences of the population demographic aging. The strategic planning documents of Russian Federation policy in relation to the representatives of the older generation are studied. Based on the results of the documents content analysis, conclusions are drawn about the transformation of social essence of the elderly citizens education's in the state institutions interpretation from 2016 – 2025 years. The authors identify problems and provide recommendations for the state institutions activities improving in the direction of developing and supporting the older generation education in Russia.

Keywords: sociology of education, senior citizens education, social policy.

For citation: Sorokin G.G., Probotyuk V.V. Transformations of the social essence of education of elderly citizens in official documents of strategic planning of state policy of the Russian Federation. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;(2(69)):46–54 (In Russ.)

Введение

Безоговорочным демографическим мейнстримом современного времени является старение население Земли. Российская Федерация с начала века в полной мере ощущает последствия трансформации возрастной структуры общества, которые проявляются в повышении демографической нагрузки на работающих граждан, дисфункциях социальных институтов, нарастании отчужденности между представителями разных поколений. В настоящее время становится очевидным, что проблемы, вызванные возрастанием доли пожилых граждан в обществе, невозможно преодолеть без мобилизации экономического, культурного и социального потенциала самой геронтогруппы. Представители различных научных направлений (экономисты, социологи, геронтологи, демографы и др.) обращают внимание на важность присутствия в рамках таких мер об-

разовательного компонента (П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина) [1, с. 10]. Инклюзия представителей старшего поколения в образовательное пространство становится значимым механизмом адаптации общества к происходящим социальным изменениям [2, 3]. В сложившейся ситуации целенаправленная государственная политика в отношении повышения образовательного уровня геронтов выступает недостающим элементом адаптивных стратегий, связанных с привлечением пожилых граждан к решению злободневных социальных проблем, рациональной и всесторонней реализации их знаний, опыта, активности и других неактуализированных резервов. Несмотря на то что сегодня государственными институтами осознаётся важность повышения образовательного уровня старшего поколения и проводятся отдельные мероприятия в данном направлении, на уровне государства в России пока не

реализуется система мер, направляющих процесс функционирования и развития практик образования геронтов на разрешение возникших социальных противоречий. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования долгосрочной государственной политики РФ в отношении образования представителей геронтогруппы, учитывающей социальный заказ, ситуацию в обществе в целом, потребности пожилых граждан и возможности потенциальных агентов их ресоциализации. Целью работы является выявление интерпретации социальной сущности образования пожилых граждан и анализ тенденций её трансформации в официальных документах, детерминирующих приоритеты социальной политики РФ.

Методы

Основным методом, используемым в работе, выступает контент-анализ. Данная исследовательская техника предполагает изучение содержания текста для получения информации о свойствах и состояниях социальной реальности (в понимании источника текста) [4, с. 193]. Для определения места и роли образования представителей геронтогруппы в современном российском социуме в представлении органов государственной власти РФ дополнительно был задействован традиционный (классический) анализ документов с качественной интерпретацией информации. Исследованию подверглись тексты двух официальных государственных документов: Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года (далее Стратегия 2025) [5] и Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года (далее Стратегия 2030) [6]. Необходимость разработки этих документов была продиктована увеличением численности и доли социально-эко-

номической группы пожилых людей в обществе, а также усложнением её структуры. Стратегия 2025 утверждена в феврале 2016 г., её реализация прекращена в 2025 г. Стратегия 2030 является логическим продолжением первого документа. Предполагаемые сроки её реализации апрель 2025 г. – январь 2030 г. Оба источника являются документами стратегического планирования, устанавливающими приоритетные направления государственной политики Российской Федерации в отношении старшего поколения. Помимо непосредственного сопоставления содержания двух документов в исследовании осуществлялись подсчёт и сравнение пространственных характеристик текста (единиц протяжённости) – строк, содержащих информацию, затрагивающих тему обучения пожилых граждан, а также определение и соотнесение частоты присутствия смысловых единиц – характеристик контекста, в котором рассматривается проблема геронтообразования. Зафиксировав частоту упоминания проблематики образования старшего поколения, можно оценить востребованность данного направлению работы с пожилыми гражданами как инструмента социальной политики. Анализ контекста обращения авторов к проблематике обучения геронтов позволяет сделать вывод о социальной сущности образования старшего поколения в интерпретации государственных институтов. Учитывая, значительный временной интервал между датами утверждения стратегий (почти 9 лет), на основании анализа текстов также можно получить информацию о трансформации социальных функций геронтообразования в интерпретации органов государственной власти.

Результаты и обсуждение

Анализ и сопоставление текстов Стратегии 2025 и Стратегии 2030 позволили получить следующие основ-

ные результаты. Оба документа ориентированы, фактически, на одни и те же цели. Они направлены на повышение качества жизни пожилых граждан, создание условий для их участия в жизни социума. В задачах Стратегии 2025 неоднократно присутствуют тезисы, свидетельствующие о важности развития геронтообразования в России: «обеспечение равного доступа к услугам в сфере образования», «создание условий для удовлетворения образовательных потребностей»; «повышение уровня финансовой и правовой грамотности»; «создание условий для обеспечения доступа к информации» [5, с. 25]. Но при этом, механизмы реализации только 2х из 7и приоритетных направлений Стратегии 2025 связаны с использованием программ образования представителей старшего поколения («финансовое обеспечение» и «предоставление доступа к образовательным и информационным ресурсам»). Относительно Стратегии 2030, ситуация противоположная. В задачах стратегии отсутствуют какие-либо отсылки на образование представителей старшего поколения, но при этом в качестве инструментов реализации практически всех ключевых направлений выступают образовательные мероприятия для лиц старшего возраста («охрана здоровья», «создания условий для реализации личностного потенциала», «развитие инфраструктуры для комфортной и безопасной жизни» и т.д.).

В Стратегии 2025 определено отдельное направление, непосредственно связанное с проблематикой образования пожилых людей, - «Обучение и информационная доступность для граждан старшего поколения». На него отводится достаточно большой объём текста (47 строк). Также присутствуют блоки, конкретизирующие содержание работ в рамках данного направления (28 строк) и раскрывающие механизмы его реализации (40 строк). В тек-

сте стратегии 2030 нет отдельного тематического сегмента, посвящённого образованию. В то же время в разделе «Создание условий для реализации личностного потенциала граждан старшего поколения и расширения их участия в жизни общества» даётся обзор существующих в стране условий и возможностей участия пожилых россиян в программах непрерывного образования, приводится статистика по количеству специализированных образовательных проектов и числу их участников (23 строки). По факту данный анализ является своеобразным итогом результатов реализации Стратегии 25 в направлении развития геронтообразования в РФ.

Среди целевых показателей обоих сопоставляемых документов нет критериев, позволяющих оценить развитие в стране специализированных программ образования или степень интеграции пожилых граждан в образовательное пространство. Этот факт особенно бросается в глаза в Стратегии 2025. Учитывая значительное место, отведённое развитию образования пожилых в задачах документа, логично было бы определить соответствующие показатели. Отметим, что на первых стадиях разработки Стратегии 2025 авторами предлагалось ввести в качестве показателя её результативности индекс благополучия пожилых граждан – интегральную оценку нескольких параметров, включающих в себя и охват граждан пожилого возраста образовательными услугами [7]. Возможно, сложности, связанные со статистической фиксацией участия геронтов в образовательных программах, вынудили разработчиков отказаться от данной идеи. Вероятной причиной отказа авторов Стратегии 2025 от определения формальных числовых критериев также могло стать то обстоятельство, что на момент разработки документа необходимости в них просто не было, достаточной оценкой динамики раз-

вития образования пожилых россиян являлась констатация факта присутствия или отсутствия в социуме соответствующих трендов.

Подводя промежуточный итог по сопоставлению единиц протяжённости, можно констатировать, что в Стратегии 2025 проблематика образования пожилых россиян в том или ином аспекте затрагивается в 146 строках, что составляет 9,36% от общего объёма текста. В Стратегии 2030 данные показатели 128 и 7,68% и соответственно. Незначительное уменьшение числовых характеристик единиц протяжённости свидетельствует о некотором уменьшении места проблематики образования пожилых в политической повестке нашей страны в период с 2016 по 2025 гг.

Статистика контекста упоминания геронтообразования в обоих докумен-

тах представлена в Таблице 1. В качестве смысловых единиц (контент-единиц) выступал контекст упоминания в тексте проблематики образования старшего поколения россиян. Абсолютное число обращений к вопросам образования геронтов в стране подтверждает сделанный ранее вывод об уменьшении места данной проблематики в политической повестке РФ (41 против 29). Все обнаруженные в источниках смысловые единицы можно дифференцировать на две категории: проблемы развития образования в РФ и социальные функции геронтообразования. Если в Стратегии 2025 на долю “проблем” приходилось 51,26% фиксируемых единиц, то в Стратегии 2030 всего 24,13%. Актуальность всех отмеченных в документах проблем развития образования старшего поколения в Стратегии 2030

Таблица 1
Результаты контент-анализа Стратегии 2025 и Стратегии 2030

Смысловые единицы контент-анализа		Стратегия 2025		Стратегия 2030	
		кол-во	доля %	кол-во	доля %
Социальные функции образования	Образование – необходимое условие интеграции пожилых в производственно-экономическую сферу	7	17,1	2	6,9
	Образование пожилых способствует повышению их социальной активности	3	7,32	3	10,34
	Образование – существенный фактор социальной адаптации пожилых граждан, поддержания уровня их функциональной грамотности (финансовой, правовой, компьютерной и т.д.)	8	19,5	9	31,03
	Образование – значимая форма культурного досуга представителей старшего поколения	1	2,44	2	6,9
	Образование – эффективное средство оздоровления геронтов	1	2,44	4	13,8
	Образование – важная составляющая обеспечения личной безопасности пожилых	0	0	2	6,9
Проблемы	Проблема доступности образования для пожилых	9	22	3	10,34
	Проблема создания условий для удовлетворения образовательных потребностей геронтов	8	19,5	4	13,79
	Проблема адаптации образования пожилых к их потребностям	4	9,76	0	0
ИТОГО		41	100	29	100

существенно ниже. Изменилась интерпретация проблематики образования геронтов. Оно стало меньше позиционироваться как проблема и больше как средство решения проблем.

В Стратегии 2030 важность реализации практически всех социальных функций геронтообразования отмечается выше, чем в Стратегии 2025 (исключение составляет лишь интеграция в профессиональную сферу). Мы связываем это с тем, что в результате расширения практик образования геронтов с 2016 по 2025 г. накопился определённый практический опыт, позволяющий скорректировать приоритетные направления образования пожилых граждан в соответствии с реальными потребностями данной категории обучающихся взрослых. К примеру, в Стратегии 2025 реализации образовательных механизмов для оздоровления геронтов уделялось всего 2,44% упоминаний, а в Стратегии 2030 этот аспект занимает долю в 5 с лишним раз больше в общем числе фиксируемых единиц (13,8%). В первом документе вопросы развития программ обучения пожилых навыкам обеспечения личной безопасности вообще не поднимались, а во втором относительное число присутствия подобных тезисов в тексте составляет 6,9%.

Выводы

Сопоставление контента анализируемых источников показало, что вопросы образования пожилых граждан в Стратегии 2030 поднимаются заметно реже, чем в Стратегии 2025. Данный эмпирический факт можно объяснить следующими обстоятельствами:

1. Ослаблен главный мотив внимания государства к повышению образовательного уровня пожилых граждан – потребность в реинтеграции геронтов в производственно-экономическую сферу (соответствующая социальная функция геронтообразования оказалась единственной, выходящей из

общего тренда, согласно Таблице 1). Вследствие реализации мероприятий по повышению пенсионного возраста и пандемии COVID-19 в РФ установилась тенденция на уменьшение числа пенсионеров по старости. За время действия Стратегии 2025 количество таких граждан сократилось на 1,4 млн. человек [6, с. 4].

2. Сопоставляя источники нужно учитывать – что второй документ во многом строится на результатах первого. За период действия Стратегии 25 достигнуты показатели, приближающие развитие образования пожилых граждан в РФ к количественному “пределу роста”. Геронтообразование в том виде, в котором оно сегодня реализуется (преимущественно, как форма культурного досуга) охватило, если не всю свою потенциальную аудиторию, то значительную её часть. Соответственно, проблема развития количественных характеристик образования пожилых закономерно перестала быть такой острой.

3. Одной из причин отхода вопроса образования представителей старшего поколения в социальной политике государства на второй план является утрата данным направлением работы с гражданами “качества инновационности”. В начале 2000х присутствие в регионе даже одного-двух проектов геронтообразования интерпретировалось как показатель соответствия региональной социальной политики передовым мировым трендам. К 2020 году отсутствие в каком-либо центре социального обслуживания пожилых систематических образовательных мероприятий свидетельствовало об отсталости, несостоятельности учреждения. В настоящее время обучение геронтов – это рутинная работа образовательных центров и учреждений социального обслуживания, форма образования взрослых, которая уже не обращает на себя внимания своей экзотичностью. Присутствие в офици-

альных документах повестки образования геронтов не добавляет им в глазах общественности актуальности или социальной значимости.

Но главной причиной, по нашему мнению, является трансформация социальной сущности образования пожилых граждан в представлении органов государственной власти. В 2016 году образование рассматривалась как средство актуализации скрытых резервов геронтогруппы, панацея, способная разрешить значительную часть проблем старшего поколения и восполнить пробелы в механизмах интеракции пожилых граждан и органов государственной власти. Закономерно, что в стратегии 2025 значительная часть проблематики обучения геронтов сводилась к созданию условий для интеграции геронтов в образовательное пространство, развитию образования геронтов в любой форме и направлениях. К началу разработки Стратегии 30 стало очевидно, что расширение практик обучения геронтов само по себе не является достаточным условием эффективной и всесторонней реализации его потенциала. Необходимы выявление конкретных актуальных направлений развития геронтообразования и их целенаправленная поддержка, акцент на реализацию отдельных приоритетных социальных функций обучения старшего поколения. Образование пожилых граждан приобретает всё большую значимость как инструмент социальной политики узконаправленного действия и всё чаще интерпретируется органами государственной власти в этом контексте.

Исследование подтверждает восприятие государственными институтами повышения образовательного уровня геронтов как социальной проблемы. Вместе с тем необходимо отметить ряд фактов, свидетельствующих об отсутствии у органов государственной власти чёткого видения будущего развития геронтообразования в стране

и, как следствие, несформированность внятной государственной политики в данном направлении:

1. В обоих документах прослеживается распространённый геронтофобный стереотип – образование пожилых людей необходимо, прежде всего, им самим.

2. До конца не ясна роль государства в развитии образования старшего поколения в стране. Не понятно, планируется ли данным институтом активное участие в создании и поддержке специализированных образовательных практик или данные функции предполагается делегировать уже функционирующим провайдерам образовательных услуг для пожилых (образовательным центрам, учреждениям социальной защиты и культуры и т.д.).

3. Чётко не определены направления, цели и задачи, принципы, агенты, ресурсы, развития геронтообразования. Иными словами, отсутствуют концептуальные основания деятельности государства в данной области.

Заключение

Контент-анализ документов позволил выявить сущность образования геронтов в интерпретации органов государственной власти РФ. Обе стратегии поднимают вопросы развития данного направления образования взрослого населения, высоко оценивают потенциал геронтообразования как инструмента решения злободневных социально-экономических проблем. Результаты исследования свидетельствуют о том, что повышение образовательного уровня граждан постепенно становится одним из важных векторов государственной политики в отношении старшего поколения. Представления органов государственной власти о сущности образования старшего поколения изменяются и конкретизируются с учётом результатов мониторинга проблем пожилых граждан, исследований тенденций развития

специализированных образовательных практик, а также изучения опыта их реализации. Для совершенствования государственной политики в отношении старшего поколения необходимы систематические исследования социальных, экономических культурных и др. факторов, детерминирующих образовательную активность пожилых граждан, выявляющих актуальные на-

правления и возможности повышения эффективности реализации программ геронтообразования. Важным условием повышения КПД образования пожилых граждан как социального и экономического ресурса является разработка концепции, определяющей направления, принципы и механизмы государственной политики в отношении образования старшего поколения.

Список литературы / References

1. Образование как ресурс сохранения и развития людей «третьего возраста»: [монография] / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина / под редакцией П. А. Амбаровской, Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. 226 с.

Education as a resource for the people of the «third age» preservation and development: [monograph] / P. A. Ambarova, G. E. Zborovsky, N. V. Shabrova, E. A. Shuklina / edited by P. A. Ambarova, G. E. Zborovsky. – Ekaterinburg: Humanitarian University, 2021. 226 p. (In Russ.)

2. Лупанова Е.А., Рагимова С.С. Аспекты обучения пожилых людей в контексте социальных изменений // Новые горизонты. Сборник материалов и докладов XI научно-практической конференции с международным участием. – Брянск: БГТУ, 2024. – С. 916-919.

Lupanova E.A., Ragimova S.S. Training older people aspects in the context of social changes // New horizons. Collection of materials and reports of the XI scientific and practical conference with international participation. – Bryansk: BSTU, 2024. – pp. 916-919. (In Russ.)

3. Сорокина Н.В. Внедрение информационных технологий в вузовское образование. Ожидания и реальность // Приоритетные направления экономического, социального и политического развития информационного общества (ПН-2023). Материалы Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2024. – С. 353-356.

Sorokina N.V. Introduction of information technologies in higher education. Expectations and reality // Priority directions of economic, social and political development of the information society (MON-2023). Materials of the International Scientific and Practical Conference. – Tyumen: TIU, 2024. – pp. 353-356. (In Russ.)

4. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Черношеч. – М. : Норма, 2008. 608 с.

Sociological dictionary / ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichev; academic secretary O. E. Chernoshchek. Moscow: Norma, 2008. 608 p. (In Russ.)

5. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года / Официальный сайт Правительства РФ // <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения 29.05.2025).

Strategy of actions in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025 / Official website of the Government of the Russian Federation // <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (accessed 29.05.2025). (In Russ.)

6. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года / Официальный сайт Правительства РФ // <http://static.government.ru/media/files/3s71wNjici0hB2DjxdhBlAJawkt1SBE.pdf> (дата обращения 29.05.2025).

Strategy of actions in the older citizens interests in the Russian Federation until 2030 / Official website of the Russian Federation Government // <http://static.government.ru/media/files/3s71wNjjcii0hB2DJxdhBlAJawkT1SBE.pdf> (accessed 29.05.2025). (In Russ.)

7. Проект стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года /Официальный сайт Минтруд РФ // <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/203?ysclid=mb09bppq7g132629940> (дата обращения 29.05.2025).

Draft strategy of actions in the elderly citizens interests until 2025 / The Russian Federation Ministry of Labor official website // <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/203?ysclid=mb09bppq7g132629940> (accessed 05/29/2025). (In Russ.)

Physics and Instrumentation. AuthorID RSCI 415064; ORCID ID 0000-0002-4419-7744, e-mail: probotjukvv@tyuiu.ru

Информация об авторах

Сорокин Геннадий Геннадьевич, доцент, кандидат социологических наук, Тюменский индустриальный университет, доцент кафедры “Физика и приборостроение”. AuthorID РИНЦ 165857; ORCID ID 0000-0002-9819-8988, e-mail: sgena1@yandex.ru.

Проботюк Владимир Викторович, доцент кандидат технических наук, Тюменский индустриальный университет, доцент кафедры “Физика и приборостроение”. AuthorID РИНЦ 415064; ORCID ID 0000-0002-4419-7744, e-mail: probotjukvv@tyuiu.ru

Information about the authors

Sorokin Gennady Gennadievich, Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences, Tyumen Industrial University, Associate Professor of the Department of Physics and Instrumentation. AuthorID RSCI 165857; ORCID ID 0000-0002-9819-8988, e-mail: sgena1@yandex.ru.

Probotyuk Vladimir Viktorovich, Associate Professor, Candidate of Technical Sciences, Tyumen Industrial University, Associate Professor of the Department of Physics and Instrumentation. AuthorID RSCI 415064; ORCID ID 0000-0002-4419-7744, e-mail: probotjukvv@tyuiu.ru

Поступила в редакцию 31.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
Received 31.05.2025; Accepted 17.06.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.55-62>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Демографическое состояние Республики Татарстан:
динамика показателей и основные тенденции**

Хурамшина А.З., Гневашева В.А., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т.

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
420111, г. Казань, ул. Баумана, д.20, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены основные характеристики демографического состояния Республики Татарстан – брачности, разводимости, рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, рассчитанные по статистическим данным на начало 2024 года. Показаны основные тренды на снижение брачности, рождаемости, на повышение разводимости и ожидаемой продолжительности жизни в регионе. Даны сравнения изменений основных показателей по Республике Татарстан, Приволжскому федеральному округу, Российской Федерации в целом за последние 10 лет. По всем показателям демографической ситуации Татарстан находится в более благополучном состоянии, однако повторяет общую динамику.

Ключевые слова: демография, демографические показатели, брачность, разводимость, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, Республика Татарстан

Для цитирования: Хурамшина А.З., Гневашева В.А., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т. Демографическое состояние Республики Татарстан: динамика показателей и основные тенденции. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2 (69):55–62.

**Demographic state of the Republic of Tatarstan:
dynamics of indicators and main trends**

Khuramshina A.Z., Gnevasheva V.A., Khayrullina Y.R., Talibova F.T.

*Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences,
420111, Kazan, Bauman str., 20, Russian Federation*

Abstract. The article presents the main characteristics of the demographic state of the Republic of Tatarstan – marriage, divorce, fertility and life expectancy, calculated according to statistical data for the beginning of 2024. The main trends towards a decrease in marriage, fertility, and an increase in divorce rates and life expectancy in the region are shown. Comparisons of changes in the main indicators for the Republic of Tatarstan, the Volga Federal District, and the Russian Federation as a whole over the past 10 years are given. According to all

indicators of the demographic situation, Tatarstan is in a more prosperous state, but it repeats the general dynamics.

Keywords: demography, demographic indicators, marriage, divorce, birth rate, life expectancy, Republic of Tatarstan

For citation: Khuramshina A.Z., Gnevasheva V.A., Khairullina Yu.R., Talibova F.T. Demographic status of the Republic of Tatarstan: dynamics of indicators and main trends. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;(2 (69): 55–62.

Введение

Демография, как известно, – наука о населении, о его воспроизводстве. Основными показателями демографического состояния населения являются брачность, разводимость, рождаемость и смертность. Именно они определяют численность и состав населения на определенной территории. Актуальность темы исследования определяется фундаментальным характером изучения демографических процессов и исключительным вниманием государственной власти к проблеме современного демографического кризиса. В связи с этим целью нашего исследования стала характеристика современного демографического состояния Татарстана как региона Российской Федерации. В качестве основного метода выступили статистический и сравнительный анализ данных из официальных источников информации: портала ЕМИСС, сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в том числе Базы данных показателей муниципальных образований и сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (Татарстанстат).

Результаты и обсуждения

Характеризуя демографическую ситуацию в Республике Татарстан в настоящее время, в первую очередь, обратимся к показателям брачности. Вступление в брак – это начало новой семьи, и, как показывает демографическая наука, между брачностью и рождаемостью есть тесная корреляционная взаимосвязь [1, 2].

В Республике Татарстан в 2023 году было заключено 25 219 браков, что на 2 181 меньше (8%), чем в 2022 году [3, 4]. Тенденция последних одиннадцати лет демонстрирует снижение количества браков, зарегистрированных в республике. Так, за последние 10 лет этот показатель упал на 25% [5].

Рассматривая количество заключенных браков в республике, в т.ч. в разрезе муниципальных образований, за последние 3 года мы наблюдаем скачки: резкий рост и падение. Возможные причины – откладывание вступления в брак в ковидном 2020-м на 2021-й год, объявление специальной военной операции и частичная мобилизация в 2022-м году. Это предположение находит свое подтверждение в следующем. Изучение сезонности вступления в брак показывает, что в октябре 2022 года (после объявления частичной мобилизации) количество браков в 1,6 раза превысило средние значения прошлых лет.

Расчеты, произведенные Центром семьи и демографии АН РТ на основе данных Всероссийской переписи населения России 2020 года и статистических данных Росстата за 2023 год, демонстрируют превалирование женщин в возрасте от 16 лет, не состоящих в браке, над мужчинами в том же статусе [6,7,8]. Разница составляет более 260 тысяч человек, что в процентном соотношении от общего количества бракоспособного населения республики составляет 18,6%. Такой разрыв обусловлен общей картиной распределения мужчин и женщин в структуре населения республики. При этом, в среднем на 1000 мужчин бракоспо-

собного возраста в республике приходится 1 368 женщин. Исключительным является только Иннополис – «город женихов», в котором преобладают представители мужского пола в возрасте 20-24 года: 16% от общего числа проживающих в городе и 26% от общего количества мужского населения.

Рассчитанные половозрастные коэффициенты обнаружили видимые гендерные различия в возрастной структуре брачности. Так, для мужчин характерна бимодальная модель брачности с высокими значениями в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет (56,7% и 67,9%), у женщин ярко выражен экстремум в возрастном диапазоне 20-24 года (86,1%).

В 2023 году общий коэффициент брачности в Республике Татарстан составлял 6,3‰. Динамика последних 10 лет демонстрирует нам волнообразные изменения общего коэффициента брачности в республике и повторяет общероссийские и окружные тенденции [9] (см. рисунок 1).

Разводимость – следующий из основных показателей демографического состояния. В Республике Татарстан в 2021 г. по отношению к 2020 г. произошёл рост числа разводов на 30%.

В 2022 и 2023 году произошло снижение их числа на 2,1% в каждом году. Общее число разводов сократилось со своего максимума в 2021 году на 4,2% [7, 10, 11], что свидетельствует о некоторой стабилизации семей после пандемии.

По общему коэффициенту разводимости в 2021 г. Республика Татарстан находилась на 10 месте в России (3,8‰ вместе с Удмуртской Республикой, Республикой Крым, Ленинградской областью) и на 4 месте среди регионов Приволжского федерального округа вместе с Удмуртской Республикой, после показателей республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл. Тогда разводимость была ниже, чем в Республике Татарстан, в республиках Дагестан, Тыва, Ингушетия, Мордовия, Кабардино-Балкарской и Чувашской республиках, г. Москве, Республике Марий Эл. В 2023 г. показатель Республики Татарстан стабилизировался на отметке 3,6‰ на уровне 2022 г., сохранив региону вторую позицию в ПФО. Динамика показателей разводимости по Татарстану во многом повторяет динамику по Приволжскому федеральному округу и России в целом [12] (см. рисунок 2).

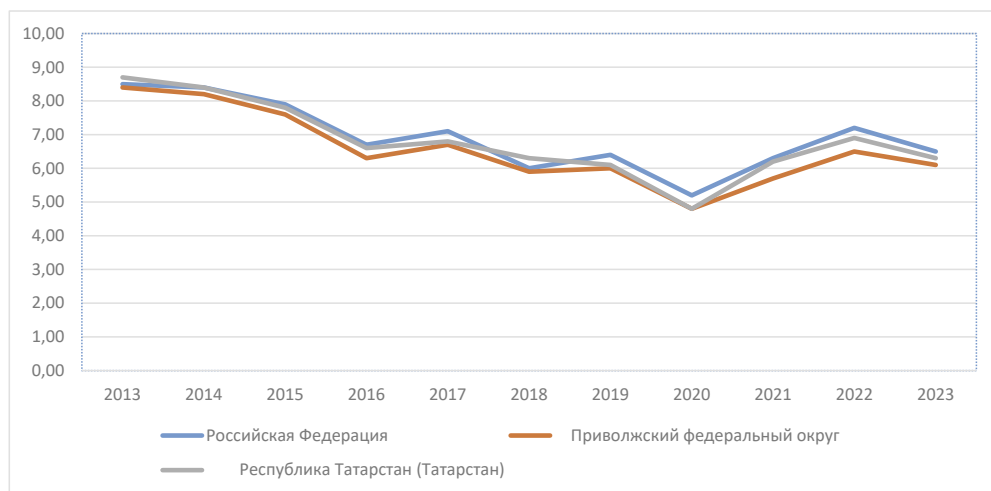

Рисунок 1. Динамика числа браков на 1000 населения за год, в ‰

Рисунок 2. Динамика Число разводов в расчете на 1000 населения за год, в %

В 2023 г., как и в 2022 году, наибольшее количество разводов зафиксировано у мужчин и у женщин в возрастных когортах 35-39 лет (20,2% и 22,4% соответственно) и 30-34 года (19,5% и 22,6% соответственно). И в них преобладают женщины на 2,2% и 3,1% соответственно. В 2022 г. средний возраст супругов при разводе составлял 37,33 года у мужчин и 35,53 года у женщин, в 2023 г. - 36,1 год, и 35,2 года соответственно.

В 2023 г. уменьшилась доля муниципальных образований с высокими и со средними показателями общего коэффициента разводимости и повысилась доля с низким уровнем разводимости. Это положительное явление. Муниципальные образования с высоким показателем, как и прежде, сконцентрированы в Столичном, Камском и Нефтяном экономических зонах Татарстана.

Рождаемость – важнейший из демографических показателей. В последние годы именно рождаемость вызывает наиболее пристальное внимание как демографов, так и представителей других наук, а также органов государственной и муниципальной власти [13].

Количество детей до 1 года на начало 2024 года составило 36 325 человек, что на 268 человек меньше, чем на на-

чало 2023 года. Количество родившихся на 1000 человек на начало 2024 года составило 9,07‰. Описательная статистика и регрессионный анализ количества детей до 1 года в муниципальных образованиях Татарстана как в общей сложности, так и отдельно по городскому и сельскому населению, показывает выраженную значимость детей, рожденных в городской местности, для поддержания общего количества детей в этом возрасте и сохранении тенденции [14,15].

С целью возможности оценки долгосрочных трендов изменения показателей рождаемости и формирующихся тенденций используются модели прогнозирования, такие как экстраполяция исторических данных, анализ трендов или использование статистических методов (например, линейная регрессия). Центром семьи и демографии Академии наук Татарстана был рассчитан средний вариант прогноза суммарного коэффициента рождаемости для муниципальных образований Республики Татарстан. Расчет показывает, что в Агрызском муниципальном районе с 2032-го, в Заинском – с 2035-го, в Мензелинском – с 2036-го, в Тукаевском – с 2035-го, Черемшанском – с 2036-го годов суммарный коэффициент рождаемости может упасть

ниже нуля, если ничего не предпринимать. При высоком же варианте прогноза – если все сложится благоприятно: молодежь будет оставаться в районе, будут заключаться браки и т.п. – то в тех же муниципальных районах возможен не такой сильный спад рождаемости.

Для графиков, составленных на основе данных Росстата [16] и демонстрирующих изменение суммарного коэффициента рождаемости в Татарстане, в Приволжском федеральном округе и России в целом, характерна идентичность динамики (см. рисунок 3).

Говоря о демографических показателях также следует обратить внимание на ожидаемую продолжительность жизни. Она в Татарстане в последние 10 лет превышает значения по Приволжскому федеральному округу и Российской Федерации в целом. Различия составляют от 1,3 до 2,5 лет. В 2023 году в Республике Татарстан ожидаемая продолжительность жизни составила 75 лет и 3 месяца. На рисунке 4 мы можем наблюдать, что динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни в регионе за последние 10 лет соответствует динамике показателя по федеральному округу и в целом по стране [17].

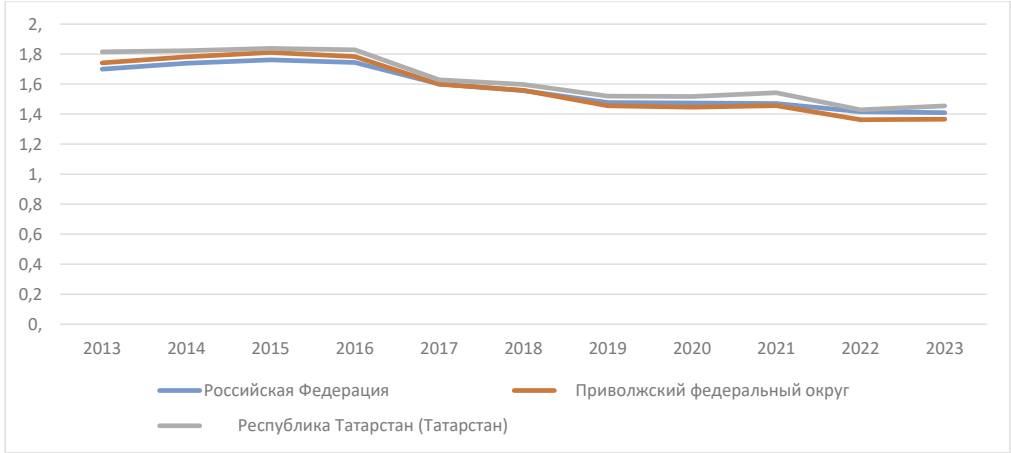

Рисунок 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости, значение показателя за год

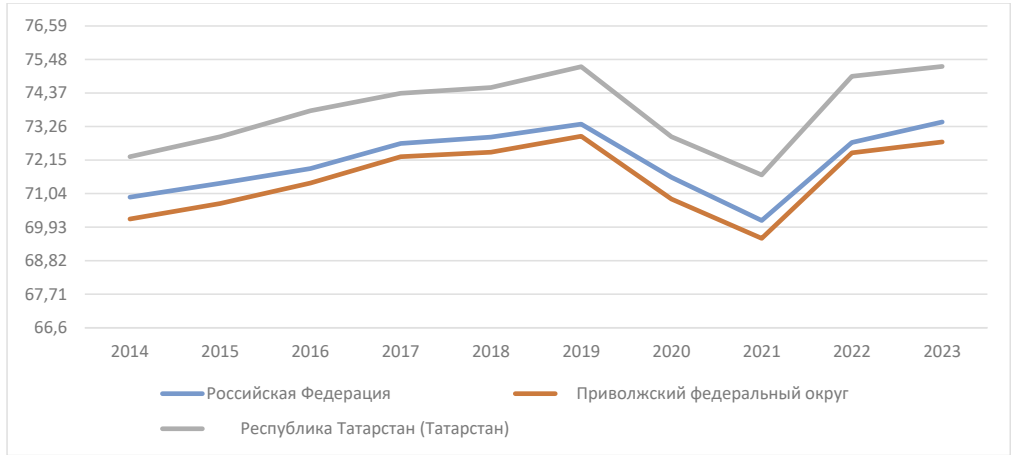

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе, Республике Татарстан в 2014-2023 годах, в годах

Заключение

Таким образом, динамика демографических показателей Республики Татарстан во многом повторяет динамику соответствующих показателей по Российской Федерации в целом и Приволжскому федеральному округу. По большинству показателей Татарстан демонстрирует относительно

более благополучное положение. Это еще раз подтверждает общепопуляционный характер демографических процессов, относительно низкое влияние узко-территориальных и региональных факторов на основные тенденции, но заметное их влияние на уровень показателей.

Список литературы / References

1. Абдульязнов А.Р., Рустамова Г.М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. 2024. – Т. 27, № S1. С. 94–106. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106. – EDN RGQIRV.

Abdulzyanov A. R., Rustamova G. M. marital and reproductive behavior of modern Russian youth // Population. 2024. – Vol. 27, No. S1. – Pp. 94–106. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106. – EDN . (In Russ.)

2. Галиева Г.И. Особенности брачных стратегий современных мусульманок // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. – С. 1401–1404. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56999808>. – EDN JWXHKX.

Galieva G.I. Features of marriage strategies of modern Muslim women // Russian society today: values, institutions, processes : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 16–18, 2023. – Saint Petersburg: Scientia Publishing House, LLC, 2023. – pp. 1401–1404. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56999808>. – EDN JWXHKX. (In Russ.)

3. Статистическая информация по количеству записей актов о заключении брака и расторжении брака, зарегистрированных органами ЗАГС Республики Татарстан в 2023 году: данные по запросу от Управления ЗАГС КМ РТ – Текущий архив ЦСид АН РТ, 2025

Statistical information on the number of records of marriage and divorce acts registered by the registry offices of the Republic of Tatarstan in 2023: data on request from the Registry Office of the Republic of Tatarstan – Current archive of the Central Registry Office of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. (In Russ.)

4. Статистическая информация по числу вступивших в брак по возрасту и брачному состоянию в 2023 году: данные по запросу от Татарстанстата – Текущий архив ЦСид АН РТ, 2025

Statistical information on the number of married persons by age and marital status in 2023: data on request from Tatarstanstat – Current Archive of the Central Research Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025 . (In Russ.)

5. Число браков за 2013–2023 гг. в РТ // ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31566>.

The number of marriages in 2013–2023 in the Republic of Tatarstan // EMISS State Statistics. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31566>. (In Russ.)

6. Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке/ – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284>

The results of the VPN2020. Volume 2 Age and gender composition and marital status/ – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284>. (In Russ.)

7. Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год: Статистический бюллетень. Москва,

2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2023.xlsx

Natural movement of the population of the Russian Federation in 2023: Statistical bulletin. Moscow, 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2023.xlsx. (In Russ.)

8. Численность населения по полу и возрасту. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

Population size by gender and age. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (In Russ.)

9. Число браков в расчете на 1000 населения за год (промилле (0,1 процента)) // ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31266>

Number of marriages per 1,000 population per year (per million (0.1 percent)) // EMISS State Statistics. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31266>. (In Russ.)

10. Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год: Статистический бюллетень. Москва, 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx;

Natural movement of the population of the Russian Federation in 2021: Statistical Bulletin. Moscow, 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx. (In Russ.)

11. Естественное движение населения Российской Федерации за 2022 год: Статистический бюллетень. Москва, 2023. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2022.xlsx;

Natural movement of the population of the Russian Federation in 2022: Statistical bulletin. Moscow, 2023. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2022.xlsx. (In Russ.)

12. Число разводов в расчете на 1000 населения за год (промилле (0,1 процента)) // ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31268>

The number of divorces per 1,000 population per year (per million (0.1 percent)) // EMISS State Statistics. – URL:

<https://www.fedstat.ru/indicator/31268>. (In Russ.)

13. Хайруллина Ю.Р., Хурамшина А.З. Самочувствие детей в российских семьях (на материалах республики Татарстан) // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2024. № 26. С. 139-146. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76096835> – EDN DLZOOO.

Khairullina Yu.R., Khuramshina A.Z. The well-being of children in Russian families (based on the materials of the Republic of Tatarstan) // Scientific papers of the Center for Advanced Economic Research. 2024. No. 26. – pp. 139-146. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76096835>. – EDN DLZOOO. (In Russ.)

14. Гневашева В.А. Прогностические тренды рождаемости в Республике Татарстан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 2(172). С. 146-150. – DOI 10.26726/rppe2025v2ptofi. – EDN: BXDJJOY.

Gnevasheva V.A. Prognostic trends of fertility in the Republic of Tatarstan // Regional problems of economic transformation. 2025. № 2(172). Pp. 146-150. – DOI 10.26726/rppe2025v2ptofi. – EDN BXDJJOY. (In Russ.)

15. Стерник С.Г., Гареев И.Ф., Хурамшина А.З., Пилипенко И.В. Взаимосвязь изменений на рынке жилищного строительства и депопуляции населения в сельских районах // Жилищные стратегии. 2025. Т. 12, № 2. DOI 10.18334/zhs.12.2.122885

Sternik S.G., Gareev I.F., Khuramshina A.Z., Pilipenko I.V. Interrelation of changes in the housing construction market and population depopulation in rural areas. Housing strategies. 2025. Vol. 12, No. 2. DOI 10.18334/zhs.12.2.122885. (In Russ.)

16. Суммарный коэффициент рождаемости (единица, значение показателя за год) // ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

The total fertility rate (unit, the value of the indicator for the year) // EMISS State Statistics. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>. (In Russ.)

16. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС Госу-

дарственная статистика. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293>.

Life expectancy at birth // EMISS State Statistics. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293>. (In Russ.)

Информация об авторах

Хурамшина Айгюль Зуфаровна, кан. соц.наук, доцент, и.о. руководителя Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. Author ID 468625; ORCID ID 0000-0002-8384-0616, E-mail: aigulsuf@mail.ru

Гневашева Вера Анатольевна, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. Author ID 298524; ORCID ID 0000-0002-3596-661X; E-mail: vera_cos@rambler.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, д.с.н., профессор, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. Author ID 6504179314; ORCID ID 0000-0003-4018-4628, E-mail: iouldouz@narod.ru

Талибова Фарида Тагировна, научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. Author ID 1110938; ORCID ID 0009-0009-0440-0187, E-mail: Far.galimova@yandex.ru

Information about authors

Khuramshina Aigul Zufarovna, PhD, Associate Professor, Acting Head of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Author ID 468625; ORCID ID 0000-0002-8384-0616, E-mail: aigulsuf@mail.ru

Vera Anatolyevna Gnevasheva, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Author ID 298524; ORCID ID 0000-0002-3596-661X, E-mail: vera_cos@rambler.ru

Khairullina Yulduz Rakibovna, PhD, Professor, Chief Researcher at the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Author ID 6504179314; ORCID ID 0000-0003-4018-4628, E-mail: iouldouz@narod.ru

Talibova Farida Tagirovna, Researcher at the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Author ID 1110938; ORCID ID 0009-0009-0440-0187, E-mail: Far.galimova@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.
Received 05.06.2025; Accepted 17.06.2025.

5.7.7 – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.63-72>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Проект идеологии как трансформация реальности и ложного сознания

Бабанова А.И.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Проблема идеологии сформировалась под влиянием государства как социально исторического феномена. Это не только один из вечных вопросов философии, но и актуальный современный аспект любого социального феномена. Окружающая действительность подвержена объективным трансформациям под прямым влиянием идеологических практик. На протяжении всей истории, правящие классы формируют идеологический проект развития общества, воздействуя на интересы большинства и распространяя свое влияние. Таким образом, сознание личности переживает трансформацию и интеграцию в единую картину мира общественной реальности.

Ключевой тезис нашего исследования заключается в том, что под воздействием проекта идеологии общественная действительность совершает диалектический переход от подлинного оригинала к порождению новой реальности, претендующей на место оригинала. Это не простая симуляция, так как новый продукт представляет собой результат практического взаимодействия субъектов идеологических отношений. Для подтверждения нашего тезиса потребуется провести анализ ключевых аспектов сущности идеологии, чтобы выявить основные факторы преобразования окружающего мира.

Данная проблема обретает большую актуальность ввиду широкого распространения индустрии продуктов массовой культуры под влиянием развития информационных и нейросетевых технологий. С помощью цифровых инструментов у человечества появилась возможность порождать оригинальные виртуальные реальности, которые в скором времени начнут претендовать на статус объективной действительности, и, впоследствии, воссоздавать новейшие формы идеологии.

Ключевые слова: идеология, симуляция, объективная действительность, трансформация реальности, общественное сознание, утопия, диалектика.

Для цитирования: Бабанова А.И. Проект идеологии как трансформация реальности и ложного сознания. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):63–72.

The project of ideology as a transformation of reality and false consciousness

Babanova A.I.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya str., Building 1, 420008, Kazan, Russian Federation*

Abstract. The problem of ideology is timeless, or rather, it is caused by the very fact of the existence of the state as a concrete historical phenomenon. This is not only one of the eternal questions of philosophy, but also an actual modern aspect of any social phenomenon. The surrounding reality is subject to objective changes under the direct influence of ideological practices. In turn, ideology is a product of spiritual production as a result of the activity of public consciousness. Getting acquainted with the events of the past from the history of social groups and peoples, we can observe how the social masses were captured by the ideas of the central elite and acted according to the will of the interests of the minority. Under the influence of ideology, the consciousness of the individual is undergoing a transformation in order to integrate social views into a unified picture of the world.

The key thesis of our research is that with the help of the ideology project, social reality can transform the transition from an objective original to the creation of a new reality claiming the place of the original. This is not a simple simulation, as the new product is the result of practical interaction between subjects of ideological relations. To confirm our thesis, it will be necessary to analyze the key aspects of the essence of ideology in order to understand the main reasons for the transformation of the surrounding world.

This problem is becoming more relevant due to the widespread spread of the industry of mass culture products under the influence of the development of information and neural network technologies. With the help of digital tools, humanity has the opportunity to generate original virtual realities, which will soon begin to claim the status of objective reality, and subsequently recreate new forms of ideology.

Keywords: ideology, simulation, objective reality, transformation of reality, public consciousness, utopia, dialectic.

For citation: Babanova A.I. The project of ideology as a transformation of reality and false consciousness. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2(69)):63–72 (In Russ.)

Введение

Первоначально, в определение феномена идеологии не закладывается негативное значение. В словаре по политологии мы обнаружим следующую дефиницию: идеология – это система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности [1]. С этим определением трудно не согласиться. Идеология выражает окружающую реальность через призму человеческого взгляда. Стоит

учитывать важный момент, что источником взгляда является человек, не обособленный от общества, член социальной группы. П.В. Алексеев пишет: «идеология – это выражение общественного бытия сквозь призму социально-групповых или классовых интересов» [2]. Идеология – это продукт совместных усилий человека и общества, выражение социального. Так как человеческий разум не способен формулировать логические законы в об-

ласти трансцендентного и выявлять объективные основания общественно-социальных отношений, реальный мир может быть представлен в различных репрезентациях и, вследствие этого, отличаться от подлинного оригинала. Идеология является продуктом человеческих заблуждений об окружающей действительности, а, значит, может представлять собой мистификацию и всеобщий обман. Таким образом, необходимо обозначить негативную проблематику идеологии. В силу многогранности феномена идеологии, за всю историю философии мир познакомился с огромным множеством определений, теорий и общественных практик. Важен анализ ключевых, на наш взгляд, опорных точек в истории развития философского феномена, которые отражают его глубокую диалектику и выражают позитивно-нейтральный и негативный аспекты. Мы остановим свое внимание на анализе следующих ключевых аспектов идеологии: власть и пропаганда общественных идей, способность к адаптации и обретению самобытности, фактор социальных преобразований, ложная интерпретация реальной действительности, всеобщий обман и спекуляция.

Представляется важным указать пограничные точки нашей проблематики, чтобы выразить зону нашего личного предметного интереса, дабы уйти от надуманной актуальности и пустой абстрактности. В проблематике идеологии нас интересует, прежде всего, социально-антропологический аспект – идеология как продукт сотрудничества людей. Идеология обладает определенной долей власти над людьми, так как идеологический проект призван выражать общественные интересы и желания большинства. Идеология является закономерным результатом на очередном этапе развития общественного сознания, а также полноценной репрезентацией желанной картины мира. С помощью каких составляющих

идеологическому проекту удастся захватить сознание человека? Подлинная власть кроется в идее или в том, кто породил идею?

Конечно, политический аспект в изучении подлинной сущности идеологии также объективно обусловлен. Есть смысл провести пунктирную линию между проблемами государственного строя и проблемами социального и оперировать политическими категориями, адаптируя их в пространствах социального, культурного, психологического и аксиологического. Важно приблизиться к интересам человека с целью выявления индивидуальных интересов личности, не зависящих от основных идей текущего общественного строя. Таким образом, мы приблизимся к истокам зарождения проекта идеологии. Мы убеждены, что личные сокровенные желания кроются в базисе любой идеологии.

При осмыслении идеологии неизбежно формируется представление о негативных аспектах. Мы склонны считать, что любой идеологический проект в силу своей природы и процесса формирования неизбежно обретает черты «кривого зеркала» общественной реальности. Идеология представляет собой симуляцию общественной жизни, в которой складываются элементы локальной самобытности. Нет необходимости углубляться в позитивно-нейтральные смыслы идеологии, потому что они очевидны. Гораздо большую важность приобретает исследование негативного влияния идеологического проекта на нынешнюю общественную реальность.

Результаты и обсуждения

От политической идеологии к всеобщему проекту. С самой древности люди пребывают в состоянии постоянного противостояния друг с другом. Если ранее вражда и конкуренция обуславливались вопросом выживания, то в нынешнее время вечное противо-

стояние является двигателем глобальных процессов экономики, политики и социальных сфер общества. Люди были вынуждены подчинять жизнь принципу вечной борьбы и конкуренции, потому что так сложился традиционный уклад, по-другому люди не умеют – это культурный код общественного сознания. Идеология возникает в качестве реакции на естественные взгляды и опасения людей по поводу качества их личной и общественной жизни. Идеологии будут существовать всегда и при любом благополучном социальном устройстве, ведь в человеческой жизнедеятельности всегда есть место природным, социальным и индивидуальным рискам. Как писал Л. И. Летагин, история идеологии не заканчивается глобальной борьбой между социализмом и буржуазией, и победой последней [3]. Действительно, идеология формируется в лоне политического как ответ на всеобщее недовольство граждан, призвана сплотить общественный строй и удержать государство от распада и гражданских войн. Политическая идеология возникает в то время, когда борьба за политическую власть становится общественным достоянием [4]. Первые идеологические проекты вооружили характерным политическим инструментарием для эффективной трансляции идей элитной верхушки общества. Но с развитием феномена идеологии в общественных практиках и формированием теоретического фундамента, исследователи стали находить признаки идеологичности во многих общественных сферах. Так, многие реформы социальной, экономической, культурной, духовной сфер жизни являются выражением ценностей социальной группы и реализуются с помощью идеологических средств – механизмов власти любого уровня, авторитета, стратегических действий и тактики, пропаганды.

Идеология обретает глобальные масштабы в качестве государственного

инструмента, то есть как политическая идеология, но она всегда имплицитно содержалась в любых известных формах социальности. Британский исследователь М. Фриден считает, что политический путь идеологии неизбежен по причине того, что феномен в своей сущности объективно содержит элемент власти [5]. Идеология в буквальном смысле подает идею Другому. В свою очередь, подать идею Другому – это форма влияния на Другого, что и означает власть. Носитель идеи всегда властнее и сильнее человека без собственного мнения. В данном случае, мы сошлемся к концепции Ф. В. Ницше о морали господина и раба: человек господской морали обладает собственной волею и способен здраво оценивать свои поступки и последствия своих действий без опоры на общественный опыт или устоявшуюся мораль добра и зла [6]. Волевой человек способен устанавливать границы идеологии. Психологический аспект идеологии отмечает и А.И. Демидов – политическая идеология, которая не учитывает национальные особенности психологического склада людей, не может эффективно функционировать в духовной сфере общества [7]. Власть над обществом не получится удержать лишь поддержкой классических ценностей. В любом этносе и даже социальной группе можно выявить самобытное мировоззрение, под влиянием которого формируется картина мира. В свою очередь, картина мира закладывает основания для формирования особой локальной идеологии – образа мышления типичного представителя группы. В этом смысле идеология становится частью культурного национального кода.

Современные тенденции общества формируются под знаменем информационного бума. Современный человек умещает в своей голове гораздо больше информации по различным сферам жизни, в отличие от своего предшественника еще век назад. Че-

ловеку наших дней предоставляются время и возможности иметь большое количество интересов и хобби. Так, глобальная идеологическая машина проникла в самые разные социальные группы, пропагандируя идеи через инструменты массовой культуры – СМИ, литература, искусство, популярная наука, кино и видеоигры. Более того, под влиянием идеологической пропаганды и мировой глобализации возник тренд на универсализацию человеческой жизнедеятельности. Любой продукт массовой культуры создается по определенным принципам и критериям, отражающим идеи большинства. В этом смысле гораздо легче подчинить себе толпу, лишив каждого индивидуальности. История боится великих личностей, так как они всегда разрушали привычную стабильность.

Диалектичная природа идеологии.

В истории социально-философского исследования феномена идеологии мы можем проследить становление двух противоположных концепций. С позитивно-нейтральной точки зрения, идеология представляется научным феноменом и в некоторых теориях рассматривается в качестве ключевого фактора социальных преобразований. Напротив, сторонники негативной концепции утверждают, что идеология – это спекулятивное и мистифицированное отражение окружающей действительности [8]. В подлинной сущности идеологии заложены глубокие противоречия. С одной стороны, идеология является прямой формой отражения политической действительности государства, а с другой стороны это ложное отражение общественного сознания, направленное на искажение подлинных ценностей локальной социальной группы и уничтожение смыслов человеческого существования. Вполне возможно, глобализация и социализация вредит идеологии. По природе своей это слишком локализованный феномен, чтобы пытаться мас-

штабировать его на все государство и мир в целом. Но как устойчивая система идей, ценностей и установок, идеология, скорее, является действенным инструментом всех этих процессов.

Родоначальниками негативной концепции идеологии являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Ключевая посылка – идеология является порождением ложного сознания, не имеющим ничего общего с реальной действительностью [9]. Здесь стоит отметить, что, будучи сторонниками материалистических взглядов на становление бытия, немецкие философы рассматривали идеологию, прежде всего, как один из идеалистических продуктов наряду с другими продуктами сознания, которые представляли собой результат искажения действительности и обманчивое миропонимание. То есть проблема не столько в спекулятивной специфике самой идеологии, сколько во всеобщей спекуляции идеалистических взглядов на окружающую действительность. «Всякая идеология имеет дело с мыслями как самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» [10]. В этом тезисе и заключается весь обман идеологии. Содержание сознания является результатом полученного жизненного опыта и влияния общественной деятельности. Материальное бытие всегда первично, и в нем нет места идеалистическим продуктам сознания. Любая идея, оторванная от реальной действительности, является продуктом умозрительной деятельности, а значит, может быть уязвимым ко всякого рода заблуждениям и иллюзиям. В этом можно обозначить негативный аспект идеологии.

Мы склонны не согласиться с этой позицией немецкого марксизма, поскольку есть не менее убедительные идеалистические аргументы в объяснении становления действительности. Общественное сознание как

качество реальности совместно с материальным существованием не призвано выражать действительность. Сознание является ценностным мировоззренческим репрезентантом материальной действительности, привнося в мир идею и ключевую цель развития. С опорой на данный тезис, нам представится, что хоть идеология и не противостоит развитию общества, но она может негативно влиять на индивидуальное сознание, замещая личные убеждения «универсальной картиной мира». В истории философии мы можем проследить развитие другой теории об идеологии. На основе трудов французских исследователей эпохи Просвещения и натуралистических взглядов Нового Времени, Дестют де Траси сформулировал следующий тезис: новая наука есть наука об идеях, иначе говоря, идеология. Она призвана дать людям ясное представление о правильных идеях, соответствующих подлинной природе человека и его естественным потребностям [11]. Так как это научная область, представление о правильности черпается из объективных фактов об окружающей действительности, подкрепленных доказательствами. Следовательно, мы можем сделать вывод, что идеология является продуктом закономерных общественных процессов и поэтому не может быть спекуляцией и обманом. Тем не менее, у нас есть сомнения по поводу признания объективности социальных человеческих ценностей. На протяжении всей истории философского опыта, пока не удалось привести явные научные доказательства объективного существования общечеловеческих ценностей, как и доказательства обратного. Мы хорошо знакомы с дихотомией добра и зла, законами морали и золотым правилом этики. Это знание настолько закрепилось в наших умах, что теперь является частью культурного кода всего человечества. Представление о человечности для нас

очевидно, но эта очевидность не может претендовать в строгом смысле на научную истину. Пока человечество не научилось выводить аксиомы из социального духовного знания, поэтому не совсем корректно возводить идеологию в ранг научной области. Мы не можем правильно возводить идеологию в ранг научной области. Мы не можем познать истинную сущность «правильной идеи». Человечество всегда будет формировать иллюзии по отношению к реальности, из чего складывается идеология. К. Мангейм писал, что идеология противостоит науке и является мистификацией, которая далека от научной методологии [12].

Идеология – это всегда отражение локальной действительности, которое не может претендовать на всеобщее мировоззрение. В данном случае, мировоззренческий характер идеологии представляется нам в виде репрезентации человеческих общественных ценностей, которая призвана стать главным видением мира индивида. Мы считаем, что К. Ясперс был прав, представляя идеологию в качестве системы идей или образов, на базе которых человек выстраивает свою индивидуальную систему ценностей и картину мира, не подозревая о самообмане и маскируя свои подлинные взгляды [13]. Несогласные со всеобщей идеологией могут быть обречены на вечную психологическую ловушку. Идеология является легитимизацией реальной агрессии против свободы человека [14].

Об утопии и симуляции реальности. Утопия представляет собой обратную сторону природы идеологии. На наш взгляд, эти два феномена имеют родственный источник происхождения. Оба феномена являются продуктом развития идеи как формы деятельности общественного сознания. С тем лишь различием, что идеология – это состоявшийся конечный проект и план действий, а утопия – это возможный/желаемый путь развития. Чтобы приблизиться к пониманию подлинной сущности идеологии, не-

обходимо проанализировать процесс формирования утопии. По нашему представлению, утопия является первым этапом в процессе развития идеи. Вначале идея укореняется в сознании как что-то осознанное, к чему человек желает стремиться. Это исключительно умозрительный этап. Далее идея преодолевает следующий этап развития – идеологию. Идеология в данном случае представляет собой умозрительный проект, подкрепленный практическим опытом (или реализация планируется в самое ближайшее время). Да, из этой логики следует, что утопия это не просто проект, имеющий возможность для реализации, но и принципиально реализуемый проект в ближайшем или далеком будущем. Еще К. Мангейм предлагал рассматривать утопию в новых смыслах – как проект, который может быть реализован в перспективе [15]. Как показывает историческая практика, многие вещи воплощаются в реальность спустя столетия. И это далеко не всегда результат целеустремленных усилий. Похоже на то, что человек не способен дать логический прогноз дальнейшим этапам развития общества, а всякие утопичные предсказания основываются на желаниях и фантазии человеческого сознания, нежели на объективных фактах. На протяжении 70 лет Советский Союз воплощал умозрительный идеальный проект в настоящую реальность и воплотил. И хоть партийной элите так и не удалось создать реальность коммунизма, но была реализована практика социализма – ступень развития на пути к коммунистическому идеалу, отдельные элементы которого по иронии истории были реализованы в рамках капиталистического строя. Даже существует позиция, согласной которой социализм является разновидностью государственного капитализма. Это хороший пример того, что не всякая утопия является только утопией, а нечто большим. Европейские народы навсегда за-

помнили тяжелые времена господства итальянского, испанского фашизма и нацистской Германии. Эти примеры совпадают с феноменом антиутопии как предполагаемого отрицательного пути становления государства и общества. Конечно, на пути реализации это были такие же утопичные проекты, главной целью которых являлось объединение народа и рождение новой нации. Увы, человечеству не всегда суждено представить, какое влияние окажет тот или иной проект на устройство общества. Ведь для кого-то это действительно желаемый проект развития.

Утопия в каком-то смысле также обманывает человека, но с той лишь разницей, что субъект принимает правила игры и свято верит в истинность иллюзорного. Напротив, идеология может навязать «искусственную картину мира» и человек в вечном стремлении к лучшей жизни, не сумеет распознать обман, потому что в случае с идеологией мы говорим о реальных общественных проектах, которые, в силу классовой природы, действительным образом приводят человека в зону интересов определенных классов и социальных групп. К. Мангейм пишет: «идеологии также могут служить мотивом деятельности, однако ложность их состоит в том, что они служат таковыми не в направлении предполагаемого содержания» [16]. Следовательно, мы можем поменять местами определения идеологии и утопии с целью подтвердить практическую нереализуемость содержания проекта идеологии. В данном случае утопия работает на содержание, а идеология на оформленность и всеобщий призыв. По словам К. Мангейма, утопия – это, прежде всего, свежий революционный проект, резко подрывающий застоявшуюся консервативную идеологию нынешнего государства [17]. Следовательно, утопия – это всегда история про принципиально новое, не имеющая исторических

предпосылок ранее (от того наиболее фантастическая).

Вывод

Индивидуальное сознание личности подвергается трансформации под влиянием общественной пропаганды. Главным инструментом влияния социальной элиты является идеология. Ирония ситуации заключается в том, что у носителей идеологии есть реальные возможности реализовать интересы большинства, но в действительности происходит постепенный, а в некоторых случаях активный, процесс преобразования или трансформации общественной жизни, в результате которого, большинство людей погружается в симуляцию желаемой реальности. Несовпадение цели и результата происходит по причине столкновения интересов. Подлинным катализатором идеологии, как выражения власти, является представитель локальной группы интересов, цели которого обычно поражают своей глобальностью. В данном случае, мы придерживаемся концепции Ф. Ницше – морали господина и раба. Так как идеология является антропологическим продуктом, носителем человеческих желаний и страхов, можно зафиксировать преумножение локальных интересов под внешним образом общественного проекта развития общества. Общественные массы, не обладающие средствами управления и властью, вынуждены (или желают) доверить свой выбор авторитетно-

му представителю власти. Идеология формируется в результате выражения народных ожиданий о будущем, но создателем, как правило, является не народ. Следовательно, люди попадают в ловушку своих интересов, даже не замечая этого. Так и происходит трансформация ложного сознания.

Заключение

Давайте вернемся к тому, с чего начинали наше исследование. Идеология – это система общественных взглядов на действительность. Проанализировав ключевые аспекты феномена, мы склонны конкретизировать данное определение, выделив главные признаки сущности идеологии. Идеология – это объективное выражение взгляда на действительность, а также передача взглядов другим субъектам общества. Идеология порождена человеком, это подлинный продукт духовного производства, но без наличия Другого этого феномена не существовало бы. Тем не менее, наличие второй стороны отношений тоже недостаточно. Идеология – это феномен, который проявляется неким действием. Это не просто система взглядов или мировоззрение, но и духовно общественная практика, которая оказывает объективное влияние, изменяя окружающую действительность. Действие идеологии не заканчивается на репрезентации действительности. Идеология порождает новую действительность со своим набором самобытных элементов.

Список литературы / References

1. Политология: энцикл. слов. – М.: Изд-во Моск. Коммерческого ун-та, 1993. С. 113–114.

Political Science: an encycl. words. – М.: Publishing house of Moscow. Commercial University, 1993. pp. 113–114. (In Russ.)

2. Алексеев, П.В. Социальная философия: учеб. Пособие / П.В. Алексеев. – М.: ТК Велби, 2003. С. 98.

Alekseev, P.V. Social philosophy: textbook. Manual / P.V. Alekseev. Moscow: TK Velbi, 2003. p. 98. (In Russ.)

3. Летагин Л.И. Философия идеологии: моногр. / Л.И. Летагин ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014; С. 6.

Letyagin L.I. Philosophy of ideology: monogr. / L.I. Letyagin ; Ural State Pedagogical University. – Yekaterinburg, 2014; pp. 6. (In Russ.)

4. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции / А.И. Соловьев // Полис. 2001. №2 С. 12– 13.
Solovyov A.I. Political ideology: the logic of historical evolution / A.I. Solovyov // Polis. 2001, No. 2 pp. 12-13. (In Russ.)
5. Freeden M. / The New Liberalism: An Ideology of Social Reform / M. Freeden. – Oxford : Clarendon Pr., 1978.
6. Ницше Ф.В. Генеалогия морали / Фридрих Ницше; пер. с нем. В.А. Вейнштока; – СПб.: Азбука-Аттикус, 2023.
Nietzsche F.V. The Genealogy of morality / Friedrich Nietzsche; transl. from German by V.A. Weinstock; St. Petersburg: ABC-Atticus, 2023. (In Russ.)
7. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания / А.И. Демидов. – М.: Норма, 2001. С. 210 – 212.
Demidov A.I. The doctrine of politics: philosophical foundations / A.I. Demidov. Moscow: Norma, 2001. pp. 210-212. (In Russ.)
8. Летягин Л.И. Философия идеологии: моногр. / Л.И. Летягин; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014 – С. 9.
Letyagin L.I. Philosophy of Ideology: monogr. / L.I. Letyagin; Ural State Pedagogical University. – Yekaterinburg, 2014– p. 9. (In Russ.)
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс; – М.: Политиздат, 1988. – XVI, 574 с.
Marx K., Engels F. German ideology / K. Marx, F. Engels; Moscow: Politizdat, 1988. XVI, 574 p. (In Russ.)
10. Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т.1. С. 118.
K. Marx, F. Engels. Collected works / K. Marx, F. Engels. 2nd ed. Vol. 1. – p. 118. (In Russ.)
11. Кротов А.А. “Идеология” как система: Дестют де Траси // Вестник Московского университета, сер. 7. Философия, 2020. №3. С. 41 – 43.
Krotov A.A. “Ideology” as a system: Destute de Tracy // Bulletin of the Moscow University, ser. 7. Philosophy, 2020, No. 3, pp. 41-43. (In Russ.)
12. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм, – М.: Прогресс, 1991. – С. 113–116.
Mannheim K. Ideology and utopia / K. Mannheim, Moscow: Progress, 1991. pp. 113-116. (In Russ.)
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: ИПЛ, 1991. – С. 146 – 148.
Jaspers K. The meaning and purpose of history / K. Jaspers. – Moscow: IPL, 1991. – pp. 146-148. (In Russ.)
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: ИПЛ, 1991. – С. 148.
Jaspers K. The meaning and purpose of history / K. Jaspers. – Moscow: IPL, 1991. – p. 148. (In Russ.)
15. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм, – М.: Прогресс, 1991. – С. 122–123.
Mannheim K. Ideology and utopia / K. Mannheim, Moscow: Progress, 1991. pp. 122-123. (In Russ.)
16. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм, – М.: Прогресс, 1991. – С. 115.
Mannheim K. Ideology and Utopia / K. Mannheim, Moscow: Progress, 1991, p. 115. (In Russ.)
17. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм, – М.: Прогресс, 1991. – С. 113.
Mannheim K. Ideology and Utopia / K. Mannheim, Moscow: Progress, 1991, p. 113. (In Russ.)

Информация об авторе

Бабанова Анжелика Игоревна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. Author ID; ORCID ID , e-mail: angel290899@gmail.com

Information about author

Babanova Anzhelika Igorevna, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. Author ID; ORCID ID, e-mail: angel290899@gmail.com

Поступила в редакцию 20.02.2025; принята к публикации 19.06.2025.
Received 20.02.2025; Accepted 19.06.2025.

5.7.7. – Социальная и политическая философия (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.73-80>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Патерналистская модель помощи:
проблемы и перспективы
(социально-философский анализ)**

Васюков Р.В.

*Российский государственный социальный университет,
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу патерналистской модели помощи в контексте современных культурных, технологических и этических трансформаций. Исследуется противоречия классического патернализма, основанного на иерархии «субъект–объект», и альтернативные ему подходы, ориентированные на формирование совместной агентности участников. С использованием междисциплинарной методологии (постструктурализм, теория интра–действия К. Барад, акторно–сетевая теория Б. Латура) раскрывается роль технологий в возрождении патерналистских практик. Особое внимание уделяется проблеме эпистемической несправедливости, дегуманизации социального и медицинского видов взаимодействия, а также феномену самопомощи. Делается вывод о необходимости синтеза технологического прогресса с этикой взаимности и горизонтальной солидарности для сохранения гуманистического измерения помощи.

Ключевые слова: патернализм, помощь, эпистемическая несправедливость, агентность, медицинская антропология, искусственный интеллект, интра–действие, shared decision–making, горизонтальная солидарность.

Для цитирования: Васюков Р.В. Патерналистская модель помощи: проблемы и перспективы (социально–философский анализ). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):73–80.

**The Paternalistic Model of Assistance:
Problems and Prospects
(A Socio-Philosophical Analysis)**

Vasyukov R.V.

Russian State Social University, Moscow, 129226, Russia

Abstract. The article critically examines the paternalistic model of assistance in the context of modern cultural, technological, and ethical transformations. The author explores the contradictions of classical paternalism, based on the "subject–object" hierarchy, and alternative approaches emphasizing joint

agency. Using an interdisciplinary methodology (poststructuralism, Karen Barad's intra-action theory, Bruno Latour's actor-network theory), the study reveals the role of technologies, such as AI diagnostics, in reviving paternalistic practices. Special attention is paid to epistemic injustice, dehumanization of medical interactions, and resistance through self-help. The conclusion highlights the need to integrate technological progress with an ethics of reciprocity and horizontal solidarity to preserve the humanistic dimension of care.

Keywords: paternalism, assistance, epistemic injustice, agency, medical anthropology, artificial intelligence, intra-action, shared decision-making, horizontal solidarity.

For citation: Vasyukov R.V. The Paternalistic Model of Assistance: Problems and Prospects (A Socio-Philosophical Analysis). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2 (69)):73–80. (In Russ.)

Введение

Феномен помощи в науке и философии исторически рассматривался преимущественно имплицитно, через призму вопросов благотворительности, милосердия, дружбы, любви, блага, справедливости, власти, свободы и т.д. С XIX–XX вв. изучение этого феномена приобретает новое измерение благодаря развитию естественных наук, прежде всего биологии, чьи достижения обогатили существующий дискурс натуралистическими смыслами.

Сегодня возникает парадоксальная ситуация, при которой помощь отчасти сохраняет сакральный статус, неся глубокие культурные и религиозные смыслы. Однако эпоха модерна добавляет к ним естественно-научные и политические смыслы, что побуждает трактовать помощь и как социобиологически обусловленное действие, и как акт социального и культурного обмена, и как социально-политический инструмент преобразования социальной действительности.

Кроме того, в современных условиях, на фоне цифровой революции и пересмотра традиционных этических парадигм, сама суть помощи как явления оказывается под сомнением. Современные дискуссии о помощи давно переросли узкопрофессиональные рамки, затрагивая фундаментальные проблемы человеческого достоинства, автономии и коллективной ответ-

ственности. С одной стороны, технологический прогресс обещает преодолеть ограничения в оказании помощи. С другой стороны, он несёт угрозу новых форм отчуждения, создавая риск формирования реальности, в которой человеческое измерение будет вытеснено алгоритмами и автоматизированными системами.

В статье ставится целью исследовать патерналистскую модель помощи и её перспективы сквозь призму трансформации культурных, технологических и этических ландшафтов.

Методы

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, основанный на трех ключевых компонентах:

- Использование концептов постструктуралистской философии (Мишель Фуко, Эммануэль Левинас) для критики патерналистских моделей и раскрытия динамики власти в отношениях помощи.
- Применение теории «интра-действия» Карен Барад и акторно-сетевого подхода (Бруно Латур) для изучения роли нечеловеческих акторов (технологий, алгоритмов) в формировании практик оказания помощи.
- Опора на концепции «эпистемической несправедливости» (Миранда Фрикер) и «множественных онтологий» (Аннемари Мол) для исследования агентности пациента и переосмысле-

ния границ между субъектом и объектом помощи.

Результаты и обсуждения

Феномен помощи традиционно рассматривался как определенное деятельностное вмешательство человека в естественный ход событий, направленное на достижение блага, превосходящего результат невмешательства. Однако современные исследования демонстрируют, что помощь – это не просто вторжение в «естественное», нарушение «естественного», но и сложный социальный акт, требующий рефлексии над возникающими в связи с ним политическими, социальными, культурными и этическими смыслами.

Под влиянием философских концепций XX века акцент сместился в сторону понимания помощи как формы совместной агентности, при которой ее носители координируют усилия для преодоления общих ограничений.

В противовес этому классический патерналистский подход, долгое время остававшийся доминирующим и сохраняющий актуальность во многих сферах человеческого взаимодействия, предполагает жёсткое разделение ролей на активный субъект и пассивный объект помощи, акцентируя внимание на различии позиций участников отношений. Для **субъекта** ключевыми характеристиками выступают:

- Наличие социально, политически, экономически, профессионально или морально значимой задачи;
- Наличие условий для её решения, включая ресурсы, компетенции и институциональные возможности;
- Осознание необходимости содействия, сопряжённого с осознанным выбором вектора приложения сил и компетенций;
- Готовность к действию – переход от абстрактной мотивации к конкретным практикам, от замысла к воплощению.

Объект помощи, в свою очередь, определяется:

- Индивидуальной проблемой, требующей внешнего вмешательства, что коррелирует с концепцией «уязвимости» как антропологической константы (в интерпретации школы философской антропологии);
- Дефицитом условий, ресурсов и компетенций для самостоятельного преодоления кризиса;
- Осознанием потребности в помощи, что сопряжено с феноменом признания ограниченности собственных возможностей;
- Готовностью принимать поддержку – аспектом, имплицитно затрагивающим вопросы власти и автономии субъектов взаимодействия.

Различие данных параметров не столько противопоставляет субъект и объект, сколько раскрывает их онтологическую взаимодополняемость, при которой помощь становится актом совместного преобразования социальной действительности.

Стоит подчеркнуть, что патернализм как концепция опирается на базовое разделение ролей: помощь всегда иницируется активным субъектом, материально и социально детерминированным, что эмпирически проявляется в асимметрии ресурсов, статусов и агентности в сравнении с объектом.

Патерналистская модель помощи фокусируется на главенствующей роли субъекта, его мотивах и профессиональных стандартах. Она основана на бинарном разделении, предполагает наличие экспертной стороны и подчиняющегося ей пациента (клиента). Ее актуальность во многом обусловлена успехами естественных и технических наук в XIX–XX веков, особенно в медицине. Достижения, такие как разработка антибиотиков или методы визуализации внутренних органов и много другое, не только улучшили средства помощи, но и утвердили позитивистскую веру в универсальность научно-

го метода. Как отмечали мыслители франкфуртской школы [1, с. 72–75], инструментальная рациональность, доминирующая в естественных и технических науках, переносится на социальные практики, что в свою очередь, превращает помощь в управляемый процесс с четкими границами между действующей стороной и стороной, претерпевающей на себе действие.

Последующая философия подвергает эту модель критике, указывая на риски обесценивания агентности объекта. Происходит поиск баланса между направляющим вмешательством и сохранением выбора, а персоналистская этика смещает акцент на диалог, взаимность и эмоциональную вовлеченность. Пандемия COVID–19, к примеру, стала катализатором переосмысления помощи как «горизонтальной солидарности», что противостоит иерархизму, который присущ патерналистской модели.

Кроме того, современные исследования подчеркивают возрастающую агентность «нечеловеческих акторов» (например, технологий), которые определяют формы и содержание человеческих взаимодействий. *«...теперь быть «актером» – это полностью искусственная и полностью прослеживаемая сборка.»* [2, с. 291] – пишет основоположник акторно–сетевой теории Б. Латур.

Однако критика патернализма интенсифицировалась в связи с осознанием того, что «объект» помощи – не пассивный реципиент, а динамический субъект, способный влиять на процесс. Философия Другого Эммануэля Левинаса акцентировала внимание на том, что Другой трансцендентен и не может быть сведён к объекту манипуляций. *«Другой, поскольку он другой, – не просто alter ego; он есть то, что я не есмь. И он таков не в силу своего характера, облика или психологии, но в силу самого своего бытия другим. Он, скажем, слаб и беден, «унижен и оскорблен», а я вот богат*

и силен. Можно сказать, что межсубъектное пространство несимметрично. Внешность бытия другого возникла не просто благодаря пространству, разделившему понятийно–тождественное; она и не понятийное различие, проявляющееся будто бы в пространственной внешности. Отношение «дружости» – не пространственное и не понятийное. Дюркгейм ошибается в понимании особенности другого, когда спрашивает, почему объектом добродетельного поступка должен быть прежде всего другой, а не я сам. Как будто не ясно, что разница между любовью к ближнему и правосудием в этом – то и заключается: любовь к ближнему предполагает предпочтение себе другого, а с точки зрения справедливости, никакого предпочтения быть не может.» [3, с. 90–91]

В медицинском контексте это выразилось в постепенном переходе от патерналистской модели к практике *shared decision–making*, в которой пациент выступает равноправным агентом в процессе оказания помощи. Современные исследования, в частности исследования А. Мол, демонстрируют, что болезни и пациенты существуют в рамках «множественных онтологий», что придаёт фигуре «объекта» помощи онтологически нестабильный статус [4, с. 36–40].

Выводы

Некоторые современные тенденции вновь актуализируют патерналистскую модель взаимодействия в медицине. Безусловно, принципы диалога и партнёрства остаются идеалом, но возникает вопрос – насколько они достижимы в условиях технологической революции здравоохранения и социальной сферы?

Развитие систем ИИ для диагностики, в этическом плане как будто возвращает нас к архаичным моделям помощи. Повышая точность диагнозов, методов лечения и реабилитации, алгоритмы одновременно делают менее

прозрачным сам процесс принятия решений. В перспективе медицинские решения могут достичь такой сложности, что получение «вердикта» от искусственного интеллекта может начать восприниматься как передача сакрального знания – подобно тому, как в древности жрецы интерпретировали волю богов, а остальные пассивно ожидали их решений. В этой логике врач рискует превратиться в своего рода оракула – посредника между непрозрачным ИИ и пациентом.

Особую остроту приобретает проблема информированного согласия. Высокотехнологичный медицинский дискурс, оперирующий сложнейшими алгоритмами и специализированной терминологией, невольно конструирует образ пациента как пассивного носителя патологии, а не полноценного участника процесса. Исследования последних лет демонстрируют, что даже при искреннем желании медики зачастую не способны донести до пациента всю сложность рисков и прогнозов. Это закономерно приводит к ситуации, когда окончательное решение де-факто остаётся за специалистом, возвращая нас к обновлённой версии медицинского патернализма. В ситуациях, когда выбор принципиально отсутствует – например, при оказании экстренной медицинской помощи – этические противоречия патерналистской модели проявляются особенно ярко. Примечательно, что в рамках этой системы зачастую скрывается феномен символического насилия, маскирующегося под заботу о благо пациента. Решения, навязанные «сверху» и преподносимые как единственно верные, нередко подавляют автономию тех, кого они затрагивают.

Сведение человека к роли пассивного «получателя помощи» в логике патернализма игнорирует его фундаментальное право на самоопределение. На практике это выражается в подмене личных ценностей и потреб-

ностей пациента профессиональными суждениями специалистов. Даже процедура информированного согласия зачастую становится ритуалом, мнение клиента формально выслушивается, но реальное решение, по сути, осуществляет специалист. Это перекликается с идеей «эпистемической несправедливости» Миранды Фрикер [5]. С.Ю. Шевченко в статье *«Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза»* подробно исследует различные формы «эпистемической несправедливости», проявляющиеся в процессах экспертизы: *«замалчивание и дериватизация другого (свидетельствование от его лица) представляют собой хотя и не взаимоисключающие, но разные формы эпистемической несправедливости, которые проявляются на различной «глубине» конфликтов, связанных с экспертизой.»* [6, с. 29]

Характерным примером может служить ситуация с хирургическим вмешательством. Аргументация о необходимости превращения пациента в «нейтральный объект» во время процедуры нуждается в критическом переосмыслении. Даже если технические манипуляции предполагают временное ограничение активности, это всё же не отменяет его роли как активного соучастника процесса. Как показала А. Мол в работе *«Множественное тело: Онтология в медицинской практике»*, медицинские практики формируются во взаимодействии врача, пациента, технологий и даже диагнозов – все эти элементы совместно конструируют клиническую реальность. Более того, подготовительные и реабилитационные этапы немыслимы без осознанного участия больного, что окончательно опровергает миф о пассивной роли пациента [7, с. 88–90].

Традиционный патерналистский подход не всегда в полной мере учитывает взаимный характер медицинского взаимодействия. Как отмечает фило-

соф Карен Барад в теории «интра-действия», ответственность в системе отношений формируется совместными усилиями всех участников [8]. Даже в ситуациях, когда пациент проявляет сопротивление – будь то осознанное решение или телесная реакция, – это закономерно влияет на профессиональную позицию врача, способствуя пересмотру его установок. Примером такого диалогического подхода может служить практика Open Dialogue в психиатрии, при котором терапевтический процесс строится на совместном обсуждении с пациентом, его близкими и специалистами.

Стоит отметить, что чрезмерный акцент на патерналистской модели может сужать возможности для самоактивации, самопомощи, заботы о себе, предполагая преимущественно пассивную позицию пациента (клиента). Философская рефлексия феномена заботы о себе представлена в работе Мишеля Фуко «Герменевтика субъекта», в ней забота о себе (*epimeleia heautou*) рассматривается не только как этический императив, но и как важный элемент становления субъектности в целом [9, с. 14]. Современные тенденции, такие как движение *peer support* в сфере ментального здоровья, в котором люди с опытом кризисов взаимно поддерживают друг друга, демонстрируют возможность сочетания профессиональной помощи с горизонтальными формами взаимодействия и самоорганизации.

Философ Иэн Джеймс расширяет это понимание, интерпретируя самопомощь не только как личную практику, но и как способ восстановления агентности в диалоге с экспертными системами [10]. В этом контексте самостоятельная забота о себе приобретает особое значение – аспект, который в традиционных моделях помощи иногда остаётся на периферии внимания. Современные подходы стремятся найти баланс между профессиональным

руководством и признанием ценности личной инициативы пациента.

Заключение

Современное понимание феномена помощи складывается в диалоге между традиционным патернализмом и моделями совместного участия. Классический патерналистский подход, сформировавшийся в эпоху доминирования инструментальной рациональности, устанавливает жёсткое разграничение ролей: активный субъект и принимающий помощь объект. Однако философские и социальные трансформации последних десятилетий предлагают иную оптику – помощь всё чаще интерпретируется не как одностороннее воздействие, а как процесс со-творчества, в котором границы между участниками обретают подвижность. Как демонстрируют исследования Аннемари Мол, Карен Барад и Мишеля Фуко, даже в высокотехнологичных медицинских практиках пациент сохраняет статус активного субъекта. Его выбор, реакции, вопросы или молчание не просто учитываются, но и конституируют саму структуру взаимодействия, обнажая взаимозависимость всех сторон.

Технологический прогресс, при всей своей позитивной роли, создаёт предпосылки для возвращения патернализма в обновлённых форматах. В перспективе врач, выступая интерпретатором данных искусственного интеллекта, рискует стать посредником между пациентом и технологическим «чёрным ящиком», что может усилить пассивную позицию «получателя» помощи. Это актуализирует вопрос: как сохранить пространство для диалога и личной агентности, когда решения всё чаще будут опираться на непрозрачные алгоритмы? Ответ, возможно, кроется в поиске компромисса между адептами технократизма и теми, для кого человеческая свобода всё ещё остаётся принципиальной ценностью.

Отдельного внимания заслуживает возрастающая роль самопомощи и peer support-практик. Эти инициативы, вопреки стереотипам, не противостоят профессиональной помощи, а дополняют её, создавая альтернативные каналы поддержки. Патерналистский подход, сосредоточенный на экспертной монополии, зачастую упускает из виду, что даже в условиях уязвимости человек сохраняет способность к самоорганизации и осмысленному выбору. Горизонтальные сети взаимопомощи – будь то психологические группы поддержки или медицинские онлайн-сообщества – демонстрируют, что со-

лидарность может быть сопоставима по эффективности с иерархическими моделями.

Таким образом, эволюция помощи связана не с отрицанием прошлого, а с поиском баланса. Речь идёт о переходе от бинарных оппозиций («эксперт – пациент», «технологии – человечность») к гибридным моделям, в которых патернализм эволюционирует в сопровождение, а совместная агентность закрепляется как норма, что требует пересмотра не только профессиональных протоколов, но и определенных культурных трансформаций.

Список литературы / References

1. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. – 224 с.

Horkheimer M. Eclipse of Reason: Critique of Instrumental Reason. – Moscow: Canon+ ROOI Rehabilitation, 2011. – 224 p. (In Russ.)

2. Латур Б. Пересборка социально-го: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory [Text] / Transl. from English by I. Polonskaya; Ed. by S. Gavrilenko. – Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2014. – 384 p. (In Russ.)

3. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А. В. Парибок. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.

Levinas E. Time and the Other: Humanism of the Other / Transl. from French by A. V. Paribok. – St. Petersburg: Higher Religious-Philosophical School, 1998. – 265 p. (In Russ.)

4. Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 254 с.

Mol A. The Multiple Body: Ontology in Medical Practice / Transl. from English by Cube of Pink group (MSU); Sci. eds. A. Pisarev, S. Gavrilenko. – Perm: Gile Press, 2017. – 254 p. (In Russ.)

5. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 198 p.

6. Шевченко С. Ю. Презирать и под-сказывать: эпистемическая несправед-ливость и контр-экспертиза // Эписте-мология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 20–32.

Shevchenko S. Yu. To Despise and Prompt: Epistemic Injustice and Counter-Expertise // Epistemology and Philosophy of Science. 2020. Vol. 57, No. 2. Pp. 20–32. (In Russ.)

7. Мол А. Множественное тело: Он-тология в медицинской практике / пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 254 с.

Mol A. The Multiple Body: Ontology in Medical Practice / Transl. from English by Cube of Pink group (MSU); Sci. eds. A. Pisarev, S. Gavrilenko. – Perm: Gile Press, 2017. – 254 p. (In Russ.)

8. Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практи-ки обретают значимость / Пер. с англ. И. Штейнер // Опыты нечеловеческо-го гостеприимства: Антология / Ред. М.

Крамар, К. Саркисов. – М.: V–A–C press, 2018. – С. 42–121.

Barad K. Agential Realism: How Material–Discursive Practices Acquire Significance / Transl. from English by I. Shtainer // Experiments in Inhuman Hospitality: An Anthology / Eds. M. Kramar, K. Sarkisov. – Moscow: V–A–C press, 2018. – Pp. 42–121. (In Russ.)

9. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер.

с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

Foucault M. The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982 / Transl. from French by A. G. Pogonyailo. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – 677 p. (In Russ.)

10. James I. The Technique of Thought: Nancy, Laruelle, Malabou, and Stiegler after Naturalism. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2019. – 232 p.

Информация об авторе

Васюков Ростислав Викторович, кан. филос.наук, доцент, Российский государственный социальный университет, кафедра современных аксиологических проблем и религиозной мысли. Author ID 780566; ORCID ID 0009-0006-1904-1875, e-mail: rostislawww@mail.ru

Information about author

Rostislav Viktorovich Vasyukov, PhD, Associate Professor, Russian State Social University, Department of Contemporary Axiological Issues and Religious Thought, Author ID 780566; ORCID ID 0009-0006-1904-1875, e-mail: rostislawww@mail.ru

Поступила в редакцию 09.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.
Received 09.05.2025; Accepted 02.06.2025

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.81-87>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Философия медицинской коммуникации: теоретические основания

Марданова А.Д.,

Муртазин С.Р.

*ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Медицинский Университет»
Минздрава России, г. Казань*

Аннотация. Статья посвящена исследованию философского основания медицинской коммуникации, анализируются ключевые понятия, этические дилеммы, методологические подходы. Рассматриваются различные философские перспективы, влияющие на понимание взаимодействия врача и пациента в процессе оказания медицинской помощи. Анализ методологических подходов позволяют разработать рекомендации для повышения эффективности медицинской коммуникации, и доверия при взаимодействии между врачом и пациентом, что создает условия качественному и эффективному оказанию медицинской помощи, достижению положительных результатов лечения и как следствие повышение качества жизни пациентов.

Ключевые слова: Медицинская коммуникация, философия медицины, модель коммуникации в медицинской сфере, диалогика, гуманистический подход, этика, феноменология, герменевтический подход, эпистемологический подход, экзистенциальный подход.

Для цитирования: Марданова А.Д., Муртазин С.Р. Философия медицинской коммуникации: теоретические основания. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):81-87.

Philosophy of medical communication: theoretical foundations

Mardanova A.D.,

Murtazin S.R.

*Kazan State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Kazan*

Abstract. The article is devoted to the study of the philosophical basis of medical communication, key concepts, ethical dilemmas, and methodological approaches are analyzed. Different philosophical perspectives influencing the understanding of doctor-patient interaction in the process of medical care are considered. The analysis of methodological approaches allows to develop recommendations for improving the effectiveness of medical communication

and trust in the interaction between doctor and patient, which creates the conditions for quality and effective provision of medical care, achieving positive results of treatment and as a consequence improving the quality of life of patients.

Keywords: Medical communication, philosophy of medicine, medical communication model, dialogic, humanistic approach, ethics, phenomenology, hermeneutic approach, epistemological approach, existential approach.

For citation: Mardanova A.D. Murtazin S.R. Philosophy of medical communication: theoretical foundations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2 (69)):81–87. (In Russ.)

Введение

В медицинской сфере навыки общения имеют особое значение. Коммуникация является одним из главных аспектов взаимодействия между пациентами и врачами, что позволяет получать полную и достоверную информацию о своем здоровье, что создает предпосылки доверия специалисту.

Под взаимодействием в области медицинской коммуникации понимается процесс обмена информацией между медицинскими работниками и гражданами, получающими медицинскую помощь, где коммуникация не исчерпывается простым обменом сведениями, а предполагает принятие решений и формирование определен-

ного типа отношений, которые в своей основе строятся на доверии. Трудно преувеличить значимость эффективной коммуникации между врачами и пациентами, так как коммуникация в значительной мере определяет результативность лечения.

Актуальность

Итак, в значимости коммуникации сомневаться не приходится. Однако, степень исследованности вопроса далека от завершенности в настоящее время. Особенно это касается философской стороны вопроса. Философия утверждает, что данная область взаимодействия не может быть отделена от концепции гуманизма. Ее

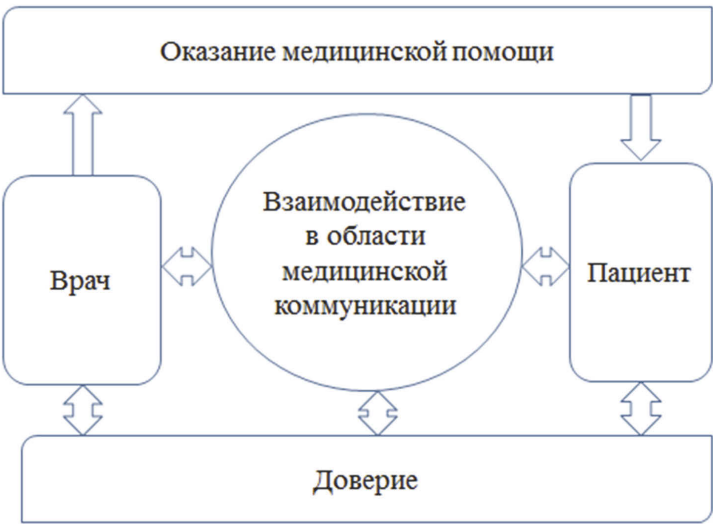

Рисунок 1. Взаимодействия в области медицинской коммуникации

Рисунок 2. При медицинской коммуникации необходимо учитывать

также не представляется возможным рассматривать в отрыве от этических установок и антропологических закономерностей. Следовательно, исследование данного вопроса представляет ценность с точки зрения медицинской практики. Уточнение существенных сторон данного вопроса предполагает повышение результативности общения между медиками и больными. Это, в свою очередь, ведет к повышению качества жизни [1, с. 10].

Методы и модели

Исследователь М. Бахтин формировал модель коммуникации в медицинской сфере, которая получила название диалогической. С точки зрения исследователя, общение представляет собой деятельность, в которой принимают участие две стороны. При этом М. Бахтин подчеркивает, что права у данных участников равные. На основании равноправия участников взаимодействия возникает диалог. Беседа основывается на том, что врач уважает права и потребности пациента, и пациент стремится понять по-

зицию врача, прислушивается к его значимым позициям. Представляется существенным, что внимание врача должно быть сосредоточено как на соматическом, так и на психологическом статусе пациента. Необходимо принимать во внимание особенности культурного контекста в общении с пациентом. Учет указанных позиций дает основания для формирования верного общения, следовательно, обосновывает результативность лечения. Диалог выстраивается в зависимости от позиций сторон, на основе равенства прав, при этом, роли имеют отличия, они не идентичны с функциональной стороны вопроса. В общении между врачом и пациентом позиция медика состоит в том, что он добывает и передает актуальные знания в медицинской сфере. Что касается пациента, то он сообщает сведения о собственном состоянии, которое является уникальным. Такой подход предполагает разработку индивидуального подхода во взаимодействии, и рассмотрении врачом пациента как уникальную личность.

Чтобы коммуникация отвечала требованиям врачебной этики и медицинской деонтологии, врачу следует придерживаться определенных правил. Кроме этого, у него должны быть сформированы определенные знания, умения и навыки. В частности, врач должен уметь внимательно слушать, и деликатно, чутко, точно и адекватно реагировать на сигналы больного. Такой подход в значительной мере предопределяет результативность лечебного процесса.

Отталкиваясь от позиции гуманизма в данном вопросе, врач должен воспринимать пациента как уникальную личность. Восприятие пациента как объекта лечебного воздействия, и только, недостаточно. Человек, его здоровье и жизнь представляет безусловную ценность. При коммуникации следует формировать атмосферу доверия. Рассмотрим, каким образом отражается гуманистический подход в ходе медицинской коммуникации. В первую очередь, нужно отметить, что врач проявляет уважительное отношение к автономии пациента. Кроме этого, врач не выражает сомнения в том, что у пациента есть права, признает данные права, и уважает их. У пациента имеются права на то, чтобы быть осведомленным о процессе лечения, особенностях терапевтического воздействия. Врачу надлежит проявлять эмпатию. Это фундаментальное свойство медика.

Внимания также заслуживает феноменологический подход, который разрабатывался такими видными исследователями, как Мартин Хайдеггер и Эдмунд Гуссерль. Основываясь на этом подходе, можно утверждать, что опыт создает фундамент для познания. В частности, касающейся медицинской коммуникации, фокус внимания сосредотачивается на субъективности опыта, как врача, так и пациента. Стороны коммуникации опираются на собственные представления и на собственный опыт

во взаимодействии. Данный аспект следует непременно принимать во внимание. С позиции феноменологии, существенной является интенциональность, которая, в свою очередь, предполагает, что на объект направлен фокус сознания. Говоря о медицинской сфере, нужно подчеркнуть, что речь идет о восприятии состояния пациента и врача. Не будучи свободными от субъективности, врач и пациент должны принимать это во внимание, и учитывать субъективность как таковую в своих умопостроениях, при этом необходимо помнить об ответственности сторон.

Герменевтическая концепция разрабатывалась такими исследователями, как Фридрих Шлейермахер и Ханс-Георг Гадамер. В рамках данного подхода внимание уделялось трактовкам символов. Применительно к медицинской практике, герменевтика открывает определенные возможности понимания значимости употребления медицинской терминологии, и характерных черт ее восприятия. [2, с. 14]. Следует помнить о том, что одни и те же термины могут восприниматься участниками взаимодействия неодинаковым образом. Понимая такое положение вещей, следует формировать достаточное понимание определений для обеих сторон. Наиболее существенным аспектом герменевтики выступает подход к понимаю предвзятостей. Они, в свою очередь, в определенной мере формируют восприятие сведений, при этом и для врача, и для пациента характерны ожидания, а также мировоззренческие установки. Они влияют на то, как воспринимаются передаваемые в процессе общения сведения. Герменевтика позволяет также понимать влияние предвзятостей, что в свою очередь создает возможность снижения или же снятия противоречий [3, с. 84].

В медицинской коммуникации могут быть выделены также и эпистемо-

логические аспекты. В частности, речь идет о том, что у врача имеются определенные знания о том, что подлежит терапевтическому воздействию. В это же время пациент обладает своими представлениями и опытом, а также ценностями. Для результативного взаимодействия важно, чтобы врач обладал знаниями, умениями и навыками в общении, это предопределяет результативность коммуникации, и эффективность лечебного процесса. Практическая позиция эпистемиологии в отношении медицинской коммуникации в том, что сведения, которые предлагаются пациенту, следует передавать в удобопонятной для пациента форме. Следовательно, чтобы знания были переданы соответствующим образом, и верным образом восприняты, врачу надлежит озаботиться вопросом адаптации своих знаний под уровень восприятия пациента. В противном случае, взаимопонимание будет недостаточным. Данное требование соответствует тому, что в рамках современных исследований по эпистемологии обозначается как «эпистемическая справедливость» [4].

Этический фундамент общения в медицинской сфере состоит в следо-

вании нормам морали, что неразрывно связано с понятием ответственности. Рассмотрим наиболее выраженные аспекты этической философии. В настоящее время признается автономия пациента. Это означает, что у пациента имеется право на то, чтобы самостоятельно принимать решения, имеющие значение для его состояния. Врачу надлежит следовать принципу благодеяния. То есть, деятельность врача направлена на благо пациента. Врач не должен причинять вред, каким бы то ни было образом. Принцип справедливости, как этической, так и эпистемической, гласит, что отношение к пациентам должно быть основано на идее их равенства и равноценности. С позиции этики наибольшее значение имеют закрытость сведений и доверие.

Результаты и обсуждения

Данные аспекты представляются чрезвычайно важными с точки зрения медицинской коммуникации. Причём доверие может рассматриваться не только как элемент этической, но также и эпистемологической стороны работы врача: доверие играет значительную роль в познавательной деятельности

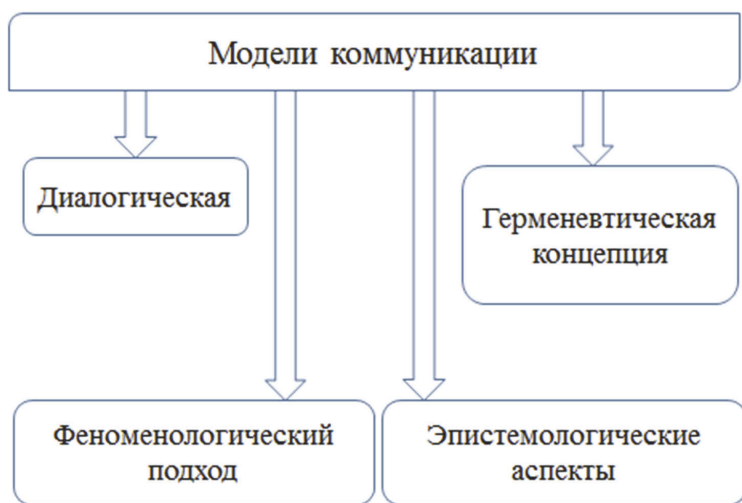

Рисунок 3. Модель коммуникации

человека, в том числе из-за фактической невозможности полноценного освоения одним человеком всех возможных знаний и навыков [5]. Без доверия врачу пациент не сможет побороть свой недуг. Без доверия пациенту врач не сможет о нём узнать. Подход, основанный на философии экзистенциализма, обогащает медицинскую коммуникацию собственным пониманием существования человека. Звучат вопросы о смысле жизни, конечности жизни, свободе и необходимости. Не обходится без внимания страдание человека. Последователи экзистенциального подхода помнят о том, что любая ситуация обладает неповторимостью. В отношении к пациентам предпринимаются подходы, основанные на поиске и уточнении смыслов жизни в различных сложных жизненных обстоятельствах.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что рассмотренные философские по-

зиции применяются в современной медицинской практике. Медицинская коммуникация достаточно сложна, в осуществлении коммуникации от врача требуется более чем серьезная подготовка.

Заключение

Необходимо глубокое понимание философских основ, и понимание связи философии и практики. Общение предполагает диалог, в диалоге овещаются фундаментальные философские основы. Возникает инструментарий, который врач использует в ходе взаимодействия с пациентом, руководствуясь при этом основополагающими принципами врачебной этики и медицинской деонтологии. Продолжение научных изысканий в рассматриваемой области открывает перспективы для значимых уточнений, способствующих эффективной и добродетельной коммуникации.

Список литературы / References

1. Седова Н. Н., Философия для медицинских специальностей. Практикум: учебное пособие / Н. Н. Седова. Москва: КноРус, 2024. 191 с. — ISBN 978-5-406-11946-4. — URL: <https://book.ru/book/950711> (дата обращения: 17.02.2025).

Sedova N. N., Philosophy for medical specialties. Practicum: a textbook / N. N. Sedova. — Moscow: KnoRus, 2024. 191 p. — ISBN 978-5-406-11946-4. — URL: <https://book.ru/book/950711> (date of request: 02/17/2025).

2. Седова Н. Н., Философия медицины: учебник / Н. Н. Седова. — Москва: КноРус, 2023. 152 с. — ISBN 978-5-406-10579-5. — URL: <https://book.ru/book/946249> (дата обращения: 17.02.2025). Sedova, N. N., Philosophy of medicine: textbook / N.N. Sedova. - Moscow: KnoRus, 2023. 152 p.-ISBN 978-5-406-10579-5. —

URL: <https://book.ru/book/946249> (date of request: 02/17/2025).

3. Марков Б. В., Философия языка и коммуникации. Т. 1. Теории языка и коммуникации: учебник / Б. В. Марков. Москва: Русайнс, 2024. 213 с. — ISBN 978-5-466-06314-1. — URL: <https://book.ru/book/953565> (дата обращения: 17.02.2025).

Markov B. V., Philosophy of language and communication. Vol. 1. Theory of language and communication: textbook / B. V. Markov. Moscow: Rusains, 2024. 213 p. — ISBN 978-5-466-06314-1. — URL: <https://book.ru/book/953565> (date of request: 02/17/2025).

4. Муртазин С.Р. Эпистемическая справедливость: доверие другому в познании как теоретическая и практическая проблема // Антиномии. 2023 Т. 23, вып.4. - С. 43-66. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_43.

Murtazin S.R. Epistemic justice: trusting another in cognition as a theoretical and practical problem // *Antinomies*. 2023 Vol. 23, vol.4. Pp. 43-66. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_43.

5. Муртазин С.Р. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании //

Вестник Московского университета. Серия 7. Философия 2021. №5. С.35-51.

Murtazin S.R. Epistemic egoism and the problem of trust in cognition // *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy* 2021. No. 5. - S.35-51.

Информация об авторах

Марданова Алина Дамировна, студентка 2 курса ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России, г.Казань, e-mail: alina.mardanova0202@list.ru

Муртазин Салават Раисович, кандидат философских наук, ассистент кафедры истории, философии и социологии ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Медицинский Университет» Минздрава России, г. Казань.

Information the authors

Mardanova Alina Damirovna, 2nd year student of the Kazan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Kazan, e-mail: alina.mardanova0202@list.ru

Murtazin Salavat Raisovich, PhD, Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Kazan.

Поступила в редакцию 09.04.2025; принята к публикации 02.06.2025.
Received 09.04.2025; Accepted 02.06.2025

УДК 177.351.

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.88–95](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.88-95)

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Управление кризисом: от ценности к гуманитарной технологии

Нигоматуллина Р. М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать различные управленческие ситуации ввода ценностей и гуманитарных технологий в управленческую рациональность как разных, часто противоположных, способов управления кризисами. Анализируется контекстуальность значений понятия «ценность» и связь ценностной проблематики с анализом различных видов рациональности.

Описаны синкретизм ценностей и технологий в антикризисном менеджменте в организации. Ценность здесь обозначена как элемент корпоративной культуры, как причины и мотивы определенного организационного поведения. Здесь ценности интерпретируются в инструментально-рациональном контексте.

Обращается внимание на то, что в социальном и государственном управлении ценность может быть связана с ценностной рациональностью, которая объективирует ценность, делает ее стратегическим ресурсом преодоления кризиса в ущерб гуманитарным технологиям, что зачастую оборачивается неэффективностью управления. Объективация ценностей часто востребована в целях социальной консолидации в кризисные моменты, но все-таки реальным содержанием практики управления оказывается инструментально-техническая рациональность, интегрирующая ценностный аспект управления через социальные и гуманитарные технологии.

Ключевые слова: управление кризисом, ценности, ценностная рациональность, инструментально-техническая рациональность, социальные и гуманитарные технологии.

Для цитирования: Нигоматуллина Р. М. Управление кризисом: от ценности к гуманитарной технологии. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(2(69)):88–95.

Crisis management: from values to humanitarian technology

Nigmatullina R.M.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article attempts to analyze various management situations of introducing values and humanitarian technologies into management rationality as different, often opposite, ways of crisis management. The contextuality of the meanings of the concept “value” and the connection between value issues and the analysis of various types of rationality are analyzed.

The syncretism of values and technologies in anti-crisis management in an organization is described. Value is designated here as an element of corporate culture, as reasons and motives for certain organizational behavior. Here, values are interpreted in an instrumental-rational context.

Attention is drawn to the fact that in social and public administration, value can be associated with value rationality and contrasted with technologies, including humanitarian ones.

The objectification of values determines the value rationality of crisis management; it is often in demand for the purposes of social consolidation, but the real content of management practice turns out to be instrumental-technical rationality, integrating the value aspect of management through social and humanitarian technologies.

It is shown how values and technologies can mutually converge into instrumental-technological rationality.

Keywords: crisis management, values, value rationality, instrumental and technical rationality, social and humanitarian technologies.

For citation: Nigmatullina R.M. Crisis management: from values to humanitarian technology. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(2(69)):88–95. (In Russ.)

Введение

«Как правило, люди не любят кризисы», – пишет известный специалист по менеджменту Ицхак Адизес в своей книге «Управление в условиях кризиса. Как выжить и стать сильнее» [1.С.9]. Для большинства людей кризисы ассоциируются с катастрофическими обстоятельствами в жизни, с разрушением определенного порядка и риском неизвестности. В таком контексте кризис представляется как нечто ужасное, что следует ликвидировать, преодолеть. Например, культурно-ценностные общественные системы относятся к кризисам очень «драматично», так как опираются на традицию, где оборотной стороной является экзистенциальный страх безвозвратных потерь.

Однако мы, вслед за И.К. Адизесом примем, что понятие «кризис» связано с понятием «изменение». Следствием такого

понимания места кризисов в социальных процессах является потребность в управлении ими. Антикризисное управление востребовано как деятельность, организующая изменения реальности и воздействующая на переломные, кризисные моменты развития общества и человека, ведущие к разрушению устоявшихся правил, норм и ценностей. Такой тип управления направлен на воссоздание или создание новой нормативно-ценностной основы определенного социального порядка.

В данном контексте целью статьи является анализ различных сочетаний (конфигураций) ценностей и гуманитарных технологий, который должен на примере инструментально-технической рациональности организационного антикризисного менеджмента и ценностной рациональности государственного управления социальными кризисами продемонстрировать

контекстуальный характер применения понятия «ценность» и показать значение гуманитарных технологий для эффективности управления.

Методы: данное исследование представляет собой попытку феноменологического описания связей ценностей и гуманитарных технологий через условия их восприятия: определенную ситуацию управления кризисами и объясняющий принцип соотношения этих предметностей – тип рациональности.

Различие и связь ценностей и технологий в организационном антикризисном менеджменте

Вначале рассмотрим практики кризисного менеджмента в организации. Кризисы могут случаться неожиданно, событийно, однако чаще всего путь движения системы к кризису – это многоэтапный процесс, начинающийся с наметившихся проблем и охватывающий все то, что сейчас разрабатывает процессный подход в антикризисном менеджменте. Этот подход опирается на фактор непрерывности времени, в котором разворачивается кризисная ситуация [2]. В целом, изменения, происходящие в организации, должны регулироваться и контролироваться в обычном режиме управления, поэтому мы можем предположить, что антикризисный менеджмент при процессном подходе принципиально не отличается от регулярного менеджмента.

Однако, когда становится явным разрушение определенного социального порядка, критически снижаются показатели работы, тогда рациональность управления кризисной ситуацией ориентирована на необходимость оперативно решать проблемы в определенном модусе времени – настоящем, своевременно реагировать на негативные сигналы. В этом случае на первый план выходят технологии, чаще всего уже применявшиеся в организационной деятельности. Например, важным оказывается институциональная отработанность способов коллективных собраний и совещаний для обсуждения плана действия в моменты, когда система дает сбой.

На практике коллективные собрания и совещания зачастую являются организационной формой управления, которая имеет целью осуществление административного или производственного контроля,

а также выполняет функцию предварительной фазы подготовки управленческого решения. Но в кризисные моменты подобные организационные формы должны выполнять функцию субъектов принятия решения, что невозможно без соответствующих гуманитарных технологий, которые определяли бы механизм достижения договоренностей (например, «дерево целей» можно назвать прообразом такой технологии).

Е.В. Островский и П.Г. Щедровицкий определяют гуманитарные технологии как «совокупность технологий, направленных на создание, образование, обработку либо изменение правил и рамок сообщения и взаимоотношения людей согласно вызовам изменяющейся внешней (как общественной, так и природной) среды» [3]. В данной работе они определяют их применительно к PR-кампаниям или выстраиванию имиджей (России в данном случае), и понятие «гуманитарные технологии» в этом контексте звучит достаточно органично и привычно. Но если обратить внимание на ключевые понятия «правила и рамки сообщения» или «правила и рамки взаимоотношений», то такие технологии становятся актуальными для всех сфер управленческой деятельности. Социальные и гуманитарные технологии являются способом создания интересубъективного «топоса согласия» (Перельман), в котором ценности разных субъектов общения встречаются, и могут противоречить друг другу, но целерациональность действия подчиняет их потребности достижения практического результата.

Таким образом, технологии организационной деятельности и социокультурное содержание, призванное создавать и вносить в эту деятельность смыслы, объединяются в амбивалентный процесс инструментально-технического характера. Отметим, что то, что связано с культурными смыслами разных уровней, в менеджменте чаще всего обозначается понятием «ценность».

Однако само понятие «ценность» многозначно, оно применяется к разным по масштабу и характеру факторам антикризисного управления, роль и место которых можно оценить через соответствующий контекст, который мы понимаем как *рациональность* управления. Теоретическим основанием такого утверждения является точка зрения, изложенная в статье

В.Л.Абушенко в «Новейшем философском словаре»: «...на современном этапе развития «неклассической социологии» ценностная проблематика связана прежде всего с анализом разных типов рациональности и их представленности в коммуникативных и дискурсных практиках социальных субъектов» [4, С.799].

Для рациональности организационного менеджмента ценности чаще всего определяются как причины или мотивы организационного действия, а также как цель или ориентир для него. Здесь ценность имеет инструментальное значение элемента технологии предотвращения или ликвидации кризисной ситуации. Опираясь на четко сформулированные принципы, сотрудники организации лучше понимают ситуацию и действуют эффективнее. Таким образом, ценности служат формой превентивного управления рисками и помогают оградить команду от многих ошибок.

Ценности, которые выбирают компании в качестве базовых, должны быть реализуемы на практике, иметь конкретные и однозначные формулировки, и они не должны заменяться моральными принципами. Часто встречающиеся в организациях ценности – командная работа, клиентоориентированность, уважение ко всем участникам бизнеса, новаторство и инновации, конфиденциальность персональной информации, открытость информации, честность и справедливость в отношениях с клиентами и пр. – носят инструментальный характер и подкрепляются соответствующими механизмами или технологиями их реализации.

Конкретная управленческая ситуация влияет на баланс ценностей и технологий, выше мы описали кризисную ситуацию в острой фазе, когда менеджмент опирается прежде всего на технологии, помогающие организовать совместные усилия по ликвидации кризисных проблем.

Если же возвратиться к описанному выше процессному подходу, который опирается на фактор непрерывности времени, то в качестве методов антикризисного управления может применяться «культурный контроль» – воздействие на ситуацию в организации с помощью корпоративной культуры. Так как корпоративные ценности объединяют прошлое, настоящее и будущее компании, они являются важными элементами управления. Хотя инструменталь-

ность данного подхода очевидна – общие смыслы, ценности являются ресурсом производственных достижений – такое управление в литературе по менеджменту часто называют «ценностным управлением». Здесь в центре внимания находится организационная культура, формирующаяся через выявление, обсуждение и признание каких-то общих ценностей для выстраивания определенной стратегии корпорации [5]. По сути дела, под ценностями понимаются факторы, способствующие успешному развитию компании (например, «клиентоориентированность» или «новаторство и инновации»).

Миссия организации и ее ценности лежат в основе идентичности компании, ее образа в глазах окружающих людей, поэтому выбор ценностей для конкретной корпоративной культуры представляет собой серьезную работу менеджмента, так как координация действий и достижение целей будет зависеть от того, насколько общие ценностные смыслы выбраны с учетом интересов всех сотрудников компании и вызовов окружающей среды. Возьмем для примера первую часть (объем статьи не позволяет воспроизвести полностью) миссии Казанского федерального университета: «Генерация, концентрация и распространение знаний, компетенций и технологий в ответ на глобальные вызовы, связанные с демографическими проблемами, ростом продолжительности жизни, изменением климата, загрязнением окружающей среды и энергобезопасностью». На наш взгляд, данные формулировки содержат не столько ценностный смысл, сколько определяются, как цели или виды действий в ответ на вызовы окружающей среды.

Можно сказать, что для наблюдателя обнаруживается объединение ценностей и гуманитарных технологий в единый синкретичный процесс, который может быть понятен через призму *инструментально-технической рациональности* управления. Например, Цао Янфэн, исследователь истории и философии преобразований одной из самых передовых современных корпораций Haier Group, утверждает, что целью менеджмента в бизнес-корпорации является прибыль, а базовые ценности, культура – это причины поведения, мотивы вести себя так, а не иначе [6]. Но чтобы эти мотивы действительно были актуальными, необходимо технологически орга-

низовать дело так, чтобы людям было выгодно и удобно придерживаться ценностей корпорации.

В инновационных процессах культура также оказывает значительное влияние, так как в условиях изменений важно опираться на убеждения людей, которые помогают ориентироваться в условиях неопределенности. Дуглас Норт, нобелевский лауреат в области экономики считает, что эти убеждения в чем бы то ни было, и есть ценности. Говоря о процессе экономических изменений, он утверждает, что «ключом к пониманию процесса изменений становится интенциональность игроков, стоящих за процессом институциональных изменений, а также их видение положения вещей» [7, С 16]. В этом определении Д.Норт еще больше лишает специфического характера понятие «ценность», примененное к обозначению этим понятием ряд культурных факторов. Он полагает культуру и убеждения субъектов инноваций основанием их способности к воображению, умению направлять свое видение на определенные цели и результаты. Таким образом, ценностью в организационном управлении называют любую достаточно устойчивую культурно обусловленную установку, ведущую к необходимому результату. Кроме того, на синкретизм «ценностей» и технологий указывает способ создания соответствующих установок участников инновационного процесса – это искусственная структура, выстроенная управленцами, как правило, под конкретный проект и конкретные цели.

Ценностная рациональность & инструментальная рациональность управления социальными кризисами

Говоря о различных сочетаниях ценностной и технологической составляющих управления, можно выделить как минимум два типа рациональности антикризисного управления: ценностную рациональность и инструментально-технологическую рациональность [8,9].

Еще один пример антикризисного управления – социальное государственное управление. В социумах связь ценностей, норм и технологий оказывается гораздо сложнее, чем в структурно и институционально определенных организациях.

В этом случае ценность может быть связана с *ценностной* рациональностью, в которой ценности и технологии генетически не связаны, так природа и значение «ценности» противопоставляется искусственности гуманитарной технологии.

В гуманитарной сфере чаще всего мы слышим призывы сохранять ценности и критически относиться к технологиям. Ценности при этом наделяются характеристиками истинности, они признаются объективно существующими, идеалами или образцами поведения. Следует отметить, что в управлении общественными изменениями в таком значении ценности становятся целевыми ориентирами, подобные ценности можно назвать терминальными или абсолютными. Рациональность действия, в котором реальность «подстраивается» под идеал, наделяемый объективным и естественным существованием, мы будем называть *ценностной рациональностью* в управлении (по аналогии с «ценностно-нормативным действием» М.Вебера).¹ Несмотря на то, что такой вид рациональности кажется не рациональным для управления, в политической и социальной жизни он встречается довольно часто. Не удивительно, что мотив написания данной статьи сформировался на основе наблюдения за часто повторяющимся управленческим приемом антикризисного управления в ситуации необходимости удерживать распадающийся социальный порядок. В социальной и культурной сфере обостряются призывы к сохранению “прежних” или “настоящих”, или “вечных” ценностей, при этом создается впечатление, что манипулирование ценностями и есть главное, с чего начинаются антикризисные меры по сохранению социальных систем.

Ценностная рациональность социального управления определяет ценности в качестве целей организационной деятельности, однако такие способы преодоления расколов и кризисов имеют характер формальной интеграции общественной системы. Вопрос об объединительном характере социальных ценностей далеко не всегда очевиден, так как реальные ценностные ориентации индивидов значительно индивидуализированы. Но, несмотря на это,

¹ Не следует путать «ценностное управление» как вид управления, о котором говорилось выше, и «ценностную рациональность» как форму интеграции ценностей в управленческий процесс.

ценностная рациональность управления часто оказывается, к удивлению, востребованной субъектами управления. Например, социальная справедливость как ценность и цель общественного развития вряд ли может быть истолкована однозначно, однако в истории существуют попытки организации общественной жизни во имя этой благородной цели.

Если вновь обратиться к инструментально-технической рациональности управления в менеджменте организаций, то в этом контексте социальная справедливость будет означать, например, принцип распределения заработной платы, тогда как в социальном управлении, где ценность социальной справедливости оказывается самодовлеющей, мы наблюдаем преобладание ценностнорационального действия. Таким образом, феноменологически ценности следует определять, исходя из тех условий рациональности, в которые они «вписаны».

Ценностная рациональность определяет ценности как онтологически укорененные сущности, которые способны порождать реальные действия следования им. К примеру, так работает рациональность в идеологизированных обществах. «Для того чтобы представлять систему государственного правления как легитимную, идеологический дискурс современного государства вынужден постоянно апеллировать к некой «объективной», не поддающейся сомнению истине», – пишет Алексей Юрчак в своей книге «Это было навсегда, пока не кончилось» [10. С. 43]

Данный подход к пониманию ценностей можно обозначить как космологическо-натуралистический. Он имеет богатую культурную традицию, начиная с философии идей Платона, заканчивая холистическими теориями (например, персонализмом) русских философов XIX века. Космологическая, натуралистическая модель ценностного бытия исходит из естественности для человека тех трансцендентных идеальных сущностей, которые создают «общечеловеческий» смысл бытия. Конкретные социальные ценности (гражданские, политические, правовые, мировоззренческие и т.п.) есть культурные смыслы разных порядков, но они, как правило, запредельны человеческому опыту. Мир повседневности (мир очевидностей) не может существовать без «трансцендентных», внешних по отноше-

нию к индивиду смыслов (ценностей), так как единство и целостность социального пространства, образуемого миром повседневности, скрепляются «трансцендентными ценностями» [11]. Однако, на наш взгляд, подобное понимание мироустройства часто несовместимо с практикой управления, так как в рамках ценностной рациональности влечет за собой трудности поиска соответствующих способов, средств и механизмов изменения наличных структур в целях достижения «вечных» или «абсолютных» ценностей. В исторической ретроспективе мы знакомы с попытками переустройства общества на гуманистических началах (равенства и справедливости), но они часто терпели неудачу или были кратковременными, так как «подтягивание» реальности к ценностям осуществлялось под достаточно жестким контролем, авторитарными методами и вело к двойным стандартам в обществе.

Социально-гуманитарные кризисы намечаются тогда, когда социальная система разбалансирована, то есть ее подсистемы не работают в режиме целостности, происходят разрывы. Причина любой проблемы – дезинтеграция системы, к которой приводят изменения. Однако, не всегда очевидно, на что следует воздействовать для управления интеграцией. Но если мы пытаемся актуализировать ценностную составляющую технологического мира, то возникает вопрос, насколько эта управленческая стратегия рациональна. Известная исследовательница системных изменений общества Н.Ф.Наумова писала относительно перестроечных кризисов 90-х годов, что дело не в совпадении целей в содержательном плане, а дело в тех социальных механизмах, которые обеспечивают и гарантируют рациональное взаимодействие людей [12]. Речь идет прежде всего о механизмах согласования реальных интересов людей, так как в кризисы важным становится социальная стабильность, опирающаяся на этот процесс. Также стратегически значимым в преодолении кризисов оказываются технологии выстраивания временных идентификаций с опорой на настоящее. «Однако ориентация на настоящее как на поле выбора, на активное и рациональное формирование и реализацию различных альтернатив требует от человека много, и, видимо, не может быть массовой», – писала исследователь в 90х годах XX века

[12, С. 100]. Сегодня в условиях цифрового общества мы можем видеть возможность массовизации гуманитарных технологий синхронизации времени в разных его модусах: обрабатываются технологии исторической памяти, создаются образы будущего, а настоящее, например, управляется методами организации событий.

Заключение

Интерпретация взаимосвязи ценностей и технологией зависит от типа рациональности управления кризисами и той ситуации, в которой обнаруживаются при-

знаки кризиса. Попытка рассмотреть, что понимается в управлении под ценностями и гуманитарными технологиями, приводит нас к тому факту, что диапазон смыслов термина «ценность» очень широк, а гуманитарные технологии, кроме определенной последовательности действий, имеют конкретное содержание, часто неотделимое от социально-культурного компонента. Но именно в кризисные моменты, когда рушится определенный социальный порядок выявляются конкретные смыслы ценностей и технологий, связанных в общую рациональность.

Список литературы / References

1. Адизес И.К. Управление в условиях кризиса. Как выжить и стать сильнее. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 176 с.
Adizes I.K. Management in Crisis Conditions. How to Survive and Become Stronger. – М.: Alpina Publisher, 2021. – 176 p. (In Russ.)
2. Roux-Dufort C. Is Crisis Management (only) a Management of Exceptions? // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2007. Vol. 15. No 2. P. 105–114.
3. Островский Е.В., Щедровицкий П.Г. Гуманитарные технологии, развитие общественных связей и имидж России. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/466> (дата обращения 10.02.2024)
Ostrovsky E.V., Shchedrovitsky P.G. Humanitarian technologies, development of public relations and the image of Russia. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/466> (date of access 10.02.2024). (In Russ.)
4. Ценность [Текст] //Новейший философский словарь./Сост. А.А.Грицанов. – Мн.: Изд. В.М.Скакун, 1998. – 896 с.
Value [Text] // The Newest Philosophical Dictionary. / Comp. A.A. Gritsanov. – Mn.: Publ. V.M. Skakun, 1998. – 896 p. (In Russ.)
5. Бланшар К. Ценностное управление/ Бланшар К., О'Коннор М. – Попурри, 2014. – 112 с.
Blanchard K. Value Management / Blanchard K., O'Connor M. – Potpourri, 2014. – 112 p. (In Russ.)
6. Цао Я. Философия Хаiera: Перерождение 2.0. – М.: Олимп-Бизнес, 2019. – 360 с.
Cao Ya. Haier Philosophy: Rebirth 2.0. – М.: Olimp-Business, 2019. – 360 p. (In Russ.)
7. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. Дом Гос.Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
North D. Understanding the process of economic change. – М.: Publ. House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 256p. (In Russ.)
8. Нигоматуллина Р.М. Ценностная и инструментальная рациональность в инновационных практиках стратегирования//Социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России. Сборник материалов XIII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 20 октября 2023 г., Москва / Отв. ред. В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2023. – С. 135-141.
Nigmatullina R.M. Value and instrumental rationality in innovative strategizing practices//Socio-humanitarian problems of strengthening the subjectivity of Russia. Collection of materials of the XIII International scientific and practical interdisciplinary symposium "Reflexive processes and management" October 20, 2023, Moscow / Ed. V.E. Lepsky. – М.: Cogito-Center, 2023. – P. 135-141. (In Russ.)
9. Нигоматуллина Р.М., Факхритдинов И.Ф. Value-based rationality and normative rationality of management in Russia // Revista San Gregorio. 2019. № 34. pp. 14–21.

10. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

Yurchak A. It was forever, until it ended. The last Soviet generation. – М.: New Literary Review, 2014. – 664 p. (In Russ.)

11. Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.- 208 с.

Blakher L. E. Unstable social states. – М.: "Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2005.- 208 p. (In Russ.)

12. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 174 с.

Naumova N.F. Recurrent modernization in Russia: a misfortune, a fault or a resource of humanity? – М.: Editorial URSS, 1999. – 174 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Нигоматулина Резида Масхутовна, канд.филос.наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. Казань, РФ.

Author ID 55836390900; orcid ID 0000-0003-0761-0402, e-mail: nigomati@mail.ru

Information about author

Rezida Maskhutovna, PhD, associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy

Author ID 55836390900; orcid ID 0000-0003-0761-0402, e-mail: nigomati@mail.ru

Поступила в редакцию 29.04.2025; принята к публикации 17.06.2025.

Received 29.04.2025; Accepted 17.06.2025.

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.96–101>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Постмодерн и путешествие героя.
Как массовая культура переписала мифы**

Тавобелов Д.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты, которые вносит постмодерн в традиционные жанровые структуры в массовой культуре. Особое внимание уделяется такому произведению, как манга «Берсерк», на примере которого можно проиллюстрировать некоторые постмодернистские концепции. В статье анализируется, как постмодерн изменяет восприятие героизма и нарративы традиционного эпоса.

Ключевые слова: постмодерн, нарратив, путешествие героя, сказка, массовая культура

Для цитирования: Тавобелов Д.Р. Постмодерн и путешествие героя. Как массовая культура переписала мифы. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;2(69):96–101.

**Postmodernity and the hero's journey.
How mass culture has rewritten myths**

Tavobelov D.R.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article under consideration explores the manner in which postmodernity influences traditional genre structures within the context of mass culture. A particular focus is directed towards the manga "Berserk," which serves as a case study to elucidate various postmodern concepts. The article undertakes a detailed analysis of the manner in which postmodernity impacts the conception of heroism and the narrative structures characteristic of traditional epics.

Keywords: postmodern, narrative, hero's journey, fairy tale, mass culture

For citation: Tavobelov D.R. Postmodernity and the hero's journey. How mass culture has rewritten myths. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin.* 2025;2(69):96–101.

Введение

Нам нравятся как сами универсальные законы, так и их неоценимый вклад в образовательный процесс, в профессиональную или даже творческую деятельность. Они помогают нам в развитии гибкости мышления, так как используются в различных областях, и это позволяет адаптировать наши знания к разным ситуациям и разным задачам. Стоит сказать, что универсальные законы способствуют формированию различных навыков анализа, подобное действительно важно для самостоятельного обучения и принятия решений. Помогая видеть связь между различными явлениями и выступая основой для комплексных подходов к решению всякого рода проблем, универсальные законы формируют системное мышление.

Не только универсальность, но и банальная простота концепции «тысячеликий герой» обеспечило идеям Джозефа Кэмпбелла невероятную популярность. Сама возможность подставить любой миф под готовую структуру – уже звучит очень интересно, но Д. Кэмпбэлл шагает дальше и говорит нам, что все истории, которые придумывает человек, так или иначе похожи.

Концепция «тысячеликий герой», или мономиф, состоит из взлетов и падений протагониста, которому необходимо пройти свой путь, чтобы по праву герой мог назваться героем, а миф – мифом. В любой истории главный персонаж проходит один и тот же путь, один и тот же сюжет, одинаковые сцены и образы, которые характерны как для греков, так и для жителей Скандинавии. И, конечно, не только для них.

Во введении стоит упомянуть, что идея Д. Кэмпбелла просто отлично согласовывается с трехактной структурой повествования, которую вывел Аристотель своей «Поэтике». Сам Кэмпбелл по этому поводу напишет, что именно такая схема свойственна человеческому разуму, или если быть

точнее, именно так человек осознает и воспринимает различные жизненные события и происшествия.

Какова структура мономифа? Путь героя начинается в привычной среде, в которой он чувствует себя комфортно, далее поступает «вызов»: некий конфликт извне, событие, заставляющее героя покинуть зону комфорта. Герой может быть охвачен сомнением, но появляется наставник или советчик, от которого будет получена помощь. Затем следует «переступание порога», с которого и начинается приключение с союзниками и врагами, главное испытание и награда, после которой следует дорога назад, искупление и «возвращение домой с эликсиром». Персонаж возвращается в свой обычный мир, но уже героем, изменившимся и обретшим новый опыт [1, с. 24].

Эта структура «преследует» человечество из эпохи в эпоху. Благородный рыцарь может оказаться странствующим «студентом» в эпоху Средневековья или, к примеру, отказавшимся от религиозного понимания истории как божественной воли героем, следующим за идеей достижения прогресса или даже социальной справедливости [2, с. 381]. Можно проследить, как культурные эпохи и господствующие в этих эпохах идеи влияют на популярные сюжеты. Но как обстоит дело в современности и в сегодняшней массовой культуре?

В современном мире культурные и социальные преобразования настигают нас с огромной скоростью. Естественно задумываться о том, как эти трансформации проявляются в популярной культуре. Постмодерн, как и любая другая эпоха, также вносит свои изменения в структуру повествования, смещая акценты и изменяя самого героя. Мир меняется, меняются настроения и темы в заголовках новостных сводок, вслед за всем этим должен преобразоваться и сам «миф». Традиционные нарративы претерпевают

изменения, во главу угла становится фрагментарность и ирония. Это означает, что традиционные способы рассказа истории, которые следуют четкой последовательности событий и логике, заменяются на более сложные и нелинейные подходы. Вместо классической и привычной структуры с введением, экспозицией и кульминацией постмодернистские произведения могут использовать разрозненные сцены, временные скачки или даже полностью перемешанную сюжетную линию. Такой калейдоскоп может встретить зрителя не только в фильмах, но и в современных романах. Например, в фильме «Пульс» (2006) сюжет представлен через чередование историй различных персонажей и временных линий, а в романе Дугласа Коупленда «Мисс Вайоминг» вовсе перетасованы все главы.

Современные герои чаще сталкиваются с внутренними конфликтами (взамен внешних) и с неопределенностью. Герой все также совершает какие-то действия, которые приводят к какому-то (иногда даже очень глобальным) результатам, но акценты смещаются. Главный персонаж фильма и книги «Бойцовский клуб» проходит через кризис идентичности и самосознания, ставя под сомнения общественные нормы. В фильмах К. Тарантино герои чаще обсуждают поп-культуру, чем серьезные темы, что подчеркивает их ироничный подход к жизни. Персонажи становятся более многогранными, приобретая сложные мотивации. В постмодернистских сюжетах часто присутствует эклектика жанров и стилей, что создает уникальные нарративы. Например, «Шрек» использует элементы сказки, фэнтези и комедии для переосмысления классических тропов. Подобные изменения позволяют иначе взглянуть на персонажей, сделать их более реалистичными и актуальными для современного зрителя.

Берсерк

Есть истории, которые невольно поражают, как что-то, придуманное человеком. Трудно представить, какие события повлияли на создателя и сколько времени ушло, чтобы воплотить идеи в жизнь. Берсерк – одна из таких историй и подобные произведения – очень большая редкость. Показывая мир без четкой морали, деконструируя архетипы и затрагивая экзистенциальные темы, Берсерк предстает перед нами как отличный пример постмодернистской истории.

Но что, на самом деле, делает это произведение поистине завораживающим? Это не художественный талант создателя и не четко прописанные персонажи, и уж точно, не постмодернистские тропы, филигранно вшитые в повествование. Эту историю поистине завораживающей делают отношения двух главных персонажей, один из которых, совершая путешествие героя, в конце концов превратится в антагониста¹, а другой, протагонистом² истории сделает себя сам.

Путешествие героя – это простая формула из взлетов и неудач, через которые необходимо пройти главному персонажу почти в каждой известной нам сказке. По окончании своего длинного пути – герой меняется и приобретает силу, способную изменить также и окружающий его мир.

Сказки, на которых мы растем, очень похожи друг на друга из-за своих общих, архетипических структур

¹ Антагонист (от греческого «антагонист» – противник) — это персонаж, который противостоит протагонисту. Он может быть человеком, группой людей, идеей или даже внутренним конфликтом протагониста. Антагонист создает препятствия и конфликты, которые протагонист должен преодолеть.

² Протагонист (от греческого «протагонист» – главный исполнитель) — это главный персонаж истории, вокруг которого вращается сюжет. Он обычно является тем, кто движет действие вперед и с которым зритель или читатель идентифицирует себя. Протагонист может быть положительным или отрицательным персонажем, но его действия и решения обычно определяют развитие сюжета.

[3, с. 62-63]. Большинство историй используют понятные нам архетипы: благородный рыцарь, дракон и принцесса. Эти образы легко воспринимаются и считаются, что является неплохим инструментом как для передачи народного знания, так и для воспитания ребенка [4, с. 94]. И большинство сюжетов, так или иначе, будут следовать этой схеме. Образ благородного рыцаря может переключаться в образ пожарного, солдата или врача, а дракон – превратиться в любого злодея.

Стоит представить эту схему иначе: главный герой приносит в жертву принцессу и делает свой выбор в пользу злодея. Такое нам кажется странным, но почему странным кажется именно это представление? Современные авторы намеренно отходят от привычных структур или же переворачивают эти структуры так, чтобы у читателя или зрителя вызвать чувство диссонанса.

Подобный подход невозможно посчитать плохим или хорошим, так просто происходит – это отражает изменения в культуре и мышлении людей. Мир стал немного многограннее: старые бинарные пары («добро и зло», «герой и злодей») кажутся слишком упрощенными в современных реалиях. Этот «диссонанс» позволяет показать, что истина относительна, а мотивы людей противоречивы. Многие современные произведения стараются стереть грань между жертвой и преступником, и таким образом общество само создает своих монстров. В пример можно поставить фильмы «Темный рыцарь» (2008) и «Законопослушный гражданин» (2009).

Хорошо это или плохо – сказать трудно, все довольно неоднозначно. Размывание архетипов может лишить общество культурных ориентиров (об этом писал уже Платон в своем «Государстве»). Дети, которые растут на постмодернистских историях, могут потерять понимание базовых ценно-

стей. Например, каждая серия американского мультфильма «Южный парк» полностью построена на высмеивании какой-либо темы или события. Однако подобная неоднозначность развивает гибкость мышления, это позволяет видеть нюансы разных точек зрения и помогает адаптироваться к изменениям окружающего мира. Например, роман Харпер Ли «Убить пересмешника» в свое время разрушил архетип расового превосходства, став одним из инструментов воспитания у молодежи нормального человеческого отношения к расовым различиям.

Если брать привычные для нас сказки, то их сюжеты не писались сознательно, они возникали совершенно спонтанно и стихийно в разных культурах [5, с. 293]. Это позволяет сюжету, к которому мы так привыкли, очень хорошо находить отклик у нас даже в настоящее время. Мы понимаем эти истории, структура очень привычна, а поэтому и не требует объяснений. Постмодернистские авторы используют игру с ожиданиями читателя [6, с. 57], создавая как комичные произведения, вплетая в сюжет пародию, так и начисто переворачивая структуру, добавляя в нее что-то инородное для жанра.

Те сюжеты, которые мы можем отнести к постмодернистским историям, построены на принятии хаоса и отказе поиска смысла. Это связано с относительностью некоторых явлений: порядок для одного может быть беспорядком для другого [7, с. 77-78]. Мир берсерка полностью погружен в этот хаос. Ангелы в этой истории совершают ужасные поступки, убивая огромное количество людей, для нас они больше похожи на демонов. Гриффитс является прекрасным продолжением истории, в которой он существует. Ангелы этого мира – искаженные версии ангелов, а Гриффитс – извращенная версия привычного героя. Он проходит весь путь путешествия героя, но совершенно по другим при-

чинам, не являясь при этом главным героем истории.

Гриффитсу даже не нужны никакие причины и мотивы. Он живет свою жизнь как традиционный герой, потому что так положено жить традиционному герою. Через его дела автор показывает персонажа не как благородную персону, имеющую высокие идеалы и достойную цель, а как сумасшедшего, которым движет лишь его собственная гордыня.

В привычном эпосе протагонист превращается в героя благодаря своим поступкам. Герой не идет на приключения ради известности и награды. Благородный воин может получить ценное вознаграждение за свои подвиги, но это будет следствием, а не целью [2, с. 381]. Гриффитс же опирается только на свою гордость и появившиеся из ниоткуда мечты о ключевых вещах, которыми обычно обладает стандартный герой.

Путешествие героя состоит из того, как персонаж привносит порядок в хаос, но Гриффитс всецело принимает хаос, совершенно не сражаясь с миром и своей судьбой, и он станет героем просто потому, что так должно было случиться, он часть божьего провидения. Протагонист Гатс оказался единственным, кто смог пошатнуть его эго и сбить с курса. Гатс – это антипод мира Берсерка. Даже рождение главного героя кажется просто ошибкой. Его подобрали под повешенным трупом матери, его отвергла и затоптала в грязь своя же банда наемников. Сам мир его пытался уничтожить, и главной задачей Гатса было не дать себя убить.

Отношения Гатса и Гриффитса – лучшее, что есть в этой истории. Дружба между человеком, которого ведет сама судьба, и человеком, которого эта судьба пыталась сожрать. Своим характером, силой и волей, Гатс сможет преодолеть свою судьбу, он превратится в главного героя своей собственной

истории, сюжет пополнится другими героями и эпизодами, с помощью которых автор будет экспериментировать в создании сюжета, похожего на классическую сказку о Средневековье.

Заключение

Кентаро Миура ушел из жизни, так и не дописав свою историю, которая берет свое начало 1989 году. Гатс, обретая свою цель, все же становится настоящим главным героем, но так и не становится героем «тысячеликим», а «белый благородный рыцарь» выступает в качестве настоящего антагониста.

После долгого пути, наполненного тьмой и отчаянием, автор, возможно, захотел дать читателям эмоциональное разрешение. Возврат к более традиционному нарративу позволяет создать ощущение завершенности и надежды. Значит ли это, что мы не можем отказаться от привычных нарративов? Отступление к привычной «классической» структуре могло бы символизировать цикличность жизни или вечность определенных идей и тем. Превращение из обычного персонажа в главного героя само по себе очень интересно, но главное – автор не вернулся полностью к привычным нарративам.

«Берсерк» – это синтез постмодернистских идей с традиционными повествовательными структурами с совершенно уникальным и запоминающимся повествованием. Сложные персонажи истории не являются простым воплощением добра или зла, они обладают более глубокими внутренними конфликтами и сложной, противоречивой мотивацией.

«Берсерк» – не просто история, это интересный культурный феномен, в котором отражается сложность современного мира и человеческой природы. Его темы и персонажи стали частью поп-культуры, а сама работа вдохновила огромное количество современных художников и писателей.

Постмодернистские элементы очень грамотно вплетены в сюжет так, что их довольно трудно обозначить, если просто наслаждаться историей. Наверное, это потому, что сам автор ни о каком

постмодернизме не думал. Кентаро Миура на протяжении тридцати лет просто рассказывал нам свою историю, в которую был влюблен и которой отдал всего себя без остатка.

Список литературы / References

1. Джозеф К. Герой с тысячью лицами / К. Джозеф. – Калифорния.: Библиотека Нового мира, 2008. 321 с.

Joseph C. The Hero with a Thousand Faces. – Novato, California: New World Library, 2008. 321p. (In Russ.)

2. Лавренюк И. Л. Путешествие героя в художественной культуре прошлого и настоящего как отражение вызовов исторической эпохи // Вестник Казанского технологического университета. 2004. № 17. С. 379-381.

Lavrenyuk I. L. The hero's journey in the artistic culture of the past and present as a reflection of the challenges of the historical era // Bulletin of Kazan Technological University. 2004. No. 17. pp. 379-381. (In Russ.)

3. Лутовинова Е. И. Тематические группы сюжетов русских народных волшебных сказок // Педагогическое искусство. 2018. № 2. С. 62-68.

Lutovinova E. I. Thematic groups of plots of Russian folk fairy tales // Pedagogical art. 2018. No. 2. pp. 62-68. (In Russ.)

4. Кулагин Д. Л. Мифологические архетипы в русских народных сказках // Манускрипт. 2016. № 6. С. 91-95.

Kulagin D. L. Mythological archetypes in Russian folk tales // Manuscript, 2016, No. 6, pp. 91-95. (In Russ.)

5. Богатырева Ж. В. Сказка как феномен культуры // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3. С. 293-295.

Bogatyreva Zh.V. A fairy tale as a cultural phenomenon // The world of science, culture, education. 2015. No. 3. pp. 293-295. (In Russ.)

6. Чемодурова З. М. Постмодернистская игровая репрезентация литературных сказок // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 32. С. 55-58.

Chemodurova Z. M. Postmodern game representation of literary fairy tales // International Scientific Research Journal. 2015. No. 32. pp. 55-58. (In Russ.)

7. Богданова О. В. Постмодернизм: к истории явления и его органичности современному русскому литературному процессу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Истории. 2003. № 2. С. 73-88.

Bogdanova O. V. Postmodernism: towards the history of the phenomenon and its organicity to the modern Russian literary process. // Bulletin of St. Petersburg University. Stories. 2003. No. 2. pp. 73-88. (In Russ.)

Информация об авторе

Тавобелов Динар Радикович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. e-mail: digidihamer@gmail.com

Information about author

Tavobelov Dinar Radikovich, post-graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. e-mail: digidihamer@gmail.com

Поступила в редакцию 03.05.2025; принята к публикации 16.06.2025.
Received 03.05.2025; Accepted 16.06.2025.

5.7.9. – Философия религии и религиоведение (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 125+13

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.102–107>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Оправдание творчества в софиологии С.Н. Булгакова

Токранов А.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется понимание взаимосвязи Божественного и человеческого творчества, раскрываются антропологические и сотериологические аспекты творчества в софиологической философии и богословии прот. С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: софиология, космология, Творение, взаимосвязь Бога и мира.

Для цитирования: Токранов А.В. Оправдание творчества в софиологии С.Н. Булгакова. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(2(69)):102–107.

The justification of creative activity in S. Bulgakov's sophiology.

Tokranov A.V.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article is dedicated to one of the aspects of S. Bulgakov's sophiology, namely his understanding of the interrelation between the creative ability of man and the creative action of God. The anthropological and soteriological aspects of man's creative ability are analyzed.

Keywords: sophiology, cosmology, the Creation, God-world relationship.

For citation: Tokranov A.V. The justification of creative activity in S. Bulgakov's sophiology of . *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin.* 2025;(2 (69)):102–107 (In Russ.)

Проблема творчества – одна из ключевых для понимания русской религиозной философии. Основной интенцией русских философов являлось религиозное оправдание мира, творения, человека. Русский религиозно-философский ренессанс начинается с вопросов религиозного оправдания культуры, социальной активности, вообще всех сфер, где инициатива принадлежит человеку [1]. В конечном

итоге речь идёт о религиозном смысле человеческой самостоятельности как таковой, об антроподицее, о смысле существования человека как свободного духовного существа. Именно такой вид проблема творчества принимает у Н. Бердяева, видевшего в творчестве реализацию божественного предназначения человека. Именно в творческой способности заключено богоподобие человека. Помимо Бердяева,

теме творчества уделял внимание и его друг и оппонент С. Булгаков. В этом отношении значительный интерес представляет попытка Булгакова включить тему творчества в онтологический и космологический контекст. Творческая способность понимается Булгаковым не как изолированная, но как фундаментальное онтологическое свойство человека. В рамках своей софиологии Булгаков дает богословско-философское обоснование данного тезиса. Реконструкцию мысли русского философа мы попытаемся дать в нашей статье.

Тема Творения в классической богословской традиции рассматривалась в основном через призму натурфилософии или философской онтологии. Здесь главной задачей было понять, что значит для мира быть «сотворённым», какой онтологический статус придаётся ему в акте творения, и какая связь устанавливается через этот акт между Творцом и творением. Важно также отметить, что здесь единственным субъектом творения выступал Бог, с человеком творческая способность не ассоциировалась. В рассматриваемых нами учениях предпринимается попытка найти сущностную связь между Божественным творением и человеческим творчеством.

Булгаков одним из первых в русской философии обращает внимание на эту тему; он приходит к ней через марксизм. Марксистскую утопию построения идеального общества он переосмысляет как религиозную задачу преображения материального космоса и человеческого общества. В дальнейшем главной интенцией как религиозной философии, так впоследствии и теологии Булгакова было раскрытие связи божественного и человеческого.

Как мы указали, Булгаков стремится осмыслить идею Творения в контексте софиологической концепции, в которой видит обоснование возможности оправдания мира. Творение должно быть укоренено в Боге, осуществлять-

ся из божественной сущности, только так оно может быть оправдано. Ведь ничто внебожественное не имеет смысла и права на существование. В противном случае мы должны прийти либо к монистическому, монофизитскому исчезновению мира в едином начале – как бы оно ни трактовалось – спиритуалистически или материалистически-, либо к фактическому признанию за творением статуса альтернативной Богу реальности. [2, с. 7-11] Антиномичность творения в том, что оно одновременно и укоренено в Боге, и свободно по отношению к Нему. Булгаков осмысляет эту антиномичность через мифологему Св. Софии. Хотелось бы также отметить, что способ решения Булгаковым проблемы творчества радикально разводит его философию с гностической традицией, влияние которой на мыслителя подчёркивает А.П. Козырев [3].

Связь между Богом и миром устанавливается в акте Божественного творения. Связь человека и мира, человека и Бога также осмысляется через божественное Творение. Человек как творец является проводником Божественного творческого действия в мире. Так увязывается тема божественного Творения и человеческого творчества. Но через это человек соприкасается с Божественным, становится проводником в мир Божественных энергий. В целом, по Булгакову, человек предназначен к осуществлению софийного космоса, через него осуществляется Божественное действие, которое поэтому оказывается в мире сущностно богочеловеческим. Бог творит по образцу, и человек по образцу – божественному.

В софиологии Булгакова творение понимается как выражение предвечной Божественной сущности, как самораскрытие Божества вовне, которому соответствует самооткровение Божества в Софии. Творение повторяет событие внутрибожественной жизни,

безусловно необходимо, но не в смысле внешней детерминированности, а в смысле внутренней смысловой самообусловленности.

Целью творения является само Божество, но находит оно себя в своём Другом, в мире, в инобытии, через человека. Любое подлинное действие есть творческое действие, софиология Булгакова может пониматься как оправдание человеческого творческого начала.

Уже в первом своём крупном произведении, «Философия хозяйства», Булгаков ставит тему творчества в центр, сближая с ним марксистское понятие производства. Через понятие труда Булгаков (вслед за Марксом) решает ключевую ключевую для философской классики проблему взаимодействия субъекта и объекта, постулируя их изначальное единство как условие возможности труда. *Производство* понимается здесь как выход субъекта за свои пределы. «Субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект» [4, с. 121]. Это – снятие отчуждения, выход в мир из самозамкнутости Я. Булгаков подчёркивает лишь формально отличие между хозяйством и искусством, художественным творчеством. «И там, и здесь с мира частично снимается лежащий на нём покров от человека или от субъекта, объектности или вещности, и в вещи внедряются и начинают просвечивать в них идеи, цели, механизм уступает место телеологии, точнее с ней неразрывно и даже неразличимо отождествляется.» [4, с. 121].

По Булгакову, Я, субъект не отделён от мира, объекта, но включён в него, изначальным является – отношение «субъект-объект», отношение включённости Я в природу (и, шире, в *Другого*, о чём Булгаков подробно не пишет, но что в русской мысли детально разбирается, например, С. Л. Франком в его

социальной философии). Это динамическое, живое соотношение, предполагающее постоянное самотрансцендирование Я без его утраты и растворения в Другом. Это отношение реализуется в первую очередь в хозяйствовании, которое понимается Булгаковым как производство, а производство – как труд, который есть творчество. «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой» [4, с. 155]. Таким образом, творческая деятельность для Булгакова – это фундаментальное отношение человека к миру, онтологическая характеристика человека. Через творчество трансцендируется Я, происходит включение человека в космическое целое и, через это, соединение с Богом. Если мы вспомним, что любовь и в христианском богословии, и в софиологии понимается как выхождение за собственные границы, преодоление эгоизма и нахождение себя в Другом, то очевидно, что трактовка творчества Булгаковым показывает, что для него любовь и творчество суть одно, суть две фундаментальные формы выражения тварного богоподобия. Это не внешний и случайный момент в истории спасения, ософииения мира, но единственно подлинный путь к нему.

Творчество для Булгакова – это, в первую очередь, внесение порядка в хаос, «ософииение» мира, преобразование Божественного космоса сообразно его предвечному божественному образцу. В «Философии хозяйства» он исследует трансцендентальные условия его возможности. Здесь ключевым моментом является утверждение онтологической реальности творчества, берущего начало в Божественной реальности. Любое подлинное творчество софийно, т.е. выражает реальность софийного космоса, укоренено в Боге, а не в тварном Ничто. «Творчество требует для своего существования двух условий: наличности, во-первых, замысла, свободы изволения, и, во-вторых,

мощи, свободы исполнения» [4, с. 156], т. е. личной, «самочинной» свободы, и возможности, силы эту свободу осуществить. И если первое условие осуществляется свободной личностью как образом Божиим, то второе условие может быть осуществлено только Богом. «Для того, чтобы творить, надо не только хотеть, но и мочь, надо ставить себе выполнимую задачу, иначе творчество окажется или невозможным, или недовершённым» [4, с. 156]. Лишь Бог даёт эту возможность. Творчество для человека «не есть творчество из ничего, но лишь воссоздание, воспроизведение данного, сделавшегося заданным, и это воссоздание становится творчеством лишь постольку, поскольку оно есть свободное и трудовое воспроизведение» [4, с. 159]. Притязание на безусловную метафизическую оригинальность и творческую самодостаточность для Булгакова – соблазн сатанизма. Но в теме творчества у Булгакова явно присутствует также и сотериологический аспект. Отношение человека и мира устроено в софийном космосе так, что их взаимодействие предполагает взаимное спасение. Ведь если для человека предназначением является упорядочивание мира согласно софийному образцу, то ясно, что осуществить это предназначение он может, лишь устроив согласно этому образцу самого себя.

В третьей части Большой богословской трилогии – книге «Невеста Агнца», своей самой поздней, итоговой работе Булгаков исследует онтологические основы творчества, уходящие корнями в творческое деяние Бога, а также его связь с тварной свободой. «То, что мир сотворён «из ничего», значит лишь, что мир существует в Боге и только Богом, ибо собственного основания бытия в нём нет» [2, с. 11]. Это основание – мир Божественных идей понимается Булгаковым как «самооткровение Божие в Божественной Софии,.. Божественный мир, сущий в

Боге и для Самого Бога» [2, с. 37]. В Боге не может быть случайности и произвола, в Нём свобода и необходимость суть одно, и поэтому, делает вывод Булгаков, «идеи разных и многообразных возможностей в Боге, осуществлённых и неосуществлённых, должна быть противопоставлена идея единственности путей Божиих, исключающей всякие иные, неосуществлённые возможности». [2, с. 38] Далее Булгаков пишет, что именно вследствие этого нельзя полагать, что Бог мог бы воздержаться от Творения, ибо «Творение мира не есть какое-то добавочное extra, некоторый plus к собственной жизни Божией, нет, оно входит в Божественную жизнь со всей силой необходимости или совершенно тождественной с нею в Боге свободы». [2, с. 38]. Но при этом автор не различает сам изначальный акт Творения мира в своей основе, в целом, и так сказать, единичные творения, возникновение единичных вещей (чётко различаемые, к примеру, у Фомы, как протекающие согласно первичной и вторичным причинам соответственно). Однако наполнение мира конкретным содержанием как раз и осуществляется на путях тварной свободы и не может быть детерминировано Божественной природой.

Творческий акт Божества имеет основание в самой Божественной природе. (Н. А. Ваганова, напр., описываемый Булгаковым процесс воипостазирования через иную ипостась иллюстрирует с помощью аналогии художественного творчества [5, с. 319-320]). «Если Бог сотворил мир, это значит, что Он не мог не сотворить его, хотя акт Творца принадлежит к полноте жизни Божией и в нём нет никакой внешней принудительности, противоречащей Божественной свободе» [2, с. 38]. Оно абсолютно, ничем не ограничено. В то же время «человеческое творчество частично и ограничено по своему замыслу, и оно связано в средствах, в которых нуждается и которыми обусловлено. ...

Тем не менее и оно имеет в себе некоторые черты, его отличающие от причинной, механической связи, как нечто *suī generis*. Именно, ему свойственно, в отличие от причинности, исхождение из себя и в себя вчинание – самооткровение Творца в творении. Здесь возникает нечто новое, причинно не обусловленное, и вместе с тем оно связано и со своим творцом, как ему принадлежащее» [2, с. 45]. Творчество, в отличие от причинной связи, свободно, «экземплярно», ново. В этом суть «творения из ничего». Но человеческое творчество ограничено не только конечностью тварной природы. Оно содержательно детерминировано божественным творчеством, софийными первообразами. Однако, реализованные в божественной Софии, в божественной природе, они благодаря акту творения получают независимое существование. «Бог, “творя мир”, т.е. давая ему самобытие, в то же время не отнимает от него Божественной силы его бытия, но полагает его как бы вне Себя, отпускает его от Себя на божественно-внебожественное, даже не Божественное бытие. Это именно и значит, что Бог творит мир... Бог не может не быть Творцом, как и Творец не может не быть Богом. Одним и тем же предвечным Божественным актом Бог есть Бог и Творец». [2, с. 58-59]. Творение есть раскрытие Божественной полноты вовне, Бог не может не быть Творцом именно потому, что Он есть бесконечная полнота бытия, содержащая в Себе и снимающая в Себе противоположность между «внутри» и «вне». «Сотворение мира было уже в самом основании жертвенным актом Божественной любви, вольным самоистощением или самоуничтожением Божества, его «ке-нозисом», который находит оправдание лишь в себе самом, в блаженстве жертвующей любви». [6, с. 289] И это значит, что акт творения предполагает их взаимную связь узами любви и возврат творения к Творцу. Ещё Владимир

Соловьёв указывал на глубокую связь между Божественной любовью и Божественным творчеством [7, с. 97]

И раз творчество связано с любовью, оно, по Булгакову, в существе своём личностно. Творчество есть самооткровение, самополагание личности вовне. Именно диалектика природы и личности, «яйности» (*Ichheit* по Фихте), объективной данности и свободного самоопределения представляется для Булгакова ключевой для осмысления творчества. В Боге оба этих момента совпадают, а в человеке данность ограничивает свободу. Но именно в этом творческое призвание человека. Бог в творении выступает из Себя и раскрывается в мир, человек в творческом акте раскрывает себя навстречу Богу, осуществляя своё богоподобие. Так раскрывается сотериологическое измерение творчества. «Сама эта свобода всё-таки пуста, она ничего в себе не содержит, и тема этой свободы и связанного с ней творчества дана в Божественной энтелехии тварного бытия и тем задана к “свободному” её исполнению или раскрытию» [2, с. 62]. В творческом акте человек как бы восполняет свою онтологическую недостаточность, наполняет свою «пустую» свободу Божественным содержанием.

Полемизируя с Фомой Аквинским, с его различием божественного знания о реальных и возможных событиях, он пишет, что «мысли Божии суть и дела Божии» [2, с. 28]. Но из этого следует, что в делах Бог выражает себя полностью, весь раскрывает себя в Творении, что необходимо ведёт либо к признанию конечности Бога, либо к признанию актуальной бесконечности Творения. Из перспективы тварного бытия актуальная бесконечность Бога в соединении с Его абсолютной осуществлённостью совпадает с его бесконечной потенциальностью, поскольку актуальная бесконечность не может быть осуществлена в рамках пространственно-временного бытия.

А софиология Булгакова утверждает соразмерность Божественной природы как Софии и мира как выражения Божественной природы в инобытии. Софийный космос интерпретируется Булгаковым как конечный, завершённый, в сущности, в античном духе. Поскольку космос – это, в сущности, проекция Божественной сущности, Софии, то напрашивается вывод, что эта сущность тоже конечна, мир и Бог взаимно определяют друг друга.

Если Бог бесконечен, то спор не имеет смысла, поскольку Божественная сущность, даже будучи в себе полностью осуществлённой, для мира всё равно будет раскрываться как сфера

бесконечных и всё время новых возможностей. Сама реализация творческого замысла в мире уже означает, что его содержание восходит к Божественной сущности, ибо вне Бога ничего не существует. Но эта абсолютная действительность и актуализированность абсолютно неисчерпаема и поэтому есть абсолютная потенция, абсолютная возможность.

Таким образом, тема творчества, хоть и неявно, выступает одним из ключевых элементов в софиологии о. Сергия Булгакова как важнейшая часть антропологии и религиозного оправдания сотворённого Богом бытия.

Список литературы / References

1. Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903). – М.: Республика, 2005. – 543 с.
Protocols of St-Petersburg Religious-Philosophical Meetings (1901-1903). – М.: Respublika, 2005. – 543 p. (In Russ.)
2. Булгаков С., прот. Невеста Агнца. – М.: Общедоступный православный университет, основанный прот. А. Менем, 2005. – 656 с.
Bulgakov S. Bride of the Lamb. M.: Alexander Men Open orthodox university, 2005. – 656 p. (In Russ.)
3. Козырев А. П. Софиология о. Сергия Булгакова: "теологема" или "философема"? // Философия религии: альманах. 2011. № 2010-2011. С. 226-240.
Kozyrev A.P. Sophiology of S. Bulgakov: "theologeme" or "philosopheme"? // Philosophy of religion: almanach. 2011. № 2010-2011. P. 226-240. (In Russ.)
4. Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1993. – 608 с.
Bulgakov S.N. Works in 2 vol. Vol.1. M.: Nauka, 1993. – 608 p.
5. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 464 с.
Vaganova N.A. Sophiology of Father S. Bulgakov. – M.: PSTHU Publishing House, 2011. 464 p. (In Russ.)
6. Булгаков С. Н. Свет Невечерний. – М.: Республика, 1994. 416 с.
Bulgakov S.N. Unfading Light. – M.: Respublika, 1994. 416 p. (In Russ.)
7. Соловьёв В.С. Сочинения. Т.2. М.: Наука, 2000. – 400 с.
Solovyov V.S. Works in 2 vol. Vol.2. M.: Nauka, 2000. – 400 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Токранов Александр Владимирович, кан.филос.наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID 505621; ORCID ID 0000-0002-0391-6765, e-mail: alextokranov@rambler.ru

Information about author

Tokranov Alexander, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies. Author ID 505621; ORCID ID 0000-0002-0391-6765, e-mail: alextokranov@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
Received 11.05.2025; Accepted 17.06.2025

УДК 656.02+ 332.14

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.108-114>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Транспортная система как гибридная реальность: акторно-сетевой подход к анализу взаимодействия между технико-технологическими и социальными процессами города

Абдульязнов А.Р.

*Производственное объединение «Зарница»;
420006. г. Казань, ул. Рахимова, 8, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются особенности акторно-сетевого подхода к анализу транспортной системы города, его преимущества в раскрытии социальной реальности как ассоциации людей и нелюдей (в том числе технических комплексов), как сложных сетей, образуемых разнородными компонентами. Раскрываются перспективы исследования транспортной системы как многоуровневой и гибридной социальной реальности.

Ключевые слова: транспортная система города, акторно-сетевой подход, социальные явления как сложная сеть взаимодействий, транспорт как элемент большой социо-технической сети, гибридная реальность, акторы, актанты.

Для цитирования: Абдульязнов А.Р. Транспортная система как гибридная реальность: акторно-сетевой подход к анализу взаимодействия между технико-технологическими и социальными процессами города. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (2 (69)):108–114.

The transport system as a hybrid reality: an actor-network approach to the analysis of the interaction between the technical, technological and social processes of the city

Abdulzyanov A.R.

*Production Association "Zarnitza"; 420006. City Kazan, Rakhimova str., 8
Russian Federation*

Abstract. The article analyzes two versions of system analysis as a methodological tool for studying the transport system of a large city. Attention is paid to such sources of systems thinking as the system-activity theory of T. Parsons and the theory of systems by N. Luhmann. The prospects of using N. Luhmann's theoretical approach to the analysis of the transport system as a set of all social communications, as an autopoietic system, are determined.

Keywords: city's transport system, actor-network approach, social phenomena as a complex network of interactions, transport as an element of a large socio-technical network, hybrid reality, actors, actors.

For citation: Abdulzyanov A.R. System analysis in the study of the large city's transport system. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4(67): 108–114 (In Russ.)

Введение

Методологические основания исследования транспорта как важнейшего структурного элемента города, его ключевого механизма жизнеобеспечения всех потребностей населения должны носить комплексный характер, что предполагает обращение к различным концептуальным подходам.

Методы

Большими возможностями располагают акторно-сетевые теории (АСТ), в основе которых подход к исследованию общества с учетом множественности пространств, роли материальных объектов, в частности транспорта, в социальном взаимодействии.

Представители АСТ стали активными участниками мэйнстрима «нового материалистического поворота» начала 1980-х гг., благодаря которому был активизирован дискурс о роли материальных объектов в конституировании социальной реальности. Был продемонстрирован решительный отказ от дилеммы макро- и микроуровня анализа общества и переносом проблемы преодоления дуализма в плоскость взаимоотношений «техники и общества» (или «человека и объекта»), отношений между человеческим и нечеловеческим, культурой и природой, обществом и техникой. При этом речь идет не только о социологии, но о переориентации представителей разных наук – «антропологии, географии, исследований науки и техники, социологии потребления и риска, которые нацелены на понимание создающей и интегрирующей функции «вещей» в производстве того, что мы называем обществом» [1]. Представители АСТ также предложили относиться к вещам как к социальным фактам и заменить две «иллюзии» – интеракцию и общество – новой концепцией, согласно которой социальная реальность представляет собой ассоциацию людей и нелюдей (технические комплексы, жи-

вотных и др.) как действующие единицы социальных отношений.

Результаты и обсуждения

Основополагающая идея акторно- сетевого подхода о том, что социальные явления можно представить в виде сложных сетей, образуемых разнородными компонентами, была впервые обоснована Б. Латуром на примере науки. Наука – сложная сеть взаимодействий между учёными, лабораторными объектами и обществом в целом. В ней человек становится и объектом, и участником процесса получения, воспроизводства и распространения знания [2], а лаборатория – это совокупность сложных объектов, опосредующих деятельность учёного [3, с. 5]. Латур и другие представители акторно-сетевой теории пришли к выводу, что функционирование науки принципиально не отличается от функционирования других социальных явлений. Впоследствии Бруно Латур, Мишель Каллон, Джон Ло применяли метод акторно-сетевой теории в исследованиях многих областей: от технологий до здравоохранения, от рыночных отношений до искусства, от религии до права, от менеджмента до политики и пришли к аналогичным выводам [4].

Таким образом, акторно-сетевая теория, в основе которой рассмотрение объектов (артефактов, технических комплексов, животных и др.) как действующих единиц социальных отношений, вышла за рамки исследований науки и превратилась в теорию, претендующую на статус междисциплинарной парадигмы.

Мишель Каллон утверждал, что гибридом может быть все, что угодно – мысль, общественная проблема, например, глобальное потепление, озоновые дыры, клоны, имплантаты, трансплантаты. исследовательский проект и т.д., то есть все то, что успешно справляется с этой задачей. Например, «социотехническая сеть,

которой принадлежит утверждение «дыра в озоновом слое увеличивается», включает в себя как лаборатории, которые непосредственно или опосредованно работают над этой темой, экологические движения, правительства, которые собираются на международные саммиты, отрасли химической промышленности, которые касаются этой проблемы, парламенты, которые принимают законы, так и химические вещества и те действия, которые они оказывают, и атмосферные слои, имеющие отношение к этой проблеме» [5].

По мнению Каллона, точно таким же образом может быть проанализирована любая технология и любой артефакт, и он демонстрирует возможности конструирования социотехнической сети на примере автомобиля. Мы воспользуемся большими цитатами, поскольку это напрямую относится к предмету нашего исследования. Согласно Каллону, сам автомобиль «является лишь одним из элементов большой социотехнической сети, поскольку для функционирования ему нужно еще много элементов: дорожная инфраструктура, автомастерские, управляющие скоростными магистралями компании, автомобилестроительная отрасль промышленности, автозаправочные станции, налоги, школы вождения, правила дорожного движения» [5]. Но далее Каллон утверждает, что «автомобиль является центром паутины отношений, связывающих гетерогенные сущности, сети социотехнической, поскольку в роли агентов сети выступают люди и нелюди». Всякий раз, как пользователь садится за автомобиль и отправляется в дорогу, происходит мобилизация сети: одна единственная поездка «запускает превосходно скоординированное коллективное действие: нефтяные компании, перерабатывающие нефть и продающие бензин на автозаправочных станциях; инженеры, разрабатывающие цилиндры и клапаны; станки и рабочие, собравшие транс-

портное средство; рабочие, уложившие асфальт; специальный состав резины покрышек; светофоры, регулирующие движение и так далее. Таким образом, каждый элемент вносит свой вклад, чтобы автомобиль оказался на дороге.

Латур считает «распространение гибридов» символом современного мира, не настаивая на существовании гибридов как некоторых чистых сущностей, лишь делая акцент на динамичных процессах гибридизации и очищения: в одной из зон локализуется общество человеческих индивидов с его культурными ценностями, в другой – природа, материальные объекты и технологии. Понимание сущности гибридности проясняет следующая цитата из книги Латура «Мы никогда не были современными»: «Ирония современности заключается в том, что в современную эпоху мы часто стремимся к постоянному совершенствованию и конкретизации определений и категорий окружающих нас объектов и понятий, что, стремясь становиться все более современными, мы на самом деле все дальше и дальше уходим от целостного понимания мира. Следовательно, мы никогда не были современными» [6, р. 25].

Нам импонирует подход авторов акторно-сетевой теории, который состоит не в том, чтобы вывести какие-то новые универсалии, а в том, чтобы рассматривать некие ситуации и изучать, как в них эта система связи устроена (социологическая работа), и как в ней конструируются объекты [7, с. 17]. С помощью сетевого анализа им удалось преодолеть метафоричность в социальном анализе отношений и описать связи между людьми и вещами посредством их локализации в пространстве. Действительно сложная социально-материальная сеть, состоящая из людей и вещей, не является структурой в обычном понимании, и Латур настаивает на том, что сеть – не структура, а способ действия. Действие – это не просто человеческие поступки,

а эффект сети: действие распределено между акторами [7, с. 17]. Таким образом, акторно-сетевая теория с ее концепцией сети как способа действия нацелена на преодоление тех концептуальных проблем, с которыми социология сталкивается при разделении действующих субъектов-акторов и объективных структур.

Транспортная система города в этом смысле также может быть рассмотрена как гибрид, при этом речь пойдет не о техническом транспортном гибриде [8], а о транспортной системе как о гибридной социальной реальности, представляющей собой сложную сеть, образуемую разнородными (гетерогенными) компонентами: людьми, техническими устройствами, природными и социокультурными объектами. Мы возьмем за основу характеристику Латуром транспортной системы как нестабильного гетерогенного социального мира, состоящего из множества сетей, где технические, природные и культурные, человеческие и нечеловеческие объекты уравнены в правах между собой, и все являются полноценными участниками социального действия. Согласимся в принципе с Латуром в том, что нечеловеческие объекты играют в создании социального порядка не меньшую роль, чем люди.

Попытаемся применить это важнейшее положение теории Латура применительно к оценке роли городской транспортной системы, следуя логике АСТ, в создании социального порядка: транспортная система как сложная гетерогенная сеть обеспечивает связность социального пространства города, является условием социальной деятельности человека в нем, обеспечивает стабильную систему для взаимодействий между всеми участниками сети – как людей, так и нелюдей.

Действительно, как пишет Латур, для функционирования любой социальной организации, встречи друзей, проведения политического митинга

или концерта необходимы не только действия людей, но и действие большого числа вещей и устройств: зданий, улиц, автомобилей, дорожных указателей, светофоров и т.п. [7]. Среди перечисленных Латуром элементов взаимодействия помимо людей более всего мы находим тех из них, которые составляют элементы дорожно-транспортной системы города. Помимо тех, что указаны в данной цитате Латуром, в транспортной системе города пересекаются взаимосвязанные элементы из артефактов, знаний, права, рынков, историко-культурных смыслов города, элементов вещественной городской транспортной инфраструктуры, субъектов перевозки и транспортного обслуживания, включая систему управления, сети городского технического обслуживания, сети снабжения. То есть городская инфраструктура также является важнейшим элементом транспортной сети и активно участвует в создании сети социального взаимодействия между людьми и нелюдьми, поддерживая социальный порядок.

Итак, подчеркнем, что гибриды не являются ни социальными, ни природными, ни человеческими, ни нечеловеческими, это связующие звенья для постоянно меняющихся сетей людей и вещей, которые уравнены в правах между собой и все являются полноценными участниками социального действия, то есть участвуют в создании современного мира. В этом смысле *транспортная система города как гибридная социальная реальность представляет собой связующее звено для постоянно меняющихся сетей людей и вещей, технологий, которые участвуют в социальном действии и поддержании социального порядка на уровне города.*

Важно обратить внимание также на специфику понимания социального действия в акторно-сетевой теории, которая состоит в том, что акторно-сетевая теория не придает значения осознанности действий. Она переносит

сит акцент на само действие как социальный факт, предметом исследования становятся возможности взаимодействия акторов и границы трансформаций. АСТ стремится предложить инструменты анализа процесса конструирования совместной деятельности, используя специализированный словарь, поэтому для лучшего ее понимания стоит уточнить ее основные понятия, а именно: актор, актант, сеть.

Употребление понятий субъекта и объекта воспринимается представителями акторно-сетевой теории некорректным, поэтому оба они, независимо от того, являются ли они людьми или вещами, заменяются на более абстрактное понятие *актора* – действующего, совершающего (опосредующего) действие [8]. По Латуру, актор – это не только действующий субъект, но и объект, который может быть актором. Акторами могут быть люди и нелюди (биологические и небιологические образования), то есть это могут быть и животные, технологии, архитектура, деньги и другие объекты при определенных условиях, а именно тогда, когда они «побуждаются к действию множеством других». Такие акторы складчаты, неоднородны, свободно соединяются между собой, не различаются по масштабам, конституируют свою собственную временность, у них нет никакого закрепленного порядка. И все это не задает никакого реально наблюдаемого объекта (так же, как записи не интересуются записываемыми объектностями), а является «необходимым условием возможности наблюдения и регистрации акторов» [9, с. 185].

Латур считает нужным подчеркнуть: «Актор» здесь не для того, чтобы играть роль агентности, а «сеть» – роль общества. «Актор» и «сеть»... обозначают две стороны одного и того же феномена, как волны и частицы... Социальное – это определенный тип циркуляции, способной бесконечно блуждать, никогда не сталкиваясь ни с

микроуровнем (нет неструктурированного взаимодействия), ни с макроуровнем (есть только локальные суммирование, производящие либо локальные тотальности («олигоптика»), либо тотальные локальности (агентности)» [10, с. 206].

Таким образом, актор – это понятие, снимающее различие между социальным и материальным действием, активным субъектом и пассивным объектом, следовательно объекты природы и технологии можно описывать в тех же выражениях, что и поведение человеческих агентов. Совершать действие, по Б. Латуру, «действовать – значит опосредовать действия другого», создавать «ансамбли отношений» [7, с. 172], или «сети отношений» [11, pp.4,75], участниками которых могут стать как человеческие, так и нечеловеческие объекты. Это не подразумевает мотивацию ни отдельных людей, ни людей в целом. Действующим лицом может быть буквально все, что угодно, если оно считается источником действия.

Следующая категория теории АСТ – *актант*, специфика которого состоит в том, что он способен «изменить других акторов посредством ряда действий» [12]. Актантом может быть буквально все, что угодно – человек, организация, вещь, идея, подарок, тост – «...любой действующий объект, чье действие значимо для сети», если ему приписывают роль источника действия» [7].

Понятие «актант» акцентирует внимание на вовлеченности равноправных участников таким образом, что все актанты, которые совместно выполняют какое-либо действие, составляют актора этого действия. Все актанты являются равноправными участниками сети взаимодействий. Однако все акторы в концепции Латура делятся на «проводников» и «посредников»: акторы-проводники просто передают взаимодействия и транслируют связи, ничего не привнося в них от себя; акто-

ры-посредники напротив обогащают актор-сеть новыми и обновлёнными ассоциациями, создают новые связи [7, с. 28].

Актанты играют важную роль в создании и развитии *сети*, их действия значимы для нее. Сети образуются из союзов актантов, в которых их идентичности оказываются предельно взаимосвязаны. Отношения между равноправными акторами нестабильны и требуют их постоянного поддержания за счет испытаний сил (в противном случае акторы могут вовсе исчезнуть). По Б. Латуру, сеть представляет собой «ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник» [7, с.28]. Она может быть повсеместной, не становясь при этом универсальной; в рамках отношений актор – сеть интересы различных актантов воплощаются и отражаются в технических и социальных механизмах.

Как видим, в акторно-сетевом подходе нет открытого противопоставления акторов и сетей. При этом акторы являются не отдельными сущностями, а, скорее, частями сети, которые достигли определенной степени топологической сложности, причем множество отношений распознаются в сети как единый объект.

В контексте акторно-сетевой теории *акторами* в транспортной системе являются индивиды, сознательно вступающие во взаимодействие с социальной реальностью. *Актантами* же выступают нечеловеческие элементы, такие как здания, улицы, велосипеды,

автомобили, автобусы, иные транспортные средства, дорожные указатели, светофоры, которые действуют и влияют на построение и развитие сети, позволяют устанавливать ассоциации друг с другом, побуждают друг друга ко множеству действий.

Выводы

Итак, в методологических рамках акторно-сетевой теории перспективы исследования транспортной системы состоят в ее анализе как многоуровневой и гибридной социальной реальности, построенной на реляционной сети равноправных акторов, которые могут быть человеческими и нечеловеческими сущностями, каждый из которых оказывает одинаковое влияние (способность изменять сеть) независимо от того, люди они или вещи. Например, дорожное движение осуществляется исключительно во взаимодействии самих индивидов (пешеходов, водителей и других участников движения) и инфраструктурных объектов (социальные институты, технические объекты и т.д.).

Заключение

Таким образом, восприятие транспортной системы в качестве социальной сети предполагает определения ее как более приближенной к реальности, открытой, менее ограниченной по качеству и количеству входящих в нее элементов, как обладающей возможностью быстрой перегруппировки компонентов с учётом интересов всей сети и её членов, в частности.

Список литературы / References

1. Pels D., Hetherington K., Vandenberghe F. The status of the object: performances, mediators and techniques // Theory, Culture and Society. 2002. Vol. 19. № 5/6. P.1-21.

2. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри обще-

ства [пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Милыева]. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

Latour B. Science in Action: Following scientists and engineers within Society [trans. translated from English by K. Fedorova; scientific ed. by S. Milyaeva].

St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. 414 p. (In Russ.)

3. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов; [пер. с фр. А.В. Дьякова]. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. – 316 с.

Latour. Pasteur: The World is the year of the war of microbes; [translated from the French by A.B. Dyakov]. – St. Petersburg: It is decreasing-the new European roots are in St. Petersburg, and 2015. – p. 316. (In Russ.)

4. Callon M., Law J. On the Construction of sociotechnical networks: content and context revisited. // Knowledge and Society. Vol. 8. 1989. P.62-66.

5. Callon M. The Sociology of an ActorNetwork: The Case of the Electric Vehicle// M. Callon, J. Law, & A. Rip (Eds.), Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. – 1986. – pp. 19-34..

6. Latour, Bruno.. We Have Never Been Modern. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 1993, 154 p.

7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с. С. 17.

Latour, B. The reassembly of the social: an introduction to the actor-network Theory of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. 17. (In Russ.)

8. Сивоконь А.С. Акторно-сетевой подход и перспективы в социально-философском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157(1). С. 162–169.

Sivokon A.S. Actor-network approach and perspectives in socio-philosophical discourse // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2015. Vol. 157(1). pp. 162-169. (In Russ.)

9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями. // Логос. – 2017. Т. 27. №1. С. 173-200.

Latour B. On actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications. // Logos. – 2017. Vol. 27. No. 1. pp. 173-200. (In Russ.)

10. Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве // Логос. 2017а. № 1. С. 201-2016.

Latour B. AST: the question of the review //Logos. 2017a . No. 1. pp. 201-2016. (In Russ.)

11. Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity// Actor-Network and After/ Ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999. 264 p.

12. Latour B. Politics of nature: how to bring the sciences into democracy. Porter C, translator. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 320 p.

Информация об авторе

Абдульязнов Артур Рашидович, председатель совета директоров производственного объединения «Зарница». SPIN-код: 8072-4818, Author ID: 1031102, ORCID: 0000-0002-2188-4277, Researcher ID: LWK-5434-2024, e-mail: director@zarnitza.ru

Information about the author

Abdulzyanov Artur Rashidovich, Chairman of the Board of Directors of the Zarnitsa Production Association. SPIN-код: 8072-4818, Author ID: 1031102, ORCID: 0000-0002-2188-4277, Researcher ID: LWK-5434-2024, e-mail: director@zarnitza.ru

Поступила в редакцию 03.05.2025; принята к публикации 16.06.2025.
Received 03.05.2025; Accepted 16.06.2025.

